

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**
№ 3 (35) 2012
ISSN 1996-0522

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ**Философия**

С. В. Борисов – д.ф.н., профессор
Ю. Г. Ершов – д.ф.н., профессор
В. А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
А. В. Павлов – д.ф.н., профессор
В. Д. Попов – д.ф.н., профессор
А. С. Чупров – д.ф.н., профессор

Политология

С. Г. Зырянов – д.полит.н., профессор
А. В. Понеделков – д.полит.н., профессор
О. Ф. Русакова – д.полит.н., профессор

Социология

Е. В. Грунт – д.ф.н., профессор
Н. Б. Костина – д.с.н., профессор

Юриспруденция

В. Г. Графский – д.ю.н., профессор
С. В. Кодан – д.ю.н., профессор
А. Б. Сергеев – д.ю.н., профессор

Экономика

О. В. Артемова – д.э.н., профессор
Т. Ю. Савченко – к.э.н., доцент

Культурология

С. С. Загребин – д.и.н., профессор
Л. Б. Зубанова – д.культурологии, доцент
А. Н. Лукин – к.культурологии, доцент

История

С. В. Нечаева – к.и.н., доцент
В. Н. Новоселов – д.и.н., профессор
С. С. Смирнов – д.и.н., профессор

Главный редактор

доктор политических наук,
профессор С. Г. Зырянов

Заместитель главного редактора

доктор философских наук,
профессор А. С. Чупров

Редакция

А. Н. Лукин – зав. рубрикой философии
С. Г. Зырянов – зав. рубрикой политологии
Е. В. Грунт – зав. рубрикой социологии
А. В. Ильиных – зав. рубрикой
государства и права
Т. Ю. Савченко – зав. рубрикой
экономики и управления
С. С. Загребин – зав. рубрикой культуры
В. Н. Новоселов – зав. рубрикой истории
А. В. Павлов – ответственный
за международные контакты

Ответственный секретарь

кандидат философских наук А. А. Куштым

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 09.06.2012 г.

Формат 70x108^{1/16}. Печ. л. 8,75.

Тираж 1000 экз. Заказ № 415.

Гарнитура FreeSet. Печать офсет.

Издание подготовлено к печати

и отпечатано

Издательским центром «Академия»,

625017, г. Тюмень,

ул. Авторемонтная, 18, стр. 5

Тел./факс: (3452) 68-23-92

E-mail: press@whiteship.ru

Цена свободная

СОЦИУМ**Г. Е. Зборовский**

Образовательное знание социума 5

Т. А. Бондаренко

Министерство внутренних дел Российской Федерации
в иерархии престижа силовых ведомств 9

ВЛАСТЬ**Е. В. Безвиконная**

Муниципальная политическая культура и формы
политической активности местного сообщества 14

Н. С. Бердникова, О. Б. Подвинцев

Трансформация моделей управления в крупных
российских городах на рубеже 2000–2010-х гг.:
Пермь, Екатеринбург, Омск (продолжение) 20

С. С. Стрельников

Законодательное оформление
государственно-конфессиональных отношений: анализ
проектов концепций государственной политики 25

О. В. Осипов

О разграничении секулярного и религиозного
в политической жизни России 30

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО**О. С. Черепанова**

Принцип взаимной ответственности государства
и личности: понятие, сущность, структура 34

Р. С. Тараборин

К вопросу о юридической силе сводов законов
Российской империи 1832-1857 гг. 39

Е. В. Голощапов

Особенности предупреждения преступлений, связанных
с незаконным оборотом наркотических средств
и психотропных веществ в местах лишения свободы 43

В. А. Семенов, О. В. Гладышева

Полномочия руководителя следственного органа
в досудебном производстве 46

Е. О. Никулочкин, А. Б. Сергеев

Главные и доказательственные факты в системе
доказательственного права: соотношение
и взаимообусловленность 50

**Публикация
отозвана
14.04.2023**

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ**И. В. Лавров**

Экономические аспекты развития теории благосостояния
в условиях социального государства 53

Е. А. Неживенко

Конкурентоспособность региона: методологические
проблемы исследования 57

О. А. Мишанина

Понятие и обоснование необходимости антикризисного
управления на уровне муниципального образования . . . 62

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ****Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношений с государственной и муниципальной властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на страницах 139–140

**Ваши материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

454071, г. Челябинск, а/я 6511
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: kushtym@rane74.ru

Адрес в Интернет:
<http://rane74.ru>

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна

Журнал выходит 6 раз в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

Н. Ю. Коротина

Обеспечение финансовой самостоятельности муниципальных образований в Российской Федерации . . . 67

С. Г. Симонов, И. Л. Кирина, М. К. Кайдаров Публикация отозвана
Перспективы развития рынка труда юга
30.05.2023

Тюменской области 72

КУЛЬТУРА**А. В. Павлов**

Морализм европейского Модерна 75

Е. Н. Яркова

Нравственные основания российской модернизации . . . 81

С. Н. Некрасов

Евразийско-культурологический научный дискурс модернизации: личность и права человека как центральная проблематика российских перестроек 89

В. А. Жилина

Соотношение восходящих и нисходящих форм развития субъекта идеологии. 92

В. В. Баркова, В. И. Липский, Т. В. Никанорова

Стили философского мыслетворчества и поиск субъектом своей философской стези «поверх их размежевания» . . . 94

К. М. Ольховиков

Философия конфликта как матрица религиозной толерантности. 99

ИСТОРИЯ**М. Н. Потемкина**

Образ СССР в канадской прессе 1945–1946 гг. 104

Т. И. Трошина

Специфика народного правотворчества на Европейском Севере России в условиях «вакуума власти» 1917–1921 годов 107

Е. И. Антипова

Организация санаторно-курортного дела органами социального страхования в период НЭПа (на материалах Уральской губернии) 113

Г. С. Смирнов

Становление и развитие домов-интернатов малой вместимости на Южном Урале (на примере Челябинской области) 117

В. Н. Новоселов

Наращивание мощностей производства плутония и трития на ПО «Маяк» в условиях холодной войны (1948–1950-е гг.) 121

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА**Г. Л. Тульчинский**

«Безумие» или новая жизненная компетентность? 124

А. Р. Ермолюк, А. В. Ермолюк

Мудрость и юродство Василия Розанова (Размышления над статьёй М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова «Векордизм, или Мироощущение как способ защиты») 127

**Scientific journal
«SOCIUM and POWER»**

№ 3 (35) 2012
ISSN 1996–0522

Founded by
«Ural Academy of Public Administration» and
«Institute of urban development»

Published by
Chelyabinsk institute (branch) of
the Ural Academy of Public Administration

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

S. V. Borisov – Ph. D., professor
Yu. G. Ershov – Ph. D., professor
V. A. Loskutov – Ph. D., Professor
A. V. Pavlov – Ph. D., Professor
V. D. Popov – Ph. D., Professor
A. S. Chuprov – Ph. D., Professor

Political Science

S. G. Zyrianov – Dr. Sc. (Political Science),
Professor
A. V. Ponedelkov – Dr. Sc. (Political Science),
Professor
O. F. Rusakova – Dr. Sc. (Political Science),
Professor

Sociology

E. V. Grunt – Ph. D., Professor
N. B. Kostina – Dr.Sc. (Sociology), Professor

Law

V. G. Grafskiy – LL.D, Professor
S. V. Kodan – LL.D, Professor
A. B. Sergeev – LL.D, Professor

Economics and Administration

O. V. Artyomova – Dr. Sc. (Economics), Professor
T. Yu. Savchenko – Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor

Cultural Studies

S. S. Zagrebin – Dr. Sc. (History), Professor
L. B. Zubanova – Dr. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
A. N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor

History

S. V. Nechaeva – Cand. Sc. (History),
Assistant Professor
V. N. Novoselov – Dr. Sc. (History), Professor
S. S. Smirnov – Dr. Sc. (History), Professor

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science,
Professor S. G. Zyryanov

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy,
Professor A. S. Chuprov

Editorial board

A. N. Lukin – Head of Philosophy Dept
S. G. Zyrianov – Head of Political Science Dept
E. V. Grunt – Head of Sociology Dept
A. V. Ylyinykh – Head of Law and State Dept
T. Yu. Savchenko – Economics and management
S. S. Zagrebin – Head of Cultural Studies Dept
V. N. Novoselov – Head of History Dept
A. V. Pavlov – International Relations

Executive editor

Cand. Sc. (Philosophy)
A. A. Kushtym

Certificate of registration
ПН № ФС 77-48298 of 24.01.2012
issued by the Federal Supervision Agency for
Information Technologies and Communications

Passed for printing on June 09.2012.
Format: 70x108^{1/16}. Signatures: 8.75.
Circulation: 1,000 copies. Order #415.
Font family: 'FreeSet'. Offset printing.
The publication was prepared and printed
by the 'Academia' Publishing Center.
Bldg 5, 18 Avtoremontnaya St,
Tyumen, Russia, 625017.
Phone/Fax: +7 3452 682392

Free price

SOCIETY

G.E. Zborowski

Educational knowledge of society 5

T. A. Bondarenko

The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
in the prestige hierarchy of law enforcement agencies 9

POWER

E.V. Bezzikovnaya

Municipal political culture and forms of political
activities of local community 14

N. S. Berdnikova, O.B. Podvintsev

Management models transformation in large Russian
cities in the late 2000-2010s.: Perm, Yekaterinburg,
Omsk (continued) 20

S.S. Strelnikov

Legislative support of state-confessional relations:
an analysis of the projects of public policy concepts 25

O.V. Osipov

On the delimitation of the secular and the religious
in the political life of Russia 30

STATE AND RIGHT

O.S. Cherepanova

The principle of mutual responsibility of state and individual:
concept, nature, structure 34

R.S. Taraborin

On the question of the validity of legal codes
in the Russian Empire of 1832-1857 39

E.V. Goloshchapov

Peculiarities of the prevention of crimes associated
with illegal drug and psychotropic substances dispensing
in institutions of confinement 43

V.A. Sementsov, O. V. Gladysheva

The powers of the investigation agency head in pre-trial ... 46

E.O. Nikulochkin, A.B. Sergeev

The principal and evidentiary facts in the law of evidence: **14.04.2023**
retracted correlation and interdependence 50

ECONOMY AND MANAGEMENT

I. V. Lavrov

Economic aspects of theory of welfare development
in a social welfare state 53

E.A. Nezhivenko

The competitiveness of the region:
methodological problems of research 57

O.A. Mishanina

The concept and rationale for crisis management
at the municipal level 62

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included in **the list of leading reviewed scientific journals and publications**, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, sociology, law, economics, cultural studies, history.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at pages 139–140

**Please send your articles
to the editor's office at:**

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: kushtym@rane74.ru

Website:
<http://rane74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved.

The journal is published six times a year, is distributed by subscription at post offices

**Subscription index in
Russia
46536**

N.Y. Korotina

Ensuring financial independence of municipalities in the Russian Federation 67

S.G. Simonov, I.L. Kirina, M.K. Kaydarov Retracted 30.05.2023

Prospects for the development of labor market in the south of the Tyumen Region 72

CULTURE

A.V. Pavlov

Moralism of European Modernist style 75

E.N. Yarkova

The moral foundation of Russia's modernization 81

S. N. Nekrasov

Eurasian cultural scientific discourse of modernization: personality and human rights as a central issue in Russian restructuring 89

V.A. Zhilina

Correlation of upward and top-down forms of development of the ideology subject 92

V.V. Barkova, V.I. Lipsky, T.V. Nikanorova

Styles of philosophical brainwork and a person's search of their philosophical path «over their disengagement» 94

K.M. Olkhovikov

The philosophy of conflict as a matrix of religious tolerance 99

HISTORY

M.N. Potemkina

The image of the Soviet Union in the Canadian press in 1945-1946 104

T.I. Troshina

The specificity of the national law-making in the European North of Russia in a «power vacuum» of 1917-1921 107

E.I. Antipova

Organization of sanatorium-resort business by social insurance agencies during the period of the New Economic Policy (on materials of the Ural Province) 113

G.S. Smirnov

Formation and development of low capacity foster homes in the South Urals (on the example of the Chelyabinsk region) 117

V.N. Novoselov

Expanding capacity of plutonium and tritium production in the PA «Mayak» during Cold War (1948-1950) 121

DISCUSSIONS AND POLEMIC

G. L. Tulchinsky

«Madness» or a new life competence? 124

A.R. Ermolyuk, A.V. Ermolyuk

Wisdom and foolishness of Vasily Rozanov (Reflections on the article by M.V. Chekmarev and A. S. Chuprov «Vekordizm or attitude as a way of protection») 127

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАНИЕ СОЦИУМА

УДК 316

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ

Актуальность проблемы определяется необходимостью рассмотрения роли особого вида знания — образовательного в развитии социума. Прежде всего определимся с основными понятиями, используемыми автором. Как явствует из названия статьи, это социум и образовательное знание. С первым понятием проще вследствие его постоянного использования и относительно стабильного и малодискуссионного содержания, со вторым — намного сложнее по причинам обратного характера. Термин «образовательное знание» используется крайне редко, да еще и трактовка его не вполне понятна.

Остановимся вначале на первом понятии, тем более что социум рассматривается в данной статье как объект образовательного знания. Традиционно под социумом понимают социальную реальность самого разного масштаба — от социальной общности до общества в целом [5, с. 376]. Поскольку социальная общность характеризуется громадным видовым многообразием [3], сразу возникает необходимость его ограничить и определить какой-то обобщенный ее тип, с которым может корреспондировать социум. По нашему мнению, это большие, устойчивые социальные образования, которые могут выступать как социетальные общности либо социальные сообщества, характеризующиеся определенными пространственно-временными границами, относительным единством условий жизнедеятельности людей, их идентификацией (самоидентификацией) со своим социумом, общностью культуры.

Социум обладает относительной целостностью, автономией, самодостаточностью, которые позволяют рассматривать его как разновидность социальной системы, имеющей собственную структуру, выполняющей самые различные функции и дисфункции. Социум характеризуется наличием определенной ценностно-нормативной основы, которая обуславливает взаимосвязь между образующими его индивидами. Его существование поддерживается за счет их производственной, социальной, культурной, образовательной, познавательной и иной активности.

Жизнь любого социума может быть успешной, если деятельность его членов базируется на наличии у них знаний о нем, о механизмах его существования, эффективности функционирования, способах поддержания в нем порядка, устраивающего большинство людей, включенных в систему этого социума. Приведенное суждение вполне сопрягается с мэйнстримом

современной социальной мысли о том, что общество переходит к новому своему состоянию, основой которого является производство, распространение и потребление знания. Знаниевая модель общества (или знаниевая парадигма) является одной из основных в современном мире. Согласно этой модели, на смену обществу информационному приходит общество знания. С логической точки зрения такое умозаключение вполне приемлемо, если учесть, что основой знания является информация.

Но связь между ними опосредована очень важной сферой деятельности, системой, социальным институтом. Речь идет об образовании, которое является основным каналом трансляции, получения, освоения и усвоения знания, того знания, которое становится принадлежностью индивида, его достоянием, собственностью или, выражаясь термином французского социолога П. Бурдьё, капиталом. По существу, речь идет не просто о знании, а о его особом виде — образовательном знании.

Таким образом, мы переходим к рассмотрению второго основного понятия — образовательного знания. Однако, прежде чем приступить к его трактовке, обратимся к краткой характеристике родового по отношению к нему понятия — знания.

В самом общем виде знание — это соответствующим образом обработанная, зафиксированная и усвоенная информация об окружающем мире и самом человеке. Традиционная трактовка знания сводится к тому, что оно является собой проверенный практикой результат познания действительности, отражение (с разной степенью достоверности) в сознании человека объективных свойств и закономерностей изучаемых процессов и явлений окружающего мира.

Знание выступает объектом анализа, пребывая в самых разных своих видах: донаучном, научном, мифологическом, религиозном, эмпирическом, теоретическом, практическом, художественном, обыденном (житейском) и т. д. Знания одних «видов знания» можно получить только из книг и Интернета (к примеру, научное, теоретическое), других — как из них, так и в ходе социального либо межличностного взаимодействия (религиозное, художественное знание), третьих — на основании практических действий (эмпирическое, практическое знание), четвертых — в рамках влияния традиций и обычаев (знание норм поведения) и др.

Как известно, в системе социологии существует возникшая в конце 1920-х гг. особая

отрасль, изучающая комплексно проблематику знания. Она является одной из самых первых и ранних в структуре этой науки. Основателем отрасли и ученым, давшим ей имя, — «социология знания» — был немецкий философ и социолог М. Шелер, который внес большой вклад в ее конституирование и разработку [7].

Виднейший представитель социологии знания, американский ученый Р. Мертон, обращаясь к содержанию понятия «знание», считал, что его следует интерпретировать в рамках социологической характеристики чрезвычайно широко, как включающее в себя «практически всю гамму продуктов культуры». Исходя из этого, Р. Мертон полагал, что социология знания «интересуется прежде всего отношениями и взаимосвязями между знанием и другими факторами, существующими в обществе и культуре» [8, с. 456].

Понятно, с учетом позиции Р. Мертона, что социология знания ориентируется на предельно широкое толкование понятия знания, которое включает в себя социокультурный контекст его функционирования. Этот подход, как нам представляется, является оптимальным для исследования поставленной в названии статьи проблемы и ориентирует на выявление связи между социумом и знанием как частью культуры, направленным на его изучение.

В современной социологии знания можно выделить две линии, одна из которых связана с изучением специализированного (в том числе научного), другая — обыденного, житейского знания. В последние несколько десятилетий лет вторая линия стала (или становится) доминирующей по ряду причин, в том числе и потому, что житейские знания, основывающиеся на здравом смысле и обыденном сознании, являются важной ориентационной основой повседневного (регулярного) поведения человека в социуме.

С этой точки зрения представляют интерес трактовки знания как совокупности того, что каждый знает о социуме: правила поведения, моральные предписания, принципы, верования, пословицы, умения, навыки, способы деятельности и т. д. Если обратиться к феноменологической социологии, то ее представители П. Бергер и Т. Лукман под знанием понимают прежде всего повседневное знание, а им они считают такое «знание, которое я разделяю с другими людьми в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни» [1, с. 44]. В другом месте книги они пишут: «...такое знание составляет мотивационную динамику институционализированного поведения. ...Знание об обществе является... реализацией в двойном смысле слова — в смысле понимания объективированной социальной реальности и в смысле непрерывного созидания этой реальности» [1, с. 110–111]. Связанное с таким подходом

направление научных исследований дает новый ракурс в изучении повседневного знания как важного фактора освоения социума.

Известно, что существует достаточно большое количество определений и сущностных трактовок знания. Значительный их диапазон обусловлен множеством причин: сложностью самого феномена, наличием целого ряда наук, глубоко занимающихся его изучением (философия, психология, педагогика, социология, экономика, история, право и др.), трансформациями общества и перехода к его новому состоянию или даже типу — обществу знания, в котором знание должно играть решающую роль в его жизни, и т. д. Отсюда — большое количество классификаций и типологий знания. При этом время от времени происходит смещение интересов от одного вида знания к другому — в зависимости от того, каким оказывается социальное и индивидуально-личностное значение того или иного из них.

По нашему мнению, сейчас, в силу ряда обстоятельств, актуализируется проблематика такого вида знания, которое мы, вслед за М. Шелером, называем образовательным. Оно и составляет предмет нашего интереса в данной статье. Сразу отметим: несмотря на то, что термин «образовательное знание» заимствован нами именно у М. Шелера, смыслы и значения, которые мы вкладываем в это понятие, совершенно иные. Да и постановка проблемы и задач анализа имеет немного общего с тем, что мы находим у немецкого мыслителя. Кроме того, Шелер писал не вообще об образовательном знании, а об образовательном знании философии [7, с. 135–143]. В нашей же статье дальше речь пойдет об образовательном знании в целом.

Мы трактуем образовательное знание (в самом общем плане) как особый вид знания, составляющий содержание любого образовательного процесса, независимо от форм его организации, учебных заведений, уровня получаемого в них образования, его субъектов. Этот вид знания призван транслировать достижения науки и культуры от их творцов пользователям (потребителям) знания. Образовательное знание нельзя представить ни как научно специализированное, ни как обыденно-житейское. Знание, которое транслирует педагог (учебник) и интериоризирует учащийся (студент), не является в полной мере научным, поскольку требует некоторого «упрощения», редукции, адаптации. В то же время оно содержит в себе черты обыденного, доступного знания и, что особенно важно, соответствующего ему языка, с помощью которого образовательное знание транслируется. Для того чтобы приобрести необходимый статус особого вида знания, стать усвоенным, «интернализированным», оно должно

«совмещать» содержательные стороны, черты, элементы, языки научного и повседневного знания [4].

Следовательно, под образовательным знанием можно понимать знание, разделяемое педагогами и учащимися в привычной самоочевидной обыденности учебных занятий. В этом смысле мы можем говорить, что само образовательное знание, рождающееся в процессе взаимодействия между научным, культурным и обыденным знанием, понимается как совокупность, а еще лучше как система, взаимосвязь отдельных положений, фактов, суждений, теорий и концепций, оформленных в виде некоторых четких, доступных, конкретных, доказательных утверждений.

Понятие образовательного знания имеет значение для анализа процесса обучения и самообразования. Освоение этого вида знания является предпосылкой становления стратегий образовательной и самообразовательной деятельности: формирования потребностей, интересов, ценностей, целей образования и самообразования, обретения человеком умений, навыков учиться самостоятельно, складывания стереотипов, привычек, повседневных практик этих видов деятельности. Вместе с тем, собственно самообразование есть преодоление образовательного знания, с его процедурами редукции, «оповседневивания», упрощения смысловых систем. Самообразование представляет собой включение в области предельных значений, освоение смыслов различных сфер социально-ориентированного знания.

Структура образовательного знания существенно отличается от структуры научного, с одной стороны, повседневного знания — с другой. Научное знание в образовательном знании воспроизводится далеко не всей гаммой и палитрой понятий, терминов, суждений, умозаключений, гипотез. Передается лишь внешняя канва и то, что доступно сознанию, не «замутненному» сложной научной символикой, логикой проникновения в суть проблемы, поиском путей их решения и т. д. Поэтому от научного знания образовательному достаются лишь некоторые результаты, выводы, общие положения. Что касается повседневного знания, то в результате освоения его субъектами образовательного знания уровень их сознания и поведения изменяется, наполняется новым содержанием, иными ценностными ориентациями, постановкой более сложных целей и задач. Следствием становится приобретение повседневным знанием новых качественных характеристик.

Не следует думать, что образовательное знание возникает только лишь под давлением «сверху», вследствие необходимости трансформации достижений науки и культуры в плоскость

их усвоения в рамках повседневного знания. Не меньшую роль в развитии образовательного знания играют потребности «снизу», т.е. тех его субъектов, чей повседневный образ жизни испытывает постоянную нужду в этом знании.

Важным становится вопрос о том, какие общественные функции выполняет образовательное знание. Главной среди них является, по нашему мнению, встраивание (с помощью этого знания) образования и человека в социум, рассмотрение его в широком социокультурном контексте. Существенное значение в этой связи приобретает понимание противоречивости образования как феномена, с одной стороны, консервативного (по своей природе), с другой — вынужденного (должного) улавливать происходящие изменения. С этой точки зрения образование следует рассматривать как механизм передачи знаний и культуры. Весь вопрос состоит в том, насколько оптимально и эффективно он работает.

Здесь необходимо специально отметить, что если образование на основе транслируемого им знания рассматривает себя только в качестве инструмента научной и культурной репродукции, то оно рискует превратиться в средство воспроизводства общественных отношений, не более того. Это, собственно, и есть его консервативная сторона, которая, по нашему мнению, сегодня доминирует в России. Проблема в том, как использовать образовательное знание в процессе его конструирования и приобретения субъектами образования для формирования их креативных качеств. Само это знание должно носить освобождающий характер и состоять не только из передачи информации, но и из актов познания на основе равенства позиций основных субъектов образовательного процесса, который в состоянии обеспечить эффективность передачи и восприятия знания этими субъектами.

Нам представляется, что требования к образовательному знанию со стороны его субъектов-потребителей в последние годы значительно снизились, в результате чего оно само стало приобретать вид «шагреновой кожи». Чем менее спрос на него, тем больше оно «скукоживается», становится ограниченным. Возникает проблема функционирования образовательного знания в обществе. Сам процесс его приобретения заметно видоизменяется в сторону не только облегчения труда по овладению этим знанием, но и его самого. Когда студенты не хотят читать солидные учебники и монографии, а предпочитают им конспекты лекций, своего рода «дайджесты», найденные в Интернете своеобразные симулякры серьезных работ — это шаг в названном направлении. По существу речь идет о редукции образовательного знания,

доходящей до крайних примитивистских форм, что является его дисфункцией. Таких студентов становится все больше, поскольку заметно снижается мотивация на получение образовательного знания.

Как показывают многие исследования, в том числе и наши, реально стремящихся к получению знаний и способных к этому сегодня (могут и хотят учиться) не более 15–20% от общего количества студентов. В этом убеждает даже визуальная фиксация – в обычной академической группе (элитные вузы мы не берем) таких студентов в среднем 3–5 человек. Мы разделяем точку зрения Л.Д. Гудкова, который пишет: «...если обратиться к данным опросов «Левада-Центра», самой серьезной проблемой российского образования респонденты чаще всего называли «отсутствие интереса к учебе». Далее автор отмечает, что «лишь для 10–15% населения (и молодежи) ориентация на получение высококачественного высшего образования не просто декларируется, но и сопровождается реальными усилиями как по подготовке к поступлению в вуз, так и последующими усиленными занятиями в процессе учебы...» [2, с. 36–37].

Возникают своего рода сообщающиеся сосуды: ниже мотивация – ниже требования к знанию. Вслед за этим снижается уровень требований субъектов образовательного знания, его создателей – к ученикам, студентам и к самим себе. Это и есть «шагреновая кожа» образовательного знания. А отсюда и путь к снижению траектории познавательной стратегии, вплоть до стратегии научного знания, которое тоже оказывается, в конечном счете, «заложником» образовательного знания. Чем ниже его уровень, тем меньше вероятность того, что люди, им овладевающие, будут стремиться к занятиям производством научного знания. Таким образом, мотивация становится элементом механизма функционирования и воспроизводства образовательного знания. Само же оно превращается в социальный феномен, встроенный в систему социума. Здесь нельзя не вспомнить К. Манхейма, который много писал о социальной обусловленности знания и о том,

что оно выступает частью общего социального прогресса [6].

Особое место в структуре образовательного знания занимает такой его вид, который предназначен для дистанционного образования. Об этом необходимо специально сказать, поскольку его развитие особенно активно происходит в последние годы и требует весьма специфического контента в виде целевым образом создающегося для него образовательного знания, связанного с использованием современных интернет-технологий, возможностей виртуального образовательного пространства и др. В этом случае можно, видимо, говорить о существовании интернет-знания как разновидности образовательного знания.

Специфическим видом образовательного знания следует считать знание, транслируемое не через учебник, а через телевидение. «Телевизионное знание» – условное название для такого знания. Оно содержит в себе громадные плюсы, связанные с непосредственным аудиовизуальным воздействием на потребителей этого знания (аудиовизуальные средства очень эффективны, особенно при качественной работе операторов, сценаристов, режиссеров). Подчас создание подобного знания очень трудоемко и капиталоемко. Но есть и такие формы телевизионного образовательного знания, которые не требуют значительных затрат и при этом могут быть весьма востребованными. Доказательство этому – научно-популярные лекции, читаемые крупнейшими учеными страны по самым разным научным направлениям в рамках цикла «Academia» по телевизионному каналу «Культура». Это, с нашей точки зрения, блестящий пример телевизионного образовательного знания. Жаль только, что этот канал имеет не настолько массовую аудиторию, какой он, по большому счету, достоин.

Но наличие таких примеров свидетельствует о том, что поиск новых форм образовательного знания представляет для социума очень важную задачу. От успешности ее решения во многом зависит развитие и самого социума, и индивидов, включенных в пространственно-временной континуум его функционирования.

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
2. Гудков Л. Д. Условия воспроизводства советского человека [Текст] / Л. Д. Гудков // Вестник общественного мнения. 2009. № 2.
3. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности [Текст] / Г. Е. Зборовский // Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009.
4. Зборовский Г. Е. Образовательное знание как проблема социологии [Текст] / Г. Е. Зборовский // Социологические исследования. 2012. № 2.
5. Краткий словарь по социологии. М.: Политиздат, 1989.
6. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
7. Шелер М. Формы знания и общество // Социол. Журн. 1996. № 1/2.
8. Merton R.K. Social Theory and Social Structure. N.Y., 1957.

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ИЕРАРХИИ ПРЕСТИЖА СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ

УДК 316.662.23

Т.А. БОНДАРЕНКО

Преобразования российской государственности и правовая реформа затронули важнейшие сферы общественной жизни: политическую систему, государственное строительство, экономические, социальные и правовые отношения. Реформирование коснулось не только Министерства внутренних дел, но и различных силовых ведомств. С целью выявления места органов внутренних дел в иерархии престижа силовых ведомств в ходе реформирования системы МВД России нами проводилось социологическое исследование методом анкетированного опроса в два этапа в Дальневосточном федеральном округе.

Наряду с комплексом общих проблем России, характерных для всей страны, в Дальневосточном регионе существуют и специфические факторы, представляющие собой социально-экономические, исторические, демографические, культурные и тому подобные процессы, связанные с географическим и геополитическим положением края. Так, по важнейшим социально-демографическим и социально-экономическим характеристикам Дальний Восток находится на одном из последних мест в России. По данным на 1 января 2008 года, численность населения в округе составила 6 миллионов 634 тысяч человек (4,6% населения России).

Дальний Восток весьма привлекателен как для российского преступного мира, так и для криминалита приграничных государств. Так, например, Дальневосточный федеральный округ граничит с Китайской Народной Республикой на протяжении 2511 км. Близость границ со странами АТР — КНР, Японией, КНДР способствует активизации местной и развитию международной преступности, поэтому материалы на данные темы всегда вызывают повышенный интерес у населения Дальнего Востока.

На вертикальном уровне органы внутренних дел по показателям социально-экономического положения располагаются ближе всего к силовым ведомствам. В данном случае профессиональные группы упорядочены по содержанию труда с учетом двух сторон: функциональной и социальной. В силу множества направлений деятельности силовых ведомств им присущи развитая коммуникационная система, обеспечивающая взаимосвязи

как во внешней, так и во внутренней среде. Широкое правовое поле их деятельности обеспечивает силовым ведомствам относительную самостоятельность их функционирования. Для изучения престижа МВД в социуме мы использовали сравнительный анализ престижа таких силовых ведомств, как ФСБ, МЧС, прокуратура, ФСИН, МО, ФТС Российской Федерации.

Первый этап исследования проводился в мае 2004 года. Выборка составила 632 респондента (жители Хабаровского и Приморского края, Магаданской области). Второй этап исследования проводился в апреле 2010 года. Выборка составила 518 респондентов (жители Хабаровского края и Еврейской автономной области). При формировании выборочной совокупности применялась методика квотного стратификационного отбора со связанными параметрами (пол, возраст, сфера занятости, образование, место жительства).

При организации исследования мы учитывали тот факт, что в переходных обществах необходимо учитывать систему установок респондента, поскольку они более подвижны, чем ценности, убеждения и другие элементы личности. Когда мы хотим изучить такие социально-психологические образования, как стереотипы, ценности, социальный престиж, имидж, то есть образования, глубоко затрагивающие аффективный уровень респондента, необходимо учитывать переплетения в индивидуальном сознании двух реальностей: отраженных непосредственно в виде субъективных переживаний и ощущений (аффективный уровень сознания) и существующих опосредованно — через языковые формы (когнитивный уровень). Поэтому при анализе результатов опроса граждан мы будем выделять две основные формы установки на восприятие сотрудника силового ведомства — аффективный (антипатии и симпатии по отношению к значимым объектам) и поведенческий (готовность действовать по отношению к объекту, имеющему личностный смысл).

Измерение престижа профессии того или иного силового ведомства мы осуществляли посредством шкал престижа, составляемых с помощью респондентов, которых просили

выстроить профессии относительно друг друга в соответствии с их значимостью, привлекательностью. Сравнительные

результаты анализа наделения престижем силовые ведомства респондентами в 2004–2010 годах представлены в таблице.

Таблица 1
Шкалы престижа силовых ведомств

Критерий	ФСБ		МЧС		МВД		Прокуратура		ФСИН		МО		ФТС	
	2004	2010	2004	2010	2004	2010	2004	2010	2004	2010	2004	2010	2004	2010
Социальная значимость выполнения служебных обязанностей	4	1	1	2	2	4	7	3	6	6	3	5	5	7
Степень желаяния нести службу в силовом ведомстве	1	1	4	3	5	4	3	2	7	7	6	6	2	5
Степень популярности представителей силового ведомства среди граждан	2	1	1	3	3	4	6	2	7	7	4	5,5	5	5,5
Какая служба дает ее сотрудникам ощущение социальной стабильности	1	1	6	3	7	4	2	2	3	7	5	6	4	5
В какой службе высокая оплата труда	2	1	6	3,5	5	6,5	1	2	4	6,5	7	5	3	3,5
Перспектива профессионального (карьерного) роста	2	1	3	3,5	6	3,5	7	2	4	7	1	5	5	6
Возможность личного роста	2	1	5	4	4	3	1	2	7	6	6	7	3	5
Желание поддерживать дружеские отношения	2	1	5	3,5	3	3,5	1	2	7	7	6	5	4	6
Желание вступить в брак с сотрудником	1	1	4	3	6	4	3	2	7	7	5	5,5	2	5,5
Уважительное отношение к службе и ее сотрудникам	2	1	1	3	6	4,5	3	2	7	6	4	7	5	4,5
Общий ранг ®	1	1	3	3	5,5	4	2	2	7	7	5,5	6	4	5

Как видно из таблицы, если в 2004 году МВД вместе с МО находилось на предпоследнем ранге в иерархии престижа силовых ведомств, то в 2010 году произошло повышение престижа до 4 ранга. Рассмотрим каждый показатель более подробно, чтобы выявить те из них, которые способствуют снижению престижа органов внутренних дел в социуме.

В большей степени в 2004 году респонденты оценили социальную значимость органов внутренних дел для России (2 ранг). В 2010 году, на наш взгляд, в большей степени из-за критических замечаний, высказываемых в средствах массовой информации в связи с деятельностью как органов внутренних дел в целом, так и всей правоохранительной системы, данный показатель снизился до 4 ранга. Интерес представляет тот факт, что данный показатель выше всего оценивают жители села (78%), более критично — люди старше 50 лет (67%). Как показали результаты анализа ответов респондентов,

сельские жители свои суждения о социальной значимости формируют на основе личного опыта общения с сотрудниками органов внутренних дел, которые, как правило, носят положительную окраску.

При рассмотрении показателя «социальная значимость выполнения функциональных обязанностей» в целом по силовым ведомствам, можно отметить значительное изменение по ряду ведомств мнения граждан. Так, если в 2004 году на первое место респонденты ставили МЧС, на второе — МВД, на третье — МО, на четвертое — ФСБ, на пятое — ФТС, на шестое — ФСИН, на седьмое — прокуратуру, то в 2010 году распределение выглядело следующим образом: ФСБ, МЧС, прокуратура, МВД, МО, ФСИН, ФТС.

Следующий вопрос — «желание нести службу в силовом ведомстве» — связан с поведенческой установкой, заключающейся в привлекательности профессии. Поскольку мы опрашивали различные категории граждан,

которые уже определились с профессиональным выбором, респондентам разъяснялось, что им предстоит расставить по степени привлекательности силовые ведомства, в которых им хотелось бы нести службу, основываясь на категориях в «большей» – «меньшей» степени. При этом мы учитывали, что индивидуальные оценки привлекательности субъективны, и их необходимо рассматривать как интериоризированное отражение действительных связей, существующих в обществе.

Как показал анализ, увеличилось количество желающих нести службу в МВД (с 5 в 2004 г. до 4 в 2010 г.). Высказалось 69% жителей сельской местности, обосновывая свой выбор тем фактом, что трудно найти работу, а заработная плата у сотрудников органов внутренних дел стабильная и, по их оценке, довольно высокая. К сожалению, всего 49% молодых людей до 30 лет выразили свое желание нести службу в органах внутренних дел, предпочитая службу в ФСБ (81%), МЧС и ФТС (63%).

Третий вопрос, подвергнутый анализу – «степень популярности представителей силового ведомства среди граждан». Респондентам разъяснялось, что под популярностью мы понимаем результат обобщения оценок привлекательности силового ведомства. Степень популярности определяется количеством лиц, для которых привлекательной является не сами сотрудники, а профессиональная деятельность, которой они занимаются. В свою очередь, деятельность становится популярной в силу тех возможностей и гарантий, которыми она обладает для удовлетворения личных потребностей ее работников.

По данному показателю произошло снижение у сотрудников органов внутренних дел с 3 до 4 ранга. Положительных отзывов больше у женщин (76%), меньше – у респондентов старше 50 лет (37%). Такой большой разрыв в ответах был вызван тем фактом, что женщинам нравятся сотрудники силовых ведомств, поскольку они полагают, что там проходят службу настоящие мужчины. В связи с этим приведем для сравнения такие результаты – самые высокие показатели по данному критерию женщины оценили ФСБ (91%). Респонденты старше 50 лет крайне критически оценивали популярность, но при этом ниже, чем МВД оценили только ФСИН (31%).

Следующий вопрос – «какая служба, по мнению граждан, дает сотрудникам ощущение социальной стабильности». Проблемы социальной политики в отношении того или иного силового ведомства находят свое выражение в уровне социальной стабильности,

которая предоставляется его сотрудникам. Законодательством устанавливается определенный объем льгот и компенсаций, формирующих правовые основы для осуществления государственных гарантий по защите прав и интересов сотрудников, чья деятельность в значительной степени связана с риском для жизни и здоровья.

Респондентам разъяснялось, что социальная стабильность включает в себя создание необходимых условий для нормальной деятельности сотрудников силового ведомства. Сюда включают социальные гарантии, льготы, компенсации.

Интерес представляет тот факт, что, несмотря на то, что молодые люди до 30 лет меньше других слоев населения выразили желание нести службу в МВД, тем не менее, они больше всех остальных считают, что данная служба предоставляет сотрудникам ощущение социальной стабильности (72%). В меньшей степени данный показатель оценили респонденты старше 50 лет (39%).

Следующий вопрос, подвергнутый анализу – «оценка гражданами уровня денежного обеспечения». В связи с этим необходимо отметить, что правительство России устанавливает виды и размеры денежного довольствия сотрудников силовых ведомств. Оно включает в себя должностные оклады, процентные надбавки за выслугу лет, оклады по специальным званиям, другие надбавки и доплаты. Денежные доплаты и компенсации выдаются сотрудникам за использование личного транспорта в служебных целях, работу сверх установленного времени, за специальное звание и др.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 августа 2008 г. № 583 «О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных учреждений и федеральных государственных органов, а также гражданского персонала воинских частей, учреждений и подразделений федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба, оплата труда которых в настоящее время осуществляется на основе Единой тарифной сетки по оплате труда работников федеральных государственных учреждений» новые системы оплаты труда работников бюджетных учреждений должны были быть введены с 1 декабря 2008 год [4]. Соответственно, после вступления в силу данного законодательного акта нужно было ожидать и повышения заработной платы сотрудников силовых ведомств, к которым относятся и органы внутренних дел.

По мнению ряда граждан, не имеющих отношения к службе, сложилось общественное мнение, что в силовых ведомствах высокие оплата труда и пакет социальных гарантий. Так, Л. Г. Бызов отмечает, что «за несколько последних лет самыми быстрыми темпами росли доходы военнослужащих и работников правоохранительных органов» [1, с. 30]. Однако в работах отечественных ученых отмечается падение жизненного уровня сотрудников органов внутренних дел. Как отмечает М. А. Малыков, анализ практики бюджетного финансирования показывает, что государственное финансирование правоохранительной деятельности в конце XX века не являлось приоритетным направлением расходования бюджетных средств. Так, в государственном фонде борьбы с преступностью, имеющем свои доходные и расходные части, доля доходов федерального бюджета, направляемая в доходную часть этого фонда, год от года стабильно убывает [2, с. 16–18].

В связи с этим необходимо отметить, что к одному из способов социально-экономического обеспечения престижа органов внутренних дел, реализации высокого социального статуса сотрудника, механизмов учета и возмещения высоких профессиональных рисков для жизни и здоровья, степени интенсивности труда в правоохранительной системе. При обосновании мер социальной поддержки мы учитываем зарубежный опыт развитых стран. Как показывает анализ, здесь высокий престиж полицейской службы обеспечивается не только высокими окладами, но и системным социальным пакетом, который гарантирует достойный уровень жизни, возможности получения основных социально-культурных услуг — жилье, образование, медицина. Поэтому наряду с мерами по повышению денежного довольствия и заработной платы сотрудников органов внутренних дел необходимо предусмотреть и разработку системного социального пакета.

Необходимо отметить, что руководством страны предпринимаются шаги в данном направлении. Президент РФ Д. А. Медведев 29 февраля 2008 г. в выступлении на совещании руководства МВД России определил направления развития социальной сферы органов внутренних дел: «Сотрудники Министерства внутренних дел должны чувствовать себя социально защищенными, а не теми государственными служащими, которых финансируют по остаточному принципу. Поэтому важнейший приоритет — повышение уровня социальной защищенности личного состава, органов внутренних дел» [3]. В ходе исполнения

федерального бюджета на 2010 год предусмотрены дополнительные бюджетные ассигнования Министерству внутренних дел Российской Федерации на увеличение стимулирующих выплат сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и формирование специализированного жилищного фонда [5].

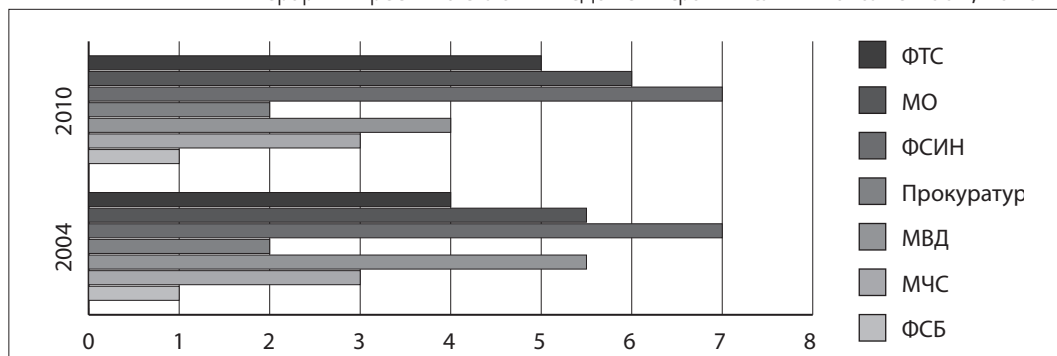
Согласно результатам исследования, респонденты стали выше оценивать перспективу профессионального, карьерного роста сотрудников органов внутренних дел. Больше положительных отзывов по данному критерию было получено от респондентов старше 50 лет (80%), меньше — в возрасте 30–49 лет (55%).

Поведенческие уровни установки отражаются в желании респондентов поддерживать дружеские отношения и вступать в брак с сотрудником силового ведомства. При этом респондентам разъяснялось, что желание может быть как реализованным, так и предполагаемым. Несмотря на примерную аналогичность в ответах по данному вопросу в отношении МВД, вместе с тем можно отметить, что желающих поддерживать дружеские отношения все же больше, чем желающих связать себя узами брака с сотрудниками органов внутренних дел. Это свидетельствует о некоторой дистанцированности граждан от работников ОВД. Обобщив все ответы, мы выделили общие: «С сотрудником милиции нужно дружить — мало ли что», «С сотрудником милиции (независимо от того, мужчина или женщина работает в органах внутренних дел), нежелательно вступать в брак, так как у него мало остается свободного времени на личную жизнь, да и к тому же зарплата маленькая».

Последний критерий, подвергнутый анализу — «уважительное отношение к службе и ее сотрудникам». Согласно результатам исследования, в обществе за последние 6 лет выросло уважительное отношение к сотрудникам органов внутренних дел. Более позитивно по данному вопросу выразились женщины и жители сельской местности (по 67%). Каждый второй гражданин России в возрасте 30–49 лет с уважением относится к данному виду профессиональной деятельности и ее сотрудникам. На наш взгляд, это явилось результатом открытости, на которую были ориентированы органы внутренних дел в последние годы.

Обобщенные ответы по всем вопросам показали, что ниже всего оценивают престиж МВД граждане старше 50 лет (57%), выше — женщины (67%). Но в целом значительных расхождений во мнении не выявлено. Результаты исследования представлены на диаграмме.

Диаграмма 1
Иерархия престижа силовых ведомств: сравнительный анализ 2004, 2010 гг.

По результатам проведенного социологического исследования нами было выдвинуто две гипотезы. Но (нулевая) — иерархия престижа силовых ведомств с 2004 по 2010 гг. в России не претерпела статистически значимых отличий. Н (альтернативная) — иерархия престижа силовых ведомств с 2004 по 2010 гг. в социуме значительно изменилась.

Чтобы проверить данное утверждение, а также выявить степень корреляционной зависимости между исследуемыми признаками, мы использовали коэффициент линейной корреляции Пирсона (R), а также линейную регрессию (r) в компьютерной обработке. Как показал анализ, $R=0,557$, а $r=0,56$, что свидетельствует о средней корреляционной связи. Таким образом, несмотря на незначительную корреляционную зависимость, нельзя утверждать, что иерархия престижа силовых ведомств за период с 2004 по 2010 гг. в России претерпела статистически значимые отличия.

Резюмируя вышесказанное, отметим следующее. Иерархия престижа силовых ведомств в 2010 г.: 1 ранг — ФСБ, 2 — прокуратура, 3 — МЧС, 4 — МВД, 5 — ФТС, 6 — МО, 7 — ФСИН. Сравнительный анализ с 2004 года показал, что изменения коснулись таких социальных организаций, как МВД, ФТС и МО. Произошло повышение престижа органов внутренних дел

в социуме и снижение престижа таможенной службы и военной службы. Статистически значимых изменений в иерархии престижа силовых ведомств за последние 6 лет в российском обществе не выявлено.

Повышение престижа органов внутренних дел произошло на эмоциональном уровне социальной установки по таким критериям, как «перспектива профессионального, карьерного роста», «возможность личностного роста». Аффективный уровень установки граждан выразился в повышении мнения граждан о том, что служба в органах внутренних дел дает сотрудникам ощущение социальной стабильности.

На поведенческом уровне социальной установки произошло повышение такого показателя, как «желание вступить в брак с сотрудниками», что является свидетельством сокращения социальной дистанции между гражданами и сотрудниками органов внутренних дел. Отрадным представляется тот факт, что увеличилось количество граждан, желающих (пусть даже гипотетически) нести службу в ОВД. В качестве желаемых подразделений органов внутренних дел мужчинами были названы чаще всего ГИБДД, а женщинами — работа в следствии. Основным критерием, снижающим желание граждан нести службу в органах внутренних дел, является «низкая оплата труда».

1. Бызов Л. Г. Социальный фундамент новой России [Текст] / Л. Г. Бызов // Человек. 2008. № 2.
2. Малыков М. А. Финансирование правоохранительной деятельности в Российской Федерации [Текст] / М. А. Малыков // Преступность и власть. М., 2000.
3. Медведев Д. А. Выступление на совещании руководства МВД России. Стенограмма от 29.02.08 [Электронный ресурс] / Д. А. Медведев. URL: http://www.medvedev2008.ru/live_press.htm (дата обращения: 10.03.2012).
4. О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных учреждений и федеральных государственных органов, а также гражданского персонала воинских частей, учреждений и подразделений федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба, оплата труда которых в настоящее время осуществляется на основе Единой тарифной сетки по оплате труда работников федеральных государственных учреждений / Постановление Правительства РФ от 05.08.2008. № 583.
5. О некоторых мерах по реформированию Министерства внутренних дел Российской Федерации / Указ Президента РФ № 208 от 18.02.2010.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА

УДК 32.019.51

Е.В. БЕЗВИКОННАЯ

Местное сообщество как системообразующий элемент синергично-коммуникативной модели самоуправления представляет собой сложноорганизованную открытую систему, включающую разнообразные структурно взаимосвязанные элементы, находящиеся в постоянных взаимодействиях с внешней средой. На уровне местного самоуправления сложившееся местное сообщество приобретает особое значение, поскольку именно на локальном уровне граждане не только участвуют в управлении через различные формы народовластия, но и самостоятельно налаживают свою жизнь, осуществляют функции саморегулирования и самоуправления в границах имеющихся у них ресурсов [7, с. 20]. На этой основе обеспечивается формирование и функционирование такого специфического политико-правового института как гражданское общество.

Процесс внутренней самоорганизации местного сообщества становится возможным только при условии наличия у граждан его составляющих, общих правил и стереотипов поведения, определенных ценностей и установок, определяющих их действия и поступки. Одним из инструментов обеспечения целостности местного сообщества становится политический процесс, вовлечение в который создает необходимые условия для консолидации граждан, общественных групп, объединений на конкретной территории муниципального образования. Данный феномен укладывается в содержание понятия «политическая культура». В рамках нашей статьи предпринимается попытка оценить роль и значение политической активности местного сообщества в процессе формирования муниципальной политической культуры.

Политическая культура представляет собой субъективный компонент политической системы, обеспечивая целостность и всеобщность политического процесса на различных уровнях публичной власти. В политологических исследованиях не сложилось единого подхода к оценке содержания и структуры данного

феномена. Поточному замечанию Д. Патрика «...политическая культура не является простой совокупностью ценностей, установок, ориентаций, а выступает способом политического действия в рамках политической системы» [18, с. 29], что обуславливает разнообразие подходов к ее толкованию и оценке. Несомненно, политическая культура предполагает не только наличие определенных ценностных ориентаций и установок, направленных на политическую систему, политический процесс, но и конкретные образцы политической активности (поведения), а также их корреляцию с мировоззренческими установками общества. В этой связи мы предлагаем остановиться на определении политической культуры Н. И. Ефимовой: «Политическую культуру можно определить как систему сложившихся в обществе моделей политического поведения, а также сложившихся в общественном сознании представлений о политике и способах объяснения явлений и процессов политической жизни (курсив мой – Е.Б.)» [5, с. 7]. Оценочная, эмоциональная и познавательная ориентации составляют содержание политических установок общества, которые реализуются в конкретных политических действиях, направленных на обеспечение достижения определенных целей.

В зависимости от объекта политических ориентаций граждан возможно выделить три измерения политической культуры [6]:

- установки относительно институтов публичной власти: удовлетворенность (неудовлетворенность) политическими решениями, оценка политического режима;

- установки относительно иных социальных (политических) институтов: общественные объединения, политические партии, территория, государство и т. д.;

- ориентации относительно собственной политической деятельности: политическая компетентность, убежденность в возможности оказывать влияние на политические решения посредством проявлений гражданской активности.

Основным показателем уровня развития политической культуры становится

электоральная активность населения в период проведения избирательных кампаний. Показательна в этом отношении деятельность независимого научно-исследовательского Центра исследования политической культуры России, регулярно проводящего мониторинг результатов федеральных, региональных и местных выборов, разрабатывающего рекомендации по совершенствованию избирательных технологий [19]. Обращает на себя внимание стремление исследователей ограничить политическую культуру исключительно оценкой электоральной активности граждан, что представляется недопустимым в условиях преобладания формального характера данной формы политического участия, не несущей в себе самоорганизационного потенциала населения и являющейся ответом на политический вызов публичной власти. В этих условиях разнообразные просветительские, творческие мероприятия, направленные на активизацию участия граждан в избирательном процессе, проводимые избирательными комиссиями, органами публичной власти в различных субъектах Российской Федерации, представляют собой лишь ограниченный механизм воздействия на политическую культуру российского общества*.

Данный вывод подтверждается и результатами опроса общественного мнения, проведенного ВЦИОМ в 2006 г. [20]. Отличительным свойством российской политической культуры большинство опрошенных (67 %) назвали «национальную самобытность». Среди характерных особенностей российской политической культуры были выделены: пассивность, равнодушие, нежелание участвовать в политической жизни (68 %); неумение и нежелание соблюдать законы (56 %); всеобщее неверие в идеалы и принципы (52 %). Преобладающими проявлениями культуры российского общества были признаны: уважение к государственным символам (54 %), открытость к опыту других народов (53 %) и коллективизм (51 %). К одной из наиболее благоприятных тенденций развития политической культуры 46 % относит динамику умения и желания граждан бороться за свои права и отстаивать собственные интересы. По результатам опроса общественного мнения, проведенного в 2011 г. Центром исследований

политической культуры России, был констатирован «государственнический» характер российской политической культуры, при преобладании подданнической культуры, но наличии элементов активистской [19]. Несмотря на переходный характер общественно-политических воззрений российского общества, отсутствие их структурной целостности, наблюдается приоритет консенсусных (неантагонистических) установок, и кооперативных (умеренных) тенденций [12].

Для качественного осмысления политической культуры местного сообщества представляется необходимым рассмотреть ее основную разновидность – гражданскую политическую культуру, как результат смешения патриархальной, подданнической и активистской типов. Теоретики концепции гражданской культуры Г. А. Алмонд и С. Верба исходят из ее оценки в качестве необходимой основы для развития демократической государственности, основанной на ценностях гражданского общества и правового государства [1, с. 122, 125]. Наличие потенциально активной гражданской позиции у каждого члена общества становится результатом воздействия различных каналов социализации: семьи, рабочего места, общественных ассоциаций. Таким образом, гражданская культура предполагает наличие развитых коммуникативных связей ключевых субъектов политического процесса, обусловленных не внешними «вызовами» политической элиты, властных институтов, а внутренними потребностями и интересами общества.

Сложноорганизованный характер структуры гражданского общества, включающей различные по своей природе и содержанию институты (союзы предпринимателей, профсоюзы, политические партии, негосударственные СМИ, негосударственные образовательные учреждения, ассоциации, политические клубы, общественные организации, движения и т. д.), создает необходимые условия для формирования заинтересованного, сознательного гражданина, в меру активного, но соблюдающего лояльность по отношению к действиям органов публичной власти. Для более точного понимания значения гражданской культуры в развитом гражданском обществе мы воспользуемся классификацией Ф. Хьюнка

* В качестве наглядного примера можно привести молодежный конкурс «Мы выбираем, нас выбирают», прошедший в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа в феврале 2011 г.

и Ф.Хикспурса, которые предложили использовать термин «гражданская партиципаторная культура» [15, с. 128]. Данный тип культуры относится к разряду активных культур и отличается высоким интересом граждан к политическим процессам, политическим доверием к решениям носителей публичной власти и готовностью принимать участие в политических акциях.

Поскольку гражданское общество предполагает наличие социальных институтов, независимых от государства и способных воздействовать на него, свободных автономных индивидов, осознающих и реализующих свои гражданские права и обязанности, объединенных гражданской партиципаторной культурой, социальной солидарностью и чувством социальной ответственности [13, с. 22], постольку возникает необходимость формирования пространства «общего интереса» государства и гражданского общества. В процессе расширения сферы гражданского общества, углубления его социальной и политической дифференциации создаются необходимые условия для превращения местного самоуправления в посредника, способного эффективно разрешать противоречия между органами государственной власти и местным сообществом. По справедливому выражению А. И. Савельева, «местное самоуправление задает политическое поле, на котором «встречаются» государство и гражданское общество, которое становится пространством их общего интереса» [14]. При этом муниципальное политическое пространство становится сферой преломления различных мировоззренческих, гражданских, социальных и политических представлений и ценностей, т.е. обладает самостоятельной политической культурой.

В границах нашего исследования мы предлагаем руководствоваться термином «муниципальная политическая культура», под которым подразумевается ценностно-нормативная система, комплекс установок, символов, идей, поведенческих стереотипов, которые формируют мотивацию политического и общественного поведения местного сообщества, и обеспечивают целостность общественного сознания в политической сфере (курсив мой — Е.Б.) [1, с. 123]. Муниципальная политическая культура представляет собой базовые представления, ценности и нормы, разделяемые членами местного сообщества и реализуемые в процессе совместной

деятельности и политической коммуникации. Ключевыми параметрами порядка политической культуры местного сообщества выступают:

1) уровень интеграции местного сообщества (наличие чувства гордости от принадлежности к сообществу, представления о его границах) [15, с. 179–210];

2) уровень участия членов сообщества в реализации муниципального интереса, совместных программ и проектов;

3) уровень сохранения стандартов демократии – участие в деятельности органов местного самоуправления (открытость процедуры принятия решений на местном уровне власти, разделение ответственности между органами местного самоуправления и др.).

На современном этапе развития российской государственности процесс формирования муниципальной политической культуры сталкивается с объективными трудностями. Поскольку система местного самоуправления создавалась «сверху» посредством использования административного ресурса, то взаимосвязь между административно-территориальными по своей природе муниципальными образованиями и местными сообществами, сложившимися на основе социокультурной и исторической общности территории проживания, утратила самоочевидный характер. Политическая культура слабо проникает в сознание российского общества, несмотря на наличие глубоких исторических корней в сознании местного населения [8, с. 25]. Сохранение традиционных ментальных характеристик советского периода (пассивность при принятии решений, подозрительность в отношении властных институтов), признание неопределенности (а зачастую и ограниченности) возможностей муниципальной власти и отсутствие системы гражданской солидарности становятся определяющими чертами современной муниципальной политической культуры. Согласно результатам опроса граждан в 68 субъектах Российской Федерации, проведенного фондом «Общественное мнение» в 2008–2009 гг., возможно констатировать преобладание «гражданского» кластера (готовность к политической активности и доверие к властным институтам в 19 из 68 субъектов) и достаточно устойчивые позиции «пассивного» кластера (18 из 68), что свидетельствует о недостаточной степени политической активности

населения в силу неустойчивости существующих социальных групп и недоверия к возможностям общественной консолидации и отстаивания собственных интересов [20]. По мнению Е. Н. Заборовой, причина сложившейся ситуации заключается в том, что «...местное самоуправление видится скорее институтом местного управления, нежели органом народовластия, создаваемого населением для решения своих проблем, а также у людей нет знания о том, в каких формах и на каком уровне возможно участие в местном самоуправлении» [5, с.].

Реализация синергично-коммуникативной модели самоуправления предусматривает активное участие каждого члена местного сообщества в системе принятия общественно значимых решений [2]. Мнение большинства граждан будет служить основанием для принятия политического решения и, следовательно, общественное мнение будет учитываться не только при решении вопросов стратегического развития территории, но и в оперативном управлении. Процесс формирования целостной муниципальной политической культуры предполагает реализацию принципов партисипаторной демократии, вовлечение граждан в политический процесс, повышение уровня их политической культуры и сознания через механизмы политической активности населения локальной территории. В более узком смысле речь идет о политической активности, затрагивающей интересы политических акторов, и имеющей непосредственное отношение к публично-властному регулированию. Основными факторами, обуславливающими политическую активность местного сообщества, становятся: наличие необходимых социальных, социокультурных, информационных, организационных и иных ресурсов; уровень реальной и осознанной социальной защищенности интересов сообщества; наличие развитого (зрелого) общественного мнения и др. Именно эта позиция становится ведущей в выводах экспертов Института современного развития [12].

Самосохранение местного сообщества как самостоятельного субъекта политического процесса непосредственно зависит от проявлений его социальной активности в решении местных проблем. Многообразие форм социально-политической активности граждан невозможно ограничить исключительно перечнем формально-организационных форм, закрепленных

в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, поэтому мы предлагаем руководствоваться классификацией В. Н. Лазарева: 1) участие через профессиональную деятельность (в силу занятия соответствующей должности); 2) участие через общественно-политические организации; 3) непосредственная публичная деятельность; 4) непосредственное воздействие на лиц, принимающих решения (например, через процедуру отзыва выборного должностного лица); 5) обращение к лицам, принимающим решения (правотворческая инициатива); 6) непосредственное воздействие на социальное окружение (гражданская инициатива); 7) участие в благотворительности; 8) забота о собственной семье [9, с. 16]. Ресурсообеспеченность и социальная защищенность как факторы самосохранения местного сообщества выступают как следствием его социальной активности, так и его предпосылкой. Только посредством механизма социальной активности местное сообщество приобретает способность реализовывать собственный самоорганизационный потенциал и использовать весь спектр коммуникативных возможностей.

Социальная активность представителей местного сообщества приобретает институциональное выражение в рамках политического процесса. Политическая активность (political activity) как показатель интенсивности участия субъекта в политическом процессе выступает одновременно и в качестве механизма политической деятельности (political action) [11, с. 153–155]. Поскольку формы проявления политической активности могут быть разнообразными: от элементов абсентеизма до насильственных форм сопротивления существующей политической власти, а интенсивность данных форм может также различаться, постольку наиболее корректным будет использование понятия «политическое участие» (political participation), которое предполагает регулярное инструментальное применение акторами разнообразных форм политической деятельности, с целью оказания влияния на процесс принятия политических решений. Так, на муниципальном уровне проявлением социально-политической активности становится участие граждан в работе некоммерческих общественно-политических организаций

(НКО). На сегодняшний день примерно половина от общего числа зарегистрированных общественных организаций («третий сектор») приходится на общественные и религиозные организации. Эта категория НКО демонстрирует стабильно активную политико-социальную позицию. Но динамика изменения их численности за период 2004–2010 годов свидетельствует об их сокращении почти на 17 %. «В то же время в 2010 году на фоне сокращения финансирования 59 % НКО констатируют увеличение спроса на свои услуги, что подтверждает их востребованность как сегмента гражданского общества, а также потенциальную способность отвечать на вызовы времени [12]. Результаты опросов общественного мнения подтверждают вывод о весьма низком уровне НКО в рейтинге доверия населения. Так, согласно опросу фонда «Общественное мнение» 2007 г., проведенному в 100 населенных пунктах, 44 субъекта РФ признают наличие пользы от деятельности НКО, в 2001 г. – 21 %, в 2007 г. – 11 % опрошенных граждан. Напротив, отсутствие пользы от НКО отмечают 20 и 19 % соответственно [20]. Ключевым обстоятельством, позволяющим оценивать роль НКО в структуре гражданского общества, становится отсутствие адекватного понимания последним их целевого назначения: большинство граждан считает, что под аббревиатурой «НКО» скрываются государственные и муниципальные структуры (24 %), и лишь 9 % признают в НКО общественные организации. Произошла своеобразная подмена понятий. Высокая степень влияния государства на формирование и деятельность общественного сектора, очевидная пассивность гражданских структур привели к отсутствию адекватного осознания сущности НКО, причем как со стороны общества, так и властных институтов.

Состояние современного российского общества свидетельствует о сохранении пассивно-выжидательной стратегии в отношении проводимых административных преобразований, в том числе и на уровне местного самоуправления. Позиции локальных сообществ в условиях российской государственности оказываются в непосредственной зависимости от внутриорганизационных процессов, происходящих внутри сообщества, сложившихся принципов координации общественных интересов и потребностей с общегосударственными и частными. Реализация коммуникативно-синергичной

модели самоуправления направлена на формирование общественного диалога как внутри местного сообщества, так и в отношениях с другими политическими акторами – бизнес-сообществом, органами публичной власти и общественными объединениями. Формирование общественного диалога предполагает изменение соотношения значимости позиций общественного мнения и позиций органов публичной власти в процессе принятия политических решений. В процессе формирования целостного общественного мнения одно из ключевых мест призвана занимать местная администрация как орган, наделенный исполнительно-распорядительными полномочиями и обладающий значительными социальными, финансовыми и кадровыми ресурсами, для которой местное сообщество должно ассоциироваться не столько с совокупностью жителей, уплачивающих налоги в бюджет, избирателей или потребителей, а с «хорошо информированными, обладающими правами гражданами», способными ради достижения собственных целей на «информационную атаку», так называемый «суд общественного мнения» [3, с. 8–9]. Представительный орган местного самоуправления в значительно меньшей степени вовлечен в процессы непосредственной коммуникации с местным сообществом, в связи с ограниченностью его деятельности процессом нормотворчества, а также формализованным характером процедуры муниципальных выборов. Эффективное осуществление полномочий всех органов местного самоуправления обусловлено в первую очередь наличием двусторонней интерактивной коммуникации с местным сообществом, участвующим в процедурах планирования и принятия решений в целях повышения уровня и качества жизни населения. Только при этих условиях становится возможным развитие у граждан духа сообщества, целостного общественного мнения.

Политическая активность местного сообщества становится фактором развития самоорганизационного потенциала локальной территории, расширения форм и механизмов координационного взаимодействия всех участников политического процесса. Выступая ключевым субъектом управления, местное сообщество выражает общественные и муниципальные интересы и потребности, транслируя их посредством коммуникативных каналов на органы публичной власти, общественные

организации и бизнес-сообщество. Только при условии кардинальной переоценки сложившейся системы публичного управления и ее замены принципами сетевого и синергийного политического управления возможно преодолеть внутреннюю раздробленность местного сообщества, обеспечить создание целостной муниципальной политической культуры, основанной на общности мировоззренческих стереотипов и идентичностей. Таким образом, задачей муниципальной власти должно стать становление местного сообщества «как субъекта территориального развития,

осознающего свои интересы, умеющего их защищать и участвующего в согласовании программ и планов территориального развития на правах равноправного партнера во взаимодействии с другими субъектами территориального развития» [10, с. 92]. Выступая основой формирования и развития в России гражданского общества, местное сообщество нуждается в создании необходимых условий для реализации его ресурсного потенциала как со стороны властных структур, бизнеса, общественных организаций, так и общества в целом.

1. Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. А. Алмонд, С. Верба // Полис. 1992. № 4. С. 122–134.
2. Волох О. В., Безвиконная Е. В. Самоуправление в системе публичного управления в России: синергетический подход / О. В. Волох, Е. В. Безвиконная. — М.: Логос, 2010. 328 с.
3. Вилер К. Без эффективной коммуникации нет эффективного управления. Отличительный облик и имидж местной администрации / Пер. с англ. Обнинск: Институт муниципального управления, 2002. 56 с.
4. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2009 г. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2010. 124 с.
5. Заборова Е. Н. Участие граждан в управлении городом // Политическая социология: самоуправление: социологические исследования. 2007. № 2.
6. Зевина О. Г., Макаренко Б. И. Об особенностях политической культуры современной России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politsportal.ru> (дата обращения: 28.03.2011).
7. Киселева А. М. Поведение местных сообществ в системе социального управления муниципальным образованием: автореф. дис... д. социол. н. Екатеринбург, 2011. 32 с.
8. Коултер Д. Культурные различия и управление / Д. Коултер // Проблемы теории и практики управления. 1997. № 3. С. 25–30.
9. Лазарев В. Н. Социальная самоорганизация в условиях местного самоуправления / В. Н. Лазарев. Белгород: Центр социальных технологий, 1996. 100 с.
10. Лапин В. А., Челпан П. И. Самоокупаемая реформа? (на пути к устойчивому развитию) / В. А. Лапин, П. И. Челпан // Полития. 2003–2004. № 4. С. 91–108.
11. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М.: Издательский дом «Инфра-М», 2001. 304 с.
12. Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003–2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.insor-russia.ru> (дата обращения: 30.01.2011).
13. Рябев В. В. Гражданское общество и политическая культура современной России (политико-социологический анализ): Автореф. д. социол. н. СПб., 2005. 28 с.
14. Савельев А. И. Местное самоуправление как субъект политического пространства / А. И. Савельев // Регионоведение. — 2009 — № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://regoinsar.ru> (дата обращения: 12.05.2011).
15. Heunks F., Hikspoors F. Political culture 1960–1990/Values in Western societies / Ed. De Moor R. Tiburg, 1995. 304 p.
16. McLeod J., Daily K. Community integration, local media use, and democratic processes // Communication research. 1996. Vol. 23. Issue 2. P. 179–210.
17. Rosenbaum W. A. Political culture: Basic concepts in political science. N. Y., 1975. 456 p.
18. Patrick G. Political culture/Social science concepts: a systematic analysis / Ed. G. Sartori. N. Y.: Beverly Hills, 1984. 287 p.
19. Официальный сайт Центра исследований политической культуры России. URL: www.politcenter.ru (дата обращения: 27.04.2011).
20. Официальный сайт Фонда исследования общественного мнения (ФЦИОМ). URL: www.fom.ru (дата обращения: 27.04.2011).

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ В КРУПНЫХ РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ НА РУБЕЖЕ 2000–2010–х гг: ПЕРМЬ, ЕКАТЕРИНБУРГ, ОМСК*

УДК 321.01

Н.С. БЕРДНИКОВА, О.Б. ПОДВИНЦЕВ

Омск

Действующий созыв Омского городского Совета был избран по мажоритарной системе в марте 2007 года и состоял на тот момент из 39 депутатов. В городе сохраняются прямые выборы главы местного самоуправления.

Расстановка политических сил.

Характеристика главы города

По замечанию экспертов, губернатор Омской области и мэр Омска являются крупнейшими фигурами в городе, которые по степени влияния и поддержке со стороны населения оставляют далеко позади всех остальных игроков политического поля.

Глава города Омска Виктор Шрейдер пришел к власти при поддержке губернатора области Леонида Полежаева. До этого с 1991 года он работал в должности главы администрации Центрального района, в 1997 стал главой администрации Центрального административного округа. С 1990 по 1998 год был депутатом городского совета Омска. В 2000-х Шрейдер работал в команде губернатора области (с 2001 в должности вице-губернатора, с 2004 – первый заместитель председателя Правительства Омской области). Мэром города Омска Шрейдер был избран в марте 2005 года, получив 65,75 процентов голосов избирателей, участвовавших в выборах [5].

Выборы 4 созыва депутатов

Омского городского Совета

Выборы главы города и городского совета в Омске проводятся не одновременно; Виктору Шрейдеру предстояло работать с горсоветом, избранным еще в 2002 году. Эксперты единодушно отмечают пестроту состава этого совета. Одним из ярких примеров отсутствия консолидации в представительном органе называют то, что депутаты, будучи избранными, в течение нескольких месяцев не могли принять городской бюджет.

К моменту приближения даты выборов в Городской совет 4 созыва мэр города постарался сделать все возможное, чтобы сформировать более лояльный орган. Для этого

на городском уровне было создано движение «Омская инициатива». Основателями выступили несколько авторитетных общественных организаций – среди них, например, общество «Милосердие» Виктора Артемьева, Союз ветеранских объединений Владимира Гнусина, Союз предпринимателей Виталия Путинцева и ряд других.

Как отмечает в своем интервью омский политконсультант, занимавшийся продвижением «Омской инициативы», Сергей Старовойтов, – «Общественники заявили, что пора влиять на политическую ситуацию в городе, хватит бардака в горсовете, надо что-то делать» [10]. В итоге такой прототип Общероссийского народного фронта, созданного как проект партии «Единая Россия» перед выборами в Государственную Думу РФ, собрал под своими знаменами партийцев, обеспечив им поддержку общественных организаций.

По признанию одного из экспертов, значительную роль в реализации проекта сыграла поддержка мэра города: «Шрейдер на тот момент являлся кандидатом от «Единой России» и проводил по пять-шесть встреч с жителями ежедневно» [15]. Как подчеркивали журналисты, участие мэра было выгодно обеим сторонам: «Личный рейтинг Виктора Шрейдера в городе в среднем в тот период находился на уровне 45–55 процентов, его поддержка была просто необходима кандидатам от «Омской инициативы». Как, впрочем, и мэру был нужен конструктивный горсовет» [10].

Один из экспертов комментирует ситуацию так: «Изначально городской совет был сформирован утилитарно: мэр, будучи сам членом ЕР, подобрал кандидатуры, предложил их «Единой России», они были выдвинуты от партии власти, и Шрейдер административно поддержал, «провел» их через систему выборов» [15].

Поддержка мэра наглядно выражалась даже в том, что на предвыборных листовках и плакатах фотография кандидата от ЕР в каждом конкретном округе стояла рядом с фотографией мэра. Лишь два кандидата из тех, что были выдвинуты ЕР, отказались от такого

* Окончание. Начало в № 2, 2012.

Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Научно-исследовательский проект «Модели взаимодействия городских legislatur с главами МСУ в малых и крупных городах России», грант РГНФ № 11-03-00377. Работа над статьей закончена в декабре 2011 г.

продвижения. Как поясняет эксперт, один из них уже несколько созывов был депутатом и работал в компании, которая больше ориентирована на область. Он давно выдвигался по одному и тому же округу, и Шрейдер не мог перебить и авторитет этого депутата, и его поддержку со стороны области. Второй — связан деловыми и личными отношениями с депутатом ЗС, избранным от той же части города [15].

Немалую роль в достижении результата на выборах, по мнению экспертов, сыграла и созданная мэром система КТОСов (комитетов территориального общественного самоуправления), через которую в ходе избирательной кампании шла работа «в полях». Эти органы сформированы на базе старших по домам, квартальных, домовых комитетов. В этой системе мэр за счет бюджета города оплачивал аппарат управления в виде председателя и секретаря. В руководство КТОСов часто выбирается конкретный, согласованный в городском округе человек. Оргкомитет по проведению конференции, как правило, контролируется специалистом районной администрации» [15].

Кандидаты от «Омской инициативы» были выставлены в каждом из 39 округов, 34 из них победили и получили депутатские мандаты в представительном органе городского самоуправления.

Что касается влияния на этот процесс областных властей, то эксперты отмечают, что губернатор и его администрация практически не вмешивались в процесс подбора кандидатов в депутаты и распределения руководящих должностей в горсовете. Это связывают с тем, что и сам мэр был поддержан губернатором, и до 2007 между ними были вполне лояльные отношения. Однако в дальнейшем эти отношения испортились.

Анализ состава депутатов городского Совета 4 созыва

Большинство мест в новом созыве получили депутаты, настроенные лояльно по отношению к главе города. Однако говорить о том, что группа из 34 депутатов изначально была монолитной, не стоит. По замечанию экспертов, в числе победителей были и кандидаты, попавшие в список по партийной линии, и люди, связанные скорее с губернатором, чем с мэром.

В итоге, структуру городского Совета Омска формально можно представить таким образом.

В партийном отношении 34 места получили одномандатники-единоросы (список «Омской инициативы» на деле оказался идентичен списку партии ЕР), представители партии КПРФ сократили присутствие в Совете до 4 мест, 1 кандидат прошел в Думу без поддержки политических партий.

Однако, по словам экспертов, партийной дисциплины во фракции ЕР в городском совете не наблюдается. Внутри партийных рядов идет борьба между городом и регионом (между ГС и ЗС). «Особенно противостояние усилилось в связи с борьбой мэра и губернатора. Поэтому председатель фракции — это, по большому счету, пустое место. Мнения депутатов ГС резко отличаются от того, что рекомендует партия, и депутаты имеют возможность высказать свою точку зрения» [15].

Депутаты, представляющие КПРФ, напротив, как правило, действуют весьма консолидированно, голосуя против вносимых предложений, хотя их голоса в итоге не имеют значения. После начала конфликта между мэром и губернатором депутаты-коммунисты иногда стали поддерживать позицию мэра.

Нынешний состав Омского городского Совета отличает большое число представителей социальной сферы. Всего это 15 депутатов, в т.ч. восемь работников муниципальных учреждений здравоохранения и трое директоров школ. Они, так или иначе, находятся в зависимости от муниципальной власти и являются основой подконтрольной мэру группы. «Их изначально для этого и продвигали на выборах, чтобы проводить определенные решения, потому что их уговаривать не надо — команду дал, и все. Голосуют они так, как им скажет та структура, которая на них имеет влияние. Как правило, свои честные вопросы они все равно решают: выбивают средства для своих учреждений. Но не по принципу «кто более нуждается, а кто ближе к власти», — рассуждает один из экспертов [15].

В неформальной структуре избранного в 2007 году городского Совета выделялись также небольшие группы, ориентировавшиеся не столько на мэра или губернатора, сколько на других лидеров, занимавших более скромные позиции. В зависимости от ситуации, от того, какие вопросы стояли на повестке дня, группы консолидировались, разделялись и перемешивались. В случае если вопрос так или иначе касался определенной группы, они могли выступить и против градоначальника, отстаивая собственные интересы. Однако по большей части у Шрейдера было устойчивое лояльное большинство.

Переломный момент — обострение отношений между губернатором и градоначальником

Ситуация изменилась летом 2010, когда между градоначальником и губернатором разразился скандал. Точнее, как отмечают эксперты, в этот момент скандал перешел в публичную плоскость. Произошло это после того как во время отпуска губернатора были

распространены слухи о его смерти. Леонид Полежаев в резкой форме обвинил в распространении этих слухов городские власти [1]. Подоплека этой истории осталась неясной, однако информационная война уже не утихла. В подконтрольных правительству области СМИ стали распространяться материалы, сюжеты и фильмы с критикой в адрес мэрии. Затем речь пошла уже о собственно политических действиях.

В декабре 2010 года в СМИ появились сообщения о том, что губернатор готовит указ об отрешении мэра от должности. [7]. Этого не произошло. Однако обнародовало итоги собственной экспертизы актов, принятых омской мэрией в последние годы и заявило о том, что в каждом третьем документе мэрии обнаружены «признаки коррупционной составляющей».

По словам экспертов, трещина раскола между мэром и губернатором прошла через все политическое поле города, разделив его на два лагеря. В этом контексте изменился и расклад сил в местном представительном органе. На депутатов Совета, считавшихся лояльными Шрейдеру, началось воздействие со стороны администрации губернатора. В итоге мэр стал стремительно терять контроль над лояльными депутатами. Ситуацию усугубили изменения в федеральном законодательстве, согласно которым вопросы организации оказания первичной медико-санитарной помощи могут быть переданы в сферу полномочий органов власти субъектов Федерации. Таким образом, некогда подконтрольные депутаты-врачи оказались в непростой ситуации.

В то же время давление на Шрейдера шло и по партийной линии. В конце декабря 2010 года политсовет «Единой России» вынес Шрейдеру взыскание. На заседании якобы даже решался вопрос об исключении Виктора Шрейдера из партии, но 33 члена политсовета из 40 тогда проголосовали против. В результате градоначальнику дали три месяца для исправления социально-экономической ситуации в Омске [8].

Серьезным вызовом со стороны региональной власти стало принятое в мае 2011 года решение Законодательного Собрания области об установлении в Омске пропорциональной системы выборов депутатов городского Совета. При этом реакция Шрейдера, который был крайне недоволен введением пропорциональной системы, вполне понятна: список ЕР формируется не мэром, а парторганизацией, в руководстве которой люди придерживаются линии губернатора.

После принятия решения на уровне региона Омский горсовет подал иск к региональному парламенту, в котором выставил требование отмены решения областного заксобрания о полном отказе от одномандатных округов и введении исключительно пропорциональной избирательной системы. Однако внутри горсовета по этому поводу возник раскол, в итоге депутаты, минуя и администрацию города, и председателя городского совета, стали договариваться друг с другом. Исковое заявление было решено отозвать [19].

Взаимодействие с депутатами.

Процесс принятия важных для мэра решений

В целом эксперты оценивали Шрейдера как весьма властную личность. Один из собеседников приводит в пример такую модель взаимодействия: «Мэр имел практику накануне городского Совета собирать у себя фракцию ЕР, хотя он просто являлся членом президиума политсовета партии, не являлся руководителем городской партийной организации. На этом совещании обсуждалось, как нужно голосовать на следующий день. Иногда им резко говорили, как нужно голосовать». В качестве одного из примеров продавливания важного для города решения эксперт приводит вопрос о согласии на продажу части активов одного из крупных муниципальных предприятий «Омскэлектро». Однако отмечает, что «когда давление было очень жестким, вплоть до вызова в кабинеты, угроз и шантажа, это вызвало отрицательную реакцию» [15].

По мнению экспертов, к осени 2011 года разделение городских депутатов на промэрских и прогубернаторских стало наиболее значимым, причем меняется оно на неблагоприятную для городской администрации сторону: «Сначала соотношение было однозначно в пользу мэра – 25–30 человек – скорее промэрские, остальные – трудно определить. Сейчас – примерно 50 на 50» [15]. Другой эксперт в число «однозначно промэрских» зачисляет 13 депутатов из 39 [15]. В связи с тем, что областная власть стала активно работать с депутатами, многие либо находятся в состоянии колеблющихся, либо переходят в группу «активно прообластных». Однако совершенно новая ситуация возникла в связи с переходом Шрейдера в Государственную Думу в декабре 2011 года и прогнозируемой отставкой Полежаева. И все это в преддверии новых выборов в городской Совет.

Рассмотренные случаи, по нашему мнению, свидетельствуют не столько о некоей тенденции к формированию определенной

модели городской власти в крупных российских городах в конце 2000-х – начале 2010-х годов, сколько о подвижности положения дел в этом отношении и состоянии неопределенности.

Изменение модели взаимодействия между главой города и депутатским корпусом в Перми связано не только с заменой прямых выборов градоначальника выборами из числа депутатов, но и со сменой конкретных фигур на этом посту, за которой стоит усиление влияния региональной администрации. Игорь Шубин, будучи сильной фигурой, стремился полностью контролировать политическое поле на городском уровне, выстраивал взаимодействие с представительным органом, скорее подавляя стремления депутатов отклониться от собственного курса, но и будучи способен предложить им некие компенсации в виде согласования отдельных решений, важных для конкретных депутатов.

С приходом к власти Игоря Сапко отнесение пермского случая к одной из заявленных моделей становится более проблематичным, так как новый глава города не является сильным и самостоятельным игроком, способным выстраивать отношения с представительным органом. Фигура мэра выглядит слабой, так как у него нет своей команды, он всецело зависит от губернатора и в случае потери поддержки может тотчас лишиться своего места. В данной схеме он играет роль функционера, скорее выступает проводником воли субъектов, желающих извне повлиять на принятие того или иного решения. При этом пестрота по составу представительный орган, большинство в котором лишь формально ориентировано на краевую власть, может в дальнейшем вести себя непредсказуемо. Это связано, в частности, с тем, что, краевым властям далеко не всегда интересны те решения, которые принимаются на городском уровне. Они могли бы выстроить систему работы с городскими депутатами, которая существовала при Шубине, но затраченные усилия в данном случае будут превышать заинтересованность в результате. Партии «Единая Россия» тоже не отводятся роль контролирующего начала, тем более, что она вряд ли окажется в состоянии эту функцию выполнять).

В Екатеринбурге, оценивая существующую систему городской власти, один из местных депутатов высказался таким образом: «человек, создавший «слабую Думу», сильной ее не сделает. Раньше, при Аркадии Чернецком, у нас была модель: «сильный мэр – слабая Дума», а сейчас же, если ничего не изменить, будет «слабый глава – слабая Дума» [11].

Каждому из экспертов нами было предложено самостоятельно оценить, к какой из моделей взаимодействия главы и представительного органа можно отнести екатеринбургский случай. Мнения на этот счет разделились. Одни уверенно доказывают существование модели подавления, другие говорят о полном консенсусе депутатов, которые получают некоторые элементарные преференции взамен на конструктивное общение с «коллективным Чернецким». В результате администрация может проводить практически любые необходимые ей решения. Один из экспертов, рассуждая о наличии признаков той или иной модели, предложил свою концепцию, согласно которой городскую Думу вообще нельзя назвать субъектом, а значит, не стоит и говорить о характере взаимоотношений: «Дума является продолжением администрации. Произошло сращивание этих ветвей власти на городском уровне» [18].

Тем не менее, двигаясь в рамках заявленной гипотезы, на наш взгляд, стоит говорить о модели конструктивного взаимодействия. Стоит учитывать, что в данном случае схема осложнена тем, что с представительным органом взаимодействует формальный глава, за которым «стоит» теневой коллектив под предводительством экс-главы города.

Оценка нынешней ситуации как консенсуса связана с тем, что на сегодняшний день наблюдается полное отсутствие противоречий между главой и представительным органом. Власти удалось провести в Думу абсолютное большинство зависимых от городской администрации депутатов, к которым не нужно применять санкции для подавления.

Однако неопределенность ситуации придает неустойчивый и очевидно временный характер явления под названием «коллективный Чернецкий». Судьба этой коалиции полностью зависит от политической судьбы ее лидера. В случае ухода Чернецкого с политической арены или прихода новых людей к руководству городской администрации система рухнет. Областная власть в данном случае вряд ли обладает ресурсом для ее спасения и стабилизации.

В Омске то, что было ранее одним из основных факторов, обуславливающих прочность позиций Шрейдера – несамостоятельность городских депутатов и возможность их контролировать, – в условиях начавшейся конфронтации с главой региона превращается в козырь для его главного оппонента. Орган власти, сформированный таким образом, может быть переориентирован на другой источник внешнего воздействия, что и происходит.

На наш взгляд, изначально омский случай укладывался в рамки модели конструктивного взаимодействия. На выборах абсолютное большинство получил мэрский список, большинство депутатов были готовы голосовать созвучно позиции главы города. Однако в условиях конфронтации двух ведущих политических сил в дальнейшем эта модель начала трансформироваться в конфронтационную. Глобальное изменение политической ситуации скорее всего вернет ее на «нулевой уровень».

В целом можно констатировать, что во всех трех случаях имеет место ослабление системы городского управления и прежде всего фигуры главы города. В Перми и Омске это происходило как следствие экспансии региональных властей на городской уровень принятия решений, в Екатеринбурге – за счет развития общей политической ситуации в регионе, на которое оказывают воздействие федеральные тренды. Если ослабление позиций главы города было неизбежно, то в отношении представительного органа можно наблюдать и некоторое усиление именно в качестве противовеса сильной фигуре руководителя МСУ. Однако это может рассматриваться как временное ситуационное явление. В целом

данная тенденция может привести к становлению новой консенсусной модели, основанной на принципе «слабый мэр – слабая Дума».

Тем не менее, контроль региональной власти над городским управлением выглядит достаточно шатким, если имеет место вообще. Позиции губернаторов в настоящее время тоже нельзя назвать прочными, а управление городскими делами из стен региональных администраций оказывается неэффективным и затруднительным. То же можно сказать об осуществляемом из того же источника контроле над депутатским корпусом городского самоуправления. При определенных обстоятельствах существующее внутри городских представительных органов «активное оппозиционное меньшинство» может начать играть большую роль и даже нынешние созывы депутатов способны будут проявить достаточную самостоятельность, чтобы перехватить, по крайней мере, на какое-то время, инициативу в решении городских проблем в свои руки.

Реализация того или иного сценария, как уже отмечалось, во многом зависит от развития ситуации в стране в целом и от того, каким реальным потенциалом обладает выстроенная в России в настоящее время «вертикаль власти».

1. Гадалина А. 2010. Леонид Полежаев попросит объяснить // Коммерсантъ(Омск). № 161 (4459). 02.09.2010. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1496652?isSearch=True>.
2. Дожили! Новым мэром Екатеринбург стал Евгений Порунов // ИА «URA.Ru». 23.11.2010. URL: <http://ura.ru/content/svrd/23-11-2010/news/1052122324.html>.
3. Изотов И. 2011. Пермская гордума отклонила проект бюджета-2012 // Российская газета. Пермь. 23.11.2011. URL: <http://www.rg.ru/2011/11/23/reg-pfo/perm-budget-anons.html>.
4. Колезев Д. 2008. Утвержден список кандидатов в депутаты Екатеринбургской гордумы от «Единой России» // ИА «URA.Ru». URL: <http://ura.ru/content/svrd/25-12-2008/news/49501.html>.
5. Кто есть кто в Омске: Шрейдер Виктор Филиппович // Коммерческие вести. URL: <http://kvnews.ru/people/sh/308>.
6. Метликина В. 2011. «Культурная лихорадка» сразила пермских депутатов // ИА «ФедералПресс» URL: http://fedpress.ru/59/polit/budget/id_228116.html.
7. Митьковская А., Лавский В. 2010. Сибирский полпред вмешался в омский конфликт // Коммерсантъ (Омск). № 234 (4532). 17.12.2010. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1559139?isSearch=True>.
8. Митьковская А. 2011. Политсовет «Единой России» не дождался Виктора Шрейдера // Коммерсантъ (Омск). № 54 (4592). 30.03.2011. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1610919?isSearch=True>.
9. Подвинцев О. Б. 2010. «Глиняные ноги» партии власти. Чем обусловлены проигрыши «Единой России» на местных выборах 2008–2010 гг.: кризисом в обществе или самой ее природой? / «Pro et Contra». Том 14. № 3. Май–июнь 2010. С. 97–105.
10. Старовойтов С. 2007. «Омская инициатива» как политический бренд стоит больше миллиона долларов // Коммерческие вести. № 18. 16.05.2007. URL: [http://kvnews.ru/archive/2007/jur18\(791\)/cast/6342](http://kvnews.ru/archive/2007/jur18(791)/cast/6342).
11. Фамиев Н. 2010. О ситуации в Екатеринбурге // ИА «URA.Ru». 29.11.2010. URL: <http://ura.ru/content/svrd/29-11-2010/articles/1036255851.html>.
12. Экспертное интервью с депутатом Екатеринбургской городской Думы от 28.10.2011.
13. Экспертное интервью с депутатом Пермской городской Думы от 3.11.2011.
14. Экспертное интервью с работником аппарата администрации города Екатеринбург от 30.10.2011.
15. Экспертное интервью с работником аппарата администрации города Омска от 21.09.2011.
16. Экспертное интервью с работником аппарата администрации города Перми от 1.11.2011.
17. Экспертное интервью с редактором информационного агентства (Екатеринбург) от 28.10.2011.
18. Экспертное интервью с руководителем политконсалтингового агентства (Екатеринбург) от 29.10.2011.
19. Экспертное интервью с депутатом Омского городского Совета (представитель оппозиции) от 20.09.2011.
20. Экспертное интервью с депутатом Омского городского Совета (представитель оппозиции) от 21.09.2011.
21. Экспертное интервью с депутатом Омского городского Совета (член партии «Единая Россия») от 21.09.2011.
22. Экспертное интервью с депутатом Пермской городской Думы (представитель оппозиции) от 4.11.2011.
23. Экспертное интервью с депутатом Пермской городской Думы (член партии «Единая Россия») от 3.11.2011.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: АНАЛИЗ ПРОЕКТОВ КОНЦЕПЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 322

С.С. СРЕЛЬНИКОВ

При анализе источников, посвященных проблемам взаимодействия религиозных объединений и государства, можно выделить использование авторами двух разноуровневых по своей проработанности и направленности смысловых категорий — модели и концепции. Концепция, с философской точки зрения, может быть определена как ведущий замысел, определенный способ понимания, трактовки какого-либо явления [2, с. 150]. Политическая концепция определяется как форма или уровень политического сознания, в котором дается метафизическое обоснование какого-либо процесса политической жизни, в ней находят выражение такие моменты политической сферы, как теоретическое обоснование и правомочность ее осуществления в системе политики и общества в целом; оформление системы ценностей и политических следствий, вытекающих из концептуальной основы; планирование и осмысление способов реализации идеологических построений в политической реальности; подготовка политических механизмов и институтов, создание которых позволит воплотить данную систему идей [5, с. 98]. Модель, в свою очередь, можно определить как идеальный объект, отображающий свойства и отношения элементов реального объекта [13, с. 215].

Довольно часто приходится наблюдать, что различные авторы не проводят различий между категориями модели, концепции и теории, либо не оговаривают такую разницу. Так, А. В. Кардашевский и М. Г. Тирских в одной из своих статей [4], посвященных разнообразию подходов к моделированию государственно-конфессиональных отношений, используют термин «концепция», но не в значении «концепция взаимоотношений между государством и конфессиями», а в значении «подход авторов к построению моделей таких взаимоотношений». В исследовании В. А. Матвиенко, посвященном изучению влияния религиозного фактора в политической жизни России [9, с. 115], действующая модель государственно-конфессиональной политики описывается положениями одного из проектов концепции, что представляется ошибочным.

Сравнительно цельные, системные источники, из которых можно получить сведения о концептуальных взглядах на построение государственно-конфессиональных отношений в России можно условно разделить на следующие группы.

Первая — комплекс нормативно-правовых актов. Этот источник позволяет узнать об официальной позиции законодателя в сфере государственно-конфессиональных отношений и характеризуется особым статусом, так как содержит обязательные нормы права, регулирующие отношения по вопросам, связанным с соблюдением свободы совести и деятельности религиозных объединений. К ним можно отнести Конституцию Российской Федерации, федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», федеральные законы «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», «О противодействии экстремистской деятельности» и другие. Кроме того, на уровне регионов также принят ряд нормативно-правовых актов.

Вторая — законопроекты. В процессе работы Совета Федерации создаются и обсуждаются различные законопроекты, посвященные вопросам государственно-конфессиональных отношений. Анализ содержащейся в них информации и обстоятельств обсуждения позволяет определить возможные тенденции в этой сфере, выявить позицию отдельных депутатов и их рабочих групп. В качестве таких законопроектов можно упомянуть законопроект «О традиционных религиозных организациях», «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации».

Третья — выступления национальных лидеров. Концептуальность заявлений, приведенных в данных текстах, отражает понимание элитой действующих законов, акцентирует мирный характер сосуществования представителей различных конфессий в пределах территории Российской Федерации, а также ориентированность властей на поддержание существующего порядка взаимодействия

государственных органов и религиозных объединений и недопущения проявлений экстремизма на религиозной почве. Обычно таким заявлениям не уделяется особого внимания, они озвучиваются на встречах с представителями религиозных объединений.

Четвертая — концепции религиозных объединений. Религиозные объединения, являясь полноценными участниками общественного диалога, выражают видение своей роли, роли государства в современном мире и отношений между религиозным объединением и государством; данное видение наиболее полно может быть выражено в принимаемых ими официальных документах. Такой источник характеризуется обоснованием своей позиции с использованием теологических положений. Следует понимать, что перечень и порядок соблюдения норм, устанавливаемых таким документом, действителен по отношению только к участникам той конфессии, которая принимает этот документ*. В настоящее время в России существуют «Основы социальной концепции Русской православной церкви», «Основные положения социальной программы российских мусульман», «Социальная позиция протестантских церквей».

Пятая — проекты концепций, предлагаемые исследовательскими группами. Проблемы государственно-конфессиональных отношений занимают различные ученые и исследовательские группы. Результатами таких исследований является публикация статей, монографий по отдельным вопросам, но цельных концептуальных проектов на данный момент известно три: Концепция государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации, разработанная Институтом государственно-конфессиональных отношений и права и Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве, Концепция религиозной политики, подготовленная кафедрой религиоведения Российской академии государственной службы, Концепция вероисповедной политики, разработанная историко-правовой комиссией Русской Православной Церкви.

Изучение положений проектов Концепции государственно-конфессиональных отношений Российской Федерации представляет определенный интерес по следующим причинам:

— концепция, как правило, является довольно четким выражением консолидированной точки зрения общественной группы

(будь то ученые, представители религиозного объединения, политики) и позволяет тем самым судить о настроениях в обществе, экспертной среде — какие идеи можно считать наиболее влиятельными, какие проблемы полагаются наиболее актуальными, какие предлагаются пути решения этих проблем;

— концепция — это формально зафиксированный документ. Эта особенность позволяет провести сравнительный анализ значимых высказываний представителей различных общественных групп и соотнести эти действия с положениями концепции, чтобы сделать вывод о последовательности позиции этих представителей. Признаком формальной фиксации обуславливает и следующую причину значимости изучения концепций: концепция (а особенно концепция, выраженная научным сообществом) в силу формальной фиксации имеет потенциал официального утверждения на законодательном уровне. В настоящее время в системе нормативно-правовых актов России существуют концепции реформирования образования, реформы гражданского законодательства — все эти концепции утверждены указами президента или постановлениями правительства. Отсутствие концепции государственно-конфессиональных отношений позволяет некоторым ученым говорить об отсутствии государственной политики в этой сфере. Представляется, что существующие проекты концепций государственно-конфессиональных отношений проектировались и формировались специалистами с целью дальнейшего официального утверждения, хотя существует ряд экспертов, полагающих официальное принятие такой концепции необязательным.

Итак, вашему вниманию предложен краткий анализ трех проектов концепций взаимоотношений религиозных объединений и государства, представленных со стороны научного сообщества и являющихся наиболее известными и широко обсуждаемыми системными документами.

Проект Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями был разработан Институтом государственно-конфессиональных отношений и права и Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве в июле 2001 года [11]. Данный проект описывает современное состояние отношений между государством и религиозными организациями, основные факторы,

* Хотя практика показывает, что далеко не все члены религиозных организаций могут разделять принятые этими организациями концепции.

влияющие на содержание и развитие этих отношений, определяются цели и основные принципы государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями. Отдельно прописываются и разделяются сферы взаимодействия государства и религиозных организаций: государственно-правовая сфера, образование и культура, благотворительность и социальное обслуживание, экономика. Обращает на себя внимание пункт о взаимодействии государства и традиционных религиозных организаций, в частности, государству предлагается «выбирать, в соответствии с законодательством Российской Федерации, формы и объемы сотрудничества с религиозными организациями, являющимися традиционными». Соответственно, дается перечень критериев, которым должна соответствовать такая организация.

Вообще, подход к разделению религиозных организаций на «традиционные» и «нетрадиционные» имеет как своих сторонников, так и противников. Существует мнение, что разделение религий на «традиционные» и «нетрадиционные» может повлечь за собой если не ограничение свободы совести, то создание преференций для традиционных религиозных организаций, что противоречит принципу равноправия религиозных объединений перед государством. Сторонники выделения традиционных религий утверждают, в частности, что «конституционная норма части 2 статьи 14, устанавливающая равенство религиозных объединений перед законом, не препятствует выделению традиционных религиозных организаций, наделению их соответствующим правовым статусом и расширенному сотрудничеству государства с ними. Объективными причинами такого дифференцированного подхода является их определяющее влияние на культуру страны, социальная значимость и общественно полезная деятельность» [1].

С точки зрения проработанности и системности подхода данной концепции (без оценки идеологической составляющей) считается целесообразным, по мнению В. Н. Жбанкова, «сформулировать задачи, предложить новые направления и формы деятельности государственных органов в сфере пресечения религиозного экстремизма и деятельности, направленной против основ конституционного строя, наносящей ущерб здоровью, нравственности и законным интересам граждан, а также изложить цели государственного контроля за соблюдением религиозными объединениями российского законодательства. В проекте Концепции следует предусмотреть реальную

систему мер, направленных на решение основных, принципиальных и актуальных вопросов государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями» [3].

Проект Концепции государственной религиозной политики разработан в ноябре 2003 года кафедрой религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации [6]. Концепция состоит из основной, исторической и справочной частей. В проекте отражены цели и задачи религиозной политики государства в трех сферах: правовой, культурной, социально-политической. Также раскрываются методологические основания религиозной политики (правовое, культурологическое и социологическое). С точки зрения правового подхода государство обеспечивает реализацию конституционных прав граждан на свободу совести и вероисповедания и регулирует отношения с религиозными объединениями в соответствии с нормами светского права. Культурологический подход способствует определению религиозной составляющей в культурных традициях народов России, выявлению религии как культурной традиции или культурной инновации. Через социологический подход государство учитывает проявления религиозности в общественной жизни, в том числе в политической сфере. Отдельно выделяется социализация религии как комплексная задача религиозной политики государства, понимаемая авторами как «система действий государства, направленных на создание условий для вовлечения религиозных сообществ и верующих граждан в построение гражданского общества, для преодоления религиозного изоляционизма, экстремизма, клерикализма и других негативных тенденций, для утверждения толерантности и веротерпимости в светской и религиозной среде».

Можно согласиться с М. Н. Фоминой, что в рассматриваемых проектах «...представлены два пути решения одной проблемы. Мы видим, что работа научного коллектива кафедры религиоведения анализирует причины отсутствия религиозной политики в России, а творческий коллектив Института и Минюста исходит из фактов действительности, которые дают «почву» для подготовки данной Концепции. Но какое бы направление ни избирали составители Концепции, они, так же как и любая другая третья сторона, прежде всего сталкиваются с тем, что ни в Конституции РФ, ни в нормах международного права ничего не говорится о государственно-конфессиональных отношениях и государственной вероисповедной политике. Конституция,

подтверждая свою приверженность принципам и нормам международного права, отмечает, например, принцип свободы совести каждому, как правовую основу государства» [12]. Тот же автор считает, что в современной России «необходимо определение концепции религиозной политики, которая определила бы специфику взаимоотношений государства и церкви как элементов политической системы общества».

Иной точки зрения придерживаются исследователи проблем свободы совести С.А. Бурьянов и С.А. Мозговой. В качестве основного недостатка проекта кафедры религиоведения ими выделяется «сведение проблемы обеспечения свободы совести лишь к вероисповедной политике государства посредством государственно-конфессиональных отношений». Авторы также отмечают, что «оба проекта вопреки Конституции РФ фактически ставят в неравноправное положение верующих и неверующих, верующих и религиозные объединения, иностранных граждан и граждан России, «традиционные» конфессии и «нетрадиционные». Такая модель в конечном итоге будет способствовать доминированию одной конфессии — «самой традиционной». Ставится под сомнение необходимость разработки концепции «государственно-церковных предпочтений, отражающих взгляды и интересы отдельных групп, так или иначе связанных с религиозной проблематикой», в противовес утверждается необходимость разработки механизмов реализации и защиты свободы совести для каждого человека [1].

Проект Концепции вероисповедной политики России был разработан Историко-правовой комиссией при РПЦ в октябре 2003 года [8]. Наличие в составе комиссии ученых-правоведов позволяет в полной мере отнести этот проект к концепциям, выражаемым научным сообществом, хотя и не без участия православной церкви. Концепция содержит основные понятия, оценку современной религиозной ситуации в России, основы, приоритеты вероисповедной политики, особенности реализации в отдельных сферах. Примечателен факт, что в данной Концепции предусматривается законодательный механизм признания федеральной традиционной конфессии либо региональной традиционной конфессии.

В определенной мере данный проект во многом схож с проектом Института государственно-конфессиональных отношений. И.В. Понкин в качестве недостатка определяет недостаточно полное раскрытие терминов, взятых из действующего законодательства и недостаточно точно выражающих суть предмета [10].

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что авторы в рассматриваемых проектах концепции взаимоотношений между государством и религиозной сферой общества демонстрируют разное видение проблематики существования религии в современном российском обществе, определения её статуса. Условно можно определить два способа решения этой проблемы: либо посредством закрепления и легитимации традиции как основы взаимодействия государства и религиозных объединений, либо признание необходимости и неизбежности социальных трансформаций как институтов власти, так и институтов религии. Прежде всего это различие обуславливает разнообразие концептуальных подходов, различие в понимании предметной области реализации государственной политики, различных приоритетных проблем и обусловленных этими проблемами целей и задач. Авторы всех трех проектов отмечают негативные стороны и явления в сфере государственно-конфессиональных отношений. В зависимости от позиции авторов это может быть либо ущемление свободы совести, либо незаконная деятельность отдельных религиозных организаций. Анализ критики проектов позволяет выделить требующие решения актуальные проблемы, как-то: статус «традиционных религиозных организаций», сущность свободы совести и её соблюдение в современном государстве. Отдельными авторами проекты концепции критикуются со стороны цельности, системности подхода к их созданию.

Сама потребность в принятии Концепции государственной политики в сфере взаимоотношений государства и религиозных объединений демонстрирует как несостоятельность действующих норм закона, их противоречивость и неполноту, так и необходимость корректировки практики существующего государственного регулирования данной сферы. Концепция, помимо норм-определений и норм-принципов должна содержать нормы-цели, которые и способствуют унификации законных актов, а также определяют эффективность правоприменения.

Тот факт, что со времени создания большинства проектов концепций прошло достаточно много времени, и ни один из текстов не был утвержден на правах официального документа, говорит об игнорировании существующего общественного запроса на решение проблемы существования религии и религиозных объединений в современном обществе, легитимации и признания конфликтных явлений в этой среде. Концепция как документ не выступает в представлении власти способом

легитимации проблем и обозначения путей их решений в сфере реализации политики взаимодействия с религиозными объединениями. Более того, наделение какой-либо из представленных концепций (либо иного разработанного текста) статусом официального документа определило бы ряд требований к проведению государственной политики в отношении религиозных объединений, обусловило единство требований к принимаемым нормативно-правовым актам в этой сфере. В настоящее время государственная политика выстраивается во многом исходя из личных или корпоративных представлений о сфере религии, что демонстрирует разнонаправленные векторы государственно-конфессиональных отношений в российских регионах, и такое положение может отвечать интересам региональных элит, реализующих собственные модели взаимоотношений с конфессиями. Появление Концепции, необходимость соблюдения её положений вызовет необходимость переформатировать сложившиеся отношения, что может привести к конфликтам.

Опыт создания конфессиональных документов, содержащих в себе нормы, регламентирующие в том числе порядок взаимоотношений власти и религиозных объединений, показывает, что эти положения зачастую не воспринимаются верующими и руководителями религиозных объединений в качестве

императивных и формирующих стратегию поведения. В свою очередь, практика организации взаимоотношений государственных органов и религиозных объединений показывает, что региональные чиновники зачастую не пользуются текстами данных положений, предпочитая по спорным вопросам получать разъяснения либо от руководства конфессий, либо от доступных специалистов, что в значительной мере определяет высокую роль субъективизма в построении таких взаимоотношений.

Таким образом, можно сделать вывод, что в данный момент на разных уровнях наблюдается в целом обоюдное стремление вытеснить взаимоотношения государства и конфессий из рамок правового поля в сферу частных договоренностей между представителями религиозного и политического истеблишмента, что не способствует закреплению в правовой культуре ценности буквы и духа закона. В свою очередь, проекты концепций, авторы которых оперируют понятиями «традиционности» той или иной религии, по сути стремятся легитимировать данное положение вещей. В этой связи принятие Концепции государственной политики взаимоотношений с религиозными объединениями тогда и только тогда будет оказывать существенное влияние на политические процессы в этой сфере, когда её положения будут восприниматься всеми акторами политических процессов как обязательные для исполнения.

1. Бурьянов С. А., Мозговой С. А. Цели и методы религиозной политики. Нужна ли России концепция отношений государства и религиозных объединений? // НГ Религии. 2006. № 6.
2. Губский Е. Ф. Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 2009. 570 с.
3. Жбанков В. Н. Государство и церковь: мифы и правда // Русский деловой вестник. 2003. № 1.
4. Кардашевский А. В., Тирских М. Г. Современные концепции государственно-конфессиональных отношений. «Сущностные модели» // Сибирский юридический вестник. 2009. № 2.
5. Коновалов В. Н. Политология: краткий словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. 448 с.
6. Концепция государственной религиозной политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.religare.ru/print8227.htm>.
7. Куницын И. А. Заключение Историко-правовой комиссии Русской Православной Церкви от 8 августа 2001 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.state-religion.ru/cgi-bin/cms/show.cgi?in=1&id=204051614570271>.
8. Куницын И. А. Историко-правовая комиссия РПЦ под руководством митрополита Мефодия сделала шаг на пути к осмыслению проблем вероисповедной политики России. [Электронный ресурс] // Сайт Русская линия – православное информационное агентство. URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=4474>.
9. Матвиенко В. А. Государственно-конфессиональная политика в современной России: приоритеты, особенности, тенденции: дис. ... канд. полит. наук. Орел. 2006. 194 с.
10. Понкин И. В. Отзыв на проект «Концепции вероисповедной политики России», разработанный Историко-правовой комиссией Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Сайт «Религия и СМИ». URL: <http://www.religare.ru/article7098.htm>.
11. Проект Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Государство и религия. Режим доступа: URL: <http://www.state-religion.ru/cgi-bin/cms/show.cgi?in=104051614474865&id=204051614494560>.
12. Фомина М. Н. Природа государственно-церковных отношений в современной России // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: Политология. Религиоведение. 2007. № 1.
13. Фролов И. Т. Философский словарь. М.: Республика, 2001. 719 с.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ СЕКУЛЯРНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

УДК 172.3

О.В. ОСИПОВ

Проблема взаимоотношения Церкви и государства едва ли не самая обсуждаемая в современной российской действительности. Как правило, оценки диаметрально противоположны — от категоричных «да»: за тесный союз, «сотрапачество», «симфонию» власти и церкви, до столь же категоричных «нет» — государство, по Конституции, светское, многокофессиональное, многонациональное, церковь отделена от государства.

Поскольку легитимное нормотворчество и правовая регламентация в нашей стране не всегда адекватно отражают реальное состояние дел, то и в рассматриваемой проблеме существует масса двусмысленностей, как, скажем, в вопросе «традиционных конфессий» или «государствообразующей» религии страны. Государство посредством своих официальных институтов пытается толерантно регулировать религиозные отношения (тем не менее, де-факто выделяя и прислушиваясь, в первую очередь, к мнению Русской Православной Церкви (далее — РПЦ). Формирующееся гражданское общество демонстрирует свою, довольно пеструю палитру мнений. Священнослужители всех конфессий также не отличаются монолитным единством мнений, а активные религиозные адепты настроены в большинстве своем категорически за реинкарнацию былого неразрывного единства власти и церкви.

На мой взгляд, хорошо, когда в обществе существует конкуренция мнений и идей, подходов и взглядов в рамках действующей конституции. Периоды единомыслия и консерватизма в отечественной истории значительно более продолжительны и трагичны, нежели периоды либеральных исканий и свободы суждений.

Новый импульс дискуссий в обществе о взаимоотношениях РПЦ и государства вызван эпатажной акцией участниц панк-группы Pussy Riot, устроившей оскорбительную для чувств православных верующих выходку в храме Христа Спасителя 21 февраля текущего года. «Панк-молебен» в храме

стал новостным бестселлером. Более двух месяцев не стихает общественный резонанс от акции. Неожиданную актуальность событиям придали новости из Великобритании: правительство Соединенного Королевства поддержало запрет для рабочих и служащих британских компаний открыто носить нательные крестики, пригрозив увольнением за подобное деяние. Тему оскорбления и защиты религиозных чувств активно педалируют СМИ.

Один из авторитетнейших деятелей РПЦ протоиерей Андрей Кураев по поводу выходки девушек Pussy Riot написал: «В этом феномене различимы три уровня: исполнители (их личности и мотивы), организаторы и идеологическая маркировка. Эта акция стала своего рода маркером, по реакции на нее обозначаются люди с определенной идеологической установкой. И те, кто сейчас поддерживает ее и считает, что она нормальна как акт искусства, выражение свободы слова или чисто политический протест, очень значимая группа (у которой, кстати, есть медийные ресурсы и в России, и за рубежом). Мне кажется, резонанс акции в храме Христа Спасителя позволяет понять некую возможную перспективу нашего развития. Это не действие странных одиночек, за ними очень серьезная идеологическая система, которая себе позволяет все, а христианам — ничего» [2].

Мнение сторонников равноудаленности церкви и государства: «Глумливая акция Pussy Riot показала, как далеко могут зайти в своем неприятии Церкви передовые отряды критиков клерикализации страны. «Панк-молебен» Богородицы явно стал ответом на поддержку власти и по своей форме издевательски копирует ту пиар-кампанию, которую церковные круги развернули вокруг принесения в храм Христа Спасителя пояса Богородицы минувшей осенью» [3].

Реакция официальных церковных кругов: «Патриархия Русской Православной Церкви просит привлечь к уголовной ответственности журналистов, освещавших панк-молебен группы Pussy Riot в Храме Христа

Спасителя по статье 282 Уголовного кодекса (возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, до 4 лет лишения свободы). Круг лиц, спланировавших и осуществивших акцию в Храме Христа Спасителя, намного шире, чем пять участниц группы. Очевидно, что корреспонденты центральных газет, например «Новой газеты», не случайно оказались в храме Христа Спасителя во время кощунственной акции. Патриархия просит привлечь к ответственности тех, кто фотографировал акцию, нес аппаратуру и брал интервью у участниц группы. Вызывающе яркая одежда, маски на лицах, непристойные движения с оскорбительными выкриками у царских врат алтаря свидетельствуют о том, что они сознательно глумятся над святыней по предварительному сговору» [6]. Прихожанам ряда православных храмов в Москве священниками приходо́в рекомендовалось создавать инициативные группы, собирать подписи и самостоятельно отправлять письма в прокуратуру. Во многих московских храмах 18 марта священники зачитывали письмо с призывом привлечь к уголовной ответственности по статье 282 УК РФ (возбуждение ненависти или вражды) всех, кто причастен к организации и освещению в СМИ акции феминистской панк-группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя. Правда, в тот же день председатель Синодального отдела Московского Патриархата Владимир Легойда сообщил СМИ, что не знает ни о каком циркуляре «сверху», который бы велел собирать во всех храмах Москвы подписи против панк-группы. При этом он не исключил, что сбор подписей все же мог иметь место в каких-то храмах — по инициативе верующих или отдельных священников.

Мнение адепта РПЦ: «Думаю, инцидент в храме яйца выеденного не стоит, но вся эта история в совокупности, все, что происходит в связи с ней, — это самый сильный удар по репутации православной церкви в новейшей истории России. Причем удар, который она нанесла себе сама. Кажется, у всех уже отпали сомнения, что Московский Патриархат — один из элементов путинской вертикали власти... Говорю это как человек русский, крещеный, православный, посещающий церковь и не одобряющий акцию, которая была проведена в Храме Христа Спасителя» [7].

Мнение популярного прозаика, драматурга, телеведущего Андрея Максимова: «Да, для этих девушек трудно найти оправдание.

Кроме одного. Они — люди. Их, как и нас всех, тоже призвал на Землю Господь Бог, и призвал, наверное, не для того, чтобы они в масках орали в храме. Они сбились с истинного пути. Мне нравится, когда Церковь последнее время поддерживает государство в каких-то его начинаниях, когда Церковь и государство выступают вместе.

Но, как мне кажется, суд государства и суд храма всегда должен быть разным. Опять же, могу ошибаться: но я не слышал, чтобы кто-нибудь из священников сказал, что он молится за души этих девушек, за то, чтобы Господь вразумил их. Но разве может быть хотя бы одна душа в этом мире, за которую отказался бы молиться священник? Скажите, если в нашем мире Церковь не будет нести прощение и добро, то кто еще сможет поднять этот груз? У вас есть ответ? У меня — нет» [4].

Кто-то переживает за оскорбление чувств верующих, кто-то за судьбу арестованных участниц акции. 22 апреля возле храма Христа Спасителя прошло масштабное «молитвенное стояние в защиту поруганных святынь и доброго имени Церкви», собравшее более 60 тыс. православных граждан. РПЦ обратила внимания на череду актов вандализма и осквернения храмов, которая, по ее мнению, началась с концерта феминистской группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя.

Государство в лице Генпрокуратуры возбудило уголовное дело по статье 213 Уголовного кодекса РФ «Хулиганство». Хотя даже активные сторонники наказания девушек считают, что за эту акцию должна быть ответственность по статье 5.26 Кодекса об административных правонарушениях.

Этот отчасти тревожный, отчасти печальный казус лишний раз показал, насколько в нашей стране не отрегулированы правовые механизмы взаимоотношений религиозных организаций и светского государства, церкви и общества.

Произошедший инцидент — наглядный пример того, как «свобода вероисповедания» вошла в противоречие со «свободой совести». К слову, о терминах. Свобода вероисповедания — одна из основных личных свобод человека, включающая право индивидуально или совместно с другими исповедовать любую религию, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними [1, с. 544]. Свобода совести — свобода индивидуума от любого

идеологического контроля, право каждого самостоятельно выбирать для себя систему духовных ценностей. Свобода совести значительно шире по содержанию, чем свобода вероисповедания. Это понятие, во-первых, включает свободу придерживаться и атеистических убеждений, а во-вторых, охватывает все аспекты интеллектуальной и духовной жизни человека. Свобода совести является абсолютным правом человека и не подлежит ограничениям ни при каких обстоятельствах [1, с. 544].

Соотношение и ограничения, связанные с реализацией и приоритетностью рассматриваемых свобод, регулируются нормами права. Практически это азбучная истина в любом правовом государстве: «Право — это форма свободы, а свобода возможна лишь в форме права» [5, с. 335]. Другими словами, государство и его органы обеспечивают реализацию свобод на основании права, устанавливая рамки ограничений, обеспечивающие защиту жизни, здоровья, нравственности и общественной безопасности, в интересах всех граждан. Федеральный Закон от 26.09.97 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» гласит, что «Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. В соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства государство: не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности...» и далее по тексту.

Выходка девушек панк-группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя является нелепой по форме демонстрацией позиции воинствующего атеизма той части российских граждан, которые не считают РПЦ «государственной скрепой нашей жизни», считают ее присутствие в политической жизни чрезмерным, ассоциируют ее с устаревшим изоляционистским дискурсом вчерашнего дня, не оправдывающим надежд нравственного мерила, эталона, посредника между человеком и властью.

Но, по горячим следам, призыв неких московских казаков отдать девушек на суд прихожан, то есть, по сути, линчевать «богохульниц», сопровождающийся публикацией в Интернете личных данных и адресов участниц Pussy Riot, выглядит еще более противоестественно и противоправно.

Этакий «крестовый поход» по канонам средневековья. И уж совсем нелепо выглядят предложения иерархов РПЦ привлечь к ответственности журналистов, сделавших эту оскорбительную акцию достоянием общественности.

Менее эмоциональной и взвешенной выглядит законодательная инициатива депутата Государственной Думы А. Г. Сидякина об увеличении размера штрафа за оскорбление религиозных чувств верующих и за осквернение почитаемых верующими религиозных предметов. Но и эта инициатива не безусловна. Председатель комиссии Общественной палаты РФ по международным отношениям и свободе совести Николай Сванидзе заявил «РИА Новости» в апреле, что не видит необходимости в ужесточении законодательства в отношении осквернения святынь и оскорбления чувств верующих. Он считает, что в противном случае в перспективе верующий человек сможет заявить, что его «оскорбляет короткая юбка на улице или утверждение школьного учителя о том, что человек произошел от обезьяны». «Если пойти по пути ужесточения законодательства в том направлении, о котором идет речь, то оно может принять необратимо клерикальный характер, и таким образом у нас в стране будут люди первого сорта, которые верят в Бога, и люди второго сорта, которые в Бога не верят», — убежден Сванидзе [8].

По его же мнению, в этом случае неминуемы соревнования конфессий, которые смогут заявить о том, что их права защищаются меньше, чем права другой религии.

Показательны данные майских социологических опросов «Левада-Центра». «Почти половина опрошенных россиян хотя бы, чтобы активисток «Pussy Riot» посадили на семь лет. При этом многие считают, что церковь слишком вовлечена в политику и обслуживает интересы власти. Людям свойственна жестокость, отмечают эксперты, но прогнозируют, что неприятие церковных институтов будет только расти. Почти половина опрошенных считает возможное максимальное наказание для задержанных активисток группы — 7 лет лишения свободы — «адекватным наказанием» (46,6 %), чрезмерным его называют 32 %. Чуть более 10 % респондентов уверены, что такие акции не должны преследоваться по закону.

В то же время россияне весьма критически воспринимают и церковных иерархов и считают, что проблемы церкви во многом

вызваны действиями ее руководства. Во время опроса социологи спросили, чем вызвано появление в прессе и Интернете большого числа критических материалов, посвященных РПЦ. Самым популярным ответом стала «вовлеченность церкви в политику, обслуживание интересов действующей власти» (24 %). Критика, по мнению еще 16 %, вызвана «расхождением и противоречиями между проповедью благочестия и праведности и реальностью». Только 13 % респондентов уверены, что претензии к РПЦ вызваны «стремлением противников русского национального возрождения унижить церковь». Еще 6,5 % связывают критику с неприятием «так называемых свободно мыслящих людей православных ценностей» [9].

В светском, современном демократическом государстве следует придерживаться закона, а не «понятий», даже если их разделяет значительная часть наших сограждан. Для этого необходимо разграничить секулярное и религиозное, сакральное и профанное. «Богу — богово». Совершив святотатство в отношении православного храма, оскорбив религиозные чувства православных граждан, девушки панк-группы Pussy Riot подлежат осуждению по религиозно-нравственным канонам, видимо,

призванию их к покаянию за совершенное деяние, внушив им весь ужас содеянного. Русская Православная Церковь Московского Патриархата последние годы активно наращивает свое присутствие в общественной и политической жизни страны, мотивируя это тем, что Церковь и православная вера смягчат сердца россиян, привнесут большую нравственность в жизнь страны и ее граждан. Никто не ожидает от нее сиюминутных результатов. Но для их достижения необходимы оригинальные инструменты и методы, присущие только ей, отличные от исключительно организационно-административных мер государственного воздействия.

«Кесарю — кесарево». Совершив публичное нарушение общественного порядка, а, возможно, и проступок, разжигающий религиозную вражду, оскорбляющий особую категорию граждан, девушки панк-группы Pussy Riot подлежат мерам государственного воздействия (административного или уголовного). Нарушив общепринятые нормы морали и нравственности, правила общежития в многонациональной стране, подлежат осуждению общественным мнением.

Такой подход, на мой взгляд, как нельзя лучше будет способствовать консолидации общества, поддержанию гражданского мира и согласия в России XXI века.

1. Большой юридический словарь [Текст] / под ред. А. Я. Сухарева, 2-е изд. М.: ИНФРА-М., 2004. С. 544.
2. Крестовый поход [Текст] // Российская газета. 2012. 14 марта. № 5728 (55). Столичный выпуск.
3. На РПЦ упала тень выборов [Электронный ресурс] / Независимая газета. URL: http://religion.ng.ru/events/2012-03-07/1_rpc.html (дата обращения: 25.04.2012).
4. Неподсчитанные души? [Электронный ресурс] / Российская газета. URL <http://www.rg.ru/2012/03/19/dushi.html> (дата обращения: 25.04.2012).
5. Нерсесянц В.С. Общая теория права. М., 2002. С. 335.
6. Патриархия просит привлечь к уголовной ответственности журналистов... [Электронный ресурс] / Новая газета. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/55108.html> (дата обращения: 25.04.2012).
7. Разделяй и властвуй [Электронный ресурс] / Эхо Москвы. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/avmalgin/> (дата обращения: 25.04.2012).
8. Церковь хочет ужесточить законодательство для «врагов веры» [Электронный ресурс] / Infox.ru. URL: http://infox.ru/authority/law/2012/04/27/Cyerkov_hochyet_uzhy.phtml.
9. Против Pussy Riot и против церкви [Электронный ресурс] / Gazeta.ru. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2012/05/02_a_4570281.shtml (дата обращения: 2.05.2012).

ПРИНЦИП ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА

УДК 341.231.14

О.С. ЧЕРЕПАНОВА

Основу взаимоотношений между государством и личностью составляют принципы правового государства с четким определением ценностных приоритетов в пользу человека, его прав и свобод. Вместе с тем представляется очевидным, что провозглашение основных прав и свобод человека само по себе не является достаточной гарантией их эффективного осуществления. Еще великий французский мыслитель Б. Спиноза отмечал: «Пока естественное право людей определяется мощью каждого и принадлежит каждому в отдельности, до тех пор оно ничтожно, но существует скорее в воображении, нежели в действительности, ибо осуществление его совершенно не обеспечено» [1, т. 2, с. 296].

В этой связи охрана прав и свобод человека выступает практической задачей всех государственных органов. Безусловно, в последние годы в России проводится комплексное реформирование правовой, социальной, экономической сфер жизнедеятельности общества, направленное на их совершенствование и модернизацию. Но в то же время такие сохраняющиеся негативные явления, как низкий уровень жизни, криминализация общества, коррупционность власти и допускаемые ею нарушения прав граждан, приводят к выводу о недостаточности либо неэффективности предпринимаемых мер. В итоге это не только подрывает авторитет власти, порождая недоверие к ней, но и ведет к изменению сущности и социального назначения государства, к нарушению им же гарантированного правового статуса личности.

Во многом развитие отмеченных негативных тенденций обусловлено непониманием механизма взаимодействия государства и личности, основу которого составляет их взаимная ответственность. Именно реализация принципа взаимной ответственности государства и личности обеспечивает гармонию в их отношениях, баланс их интересов, гарантирует существование подлинно правового государства. Напротив, отсутствие эффективного

механизма его реализации является предпосылкой распространения социальной несправедливости, что многократно увеличивает риск возникновения и обострения конфликтов публичных и частных интересов. Сказанное позволяет утверждать, что проблемы взаимной ответственности государства и личности приобретают стратегическое значение для становления и развития социальной и правовой государственности.

Идея взаимной ответственности государства и личности была сформулирована еще И. Кантом: «Каждый гражданин должен обладать той же возможностью принуждения в отношении властвующего к точному и безусловному исполнению закона, что и властвующий в его отношении к гражданину» [4, с. 83]. Развивая данную позицию, Р. Иеринг отмечал, что закон обращен как к каждому человеку в отдельности, так и к органам государственной власти в целом, и не только в связи с тем, что последние могут принудить к исполнению нормы, но и потому, что органы государственной власти, в свою очередь, должны исполнять возложенные на них по закону обязанности, нести ответственность за неисполнение требований закона, ибо одна из целей права — это порядок в обществе, для установления которого необходимо взаимодействие всех сторон [3, т. 1, с. 264].

Приведенные утверждения актуальны и сегодня. И современные исследователи характеризуют принцип взаимной ответственности государства и личности как наличие закрепленных законодательством прав и обязанностей органов государственной власти, а также прав и обязанностей граждан, несоблюдение которых должно влечь адекватные меры государственного принуждения [1, с. 157; 5, с. 27]. Таким образом, в трактовке правоведов взаимная ответственность государства и личности представляет собой идею о способе ограничения государственной власти, основанном на верховенстве права и равной обязательности требований закона для власти и подвластных.

Соглашаясь с данным пониманием рассматриваемой юридической категории, отметим вместе с тем, что вопрос о понятии, содержании и структуре принципа взаимной ответственности государства и личности требует большей определенности и детализации.

Системный анализ сущности принципа взаимной ответственности государства и личности следует начать с определения его законодательных основ. В Конституции РФ 1993 года рассматриваемый принцип текстуально не закреплен, но вытекает из многих ее положений. Приведем лишь некоторые из них: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица обязаны соблюдать Конституцию РФ» (ч. 2 ст. 15); «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд» (ст. 46); «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба» (ст. 52); «Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц» (ст. 53); «В РФ не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека» (ч. 2 ст. 55) и т. д. Логично следуя из системного толкования основного закона, принцип взаимной ответственности государства и личности находит свое воплощение в содержании всей системы права.

Непосредственно текстуально принцип взаимной ответственности государства и личности впервые был сформулирован Конституционным Судом РФ в Постановлении от 20 декабря 1995 г. [9]: «Гражданин и государство связаны взаимными правами, ответственностью и обязанностями». Характеризуя данное установление, Н. С. Бондарь отмечал, что оно основано на идее наличия фундаментального правоотношения между гражданином и государством, в рамках которого государство вправе осуществлять регулирование общественных отношений посредством установления общеобязательных правил поведения, а гражданин обязан этим правилам подчиняться; наряду с этим государство обязано признавать, соблюдать

и защищать права и свободы человека и гражданина, а гражданин вправе требовать от государства исполнения этой обязанности [2, с. 2].

Сказанное позволяет прийти к выводу, что принцип взаимной ответственности государства и личности абстрагируется от таких взаимосвязанных явлений правовой действительности, как сущность и социальное назначение государства, правовой статус личности, юридическая ответственность. При этом, с одной стороны, исследуемый принцип выступает основой данных явлений и выражает их суть, а с другой, названные правовые институты образуют его структуру.

Базируясь на данном понимании, обозначим теоретико-правовую модель принципа взаимной ответственности государства и личности. По нашему мнению, ее образуют внешняя и внутренняя формы его воплощения.

Внешняя форма реализации принципа взаимной ответственности государства и личности выводится из содержания таких категорий, как «правовой статус личности», «социальное назначение правового государства». Основой данного вывода послужили следующие факторы.

В концепции правового государства именно человек является целью всей панорамы государственно-правовой жизнедеятельности общества, ведь в его правовом статусе отражается взаимосвязь государства и личности, раскрываются их сущностные и качественные стороны. В литературе приводятся различные дефиниции правового статуса личности, которые, по сути, выражают один и тот же подход: это совокупность прав, свобод и обязанностей [10, с. 91]. Правовой статус личности позволяет установить такое взаимодействие, при котором государство выступает не как диктатор, а как равноправный с личностью партнер, обеспечивающий ее независимость и свободное развитие.

Учитывая изложенное, значение правового статуса личности, по нашему мнению, проявляется в следующем. Во-первых, с его помощью личность приобретает эффективные механизмы влияния на публичную власть и возможность контролировать действия этой власти. Во-вторых, провозглашая права и свободы человека и гражданина, государство в этих же пределах ограничивает себя в собственных действиях и решениях. В-третьих, государство и личность становятся равноправными участниками

общественных отношений. Таким образом, нормы, закрепляющие правовой статус личности, занимают главенствующее место среди всех иных правовых норм и институтов.

Реализация всех возможностей, заложенных в правовом статусе, возможна лишь в условиях правовой государственности, идеи которой отражены в основных законах большинства стран мира. Конституция Российской Федерации 1993 года также провозгласила Россию демократическим правовым государством (п. 1 ст. 1), права и свободы человека высшей ценностью, а основной обязанностью государства – признание, соблюдение и защиту этих прав (ст. 2). Тем самым декларируются новые формы взаимоотношений личности, общества и государства, исходящие из незыблемости и неотчуждаемости прав и свобод человека и гражданина.

Однако само декларирование идей правовой и социальной государственности не влечет неукоснительного следования им участников общественных отношений. Правовой статус граждан в современной России характеризуется такими особенностями, как крайняя неустойчивость, недостаточная социальная и правовая защищенность, неспособность государственно-властных структур эффективно обеспечить права, свободы и законные интересы гражданина, отсутствие гарантий их реализации.

Все еще многочисленны факты неуважения и попрания достоинства и прав граждан, проявления произвола, бюрократизма, невыполнение властью своих обязательств перед гражданами, особенно в отношении таких категорий, как малообеспеченные, пенсионеры, военнослужащие, сотрудники органов внутренних дел, ветераны войны и труда. По данным Федеральной службы государственной статистики на 2010 год, 19,1 миллионов россиян, что составляет 13,6% от общей численности населения, имеет доход ниже прожиточного минимума [7]. Рост доходов основной массы людей существенно отстает от роста цен, стоимости услуг, тарифов. Причем разрыв этот постоянно увеличивается. Результат – углубление пропасти неравенства, социальная апатия, люмпенизация населения, реакции, могущие привести к насилию, экстремизму.

С другой стороны, не умаляя значимости прав и свобод человека как ориентира поведения государства, всех его органов и должностных лиц, отметим, что весьма важно

не допускать «передозировки» этих прав. Абсолютизация приоритета прав человека по отношению к общесоциальным интересам создает угрозу формирования и распространения в обществе позиции крайнего индивидуализма и эгоизма, что, в конечном счете, может негативно отразиться на жизнедеятельности всего общества и государства, привести к нарушению правопорядка.

Средством устранения препятствий в реализации возможностей, заложенных в правовом статусе индивида, а также предоставления ему подлинной свободы, отличной от вседозволенности, выступает принцип взаимной ответственности государства и личности. Его действие реализуется в правоотношении, содержание которого составляет наличие взаимных прав и обязанностей, закрепляющих достигнутый в обществе уровень свободы человеческой личности, меру ее автономии по отношению к государству, и вместе с тем – границы, в пределах которых реализация прав не перерастает в произвол.

Последствием нарушения исследуемого принципа является либо установление примата государства над гражданами, и тогда последние могут стать жертвами произвола и беззаконий, либо, напротив, – узаконение неограниченных возможностей личности по реализации прав, что в условиях отсутствия обязанностей грозит анархией, разрушением государственности и подрывом основ человеческого общежития.

Таким образом, внешняя форма проявления принципа взаимной ответственности государства и личности выражается в установлении такой системы взаимоотношений между индивидом и властью, при которой государство предоставляет возможность личности свободно реализовывать свои права и свободы (экономические, политические, культурные, социальные и иные), создает для этого соответствующие условия и возлагает на себя обязанность по их обеспечению и защите, а личность, в свою очередь, обязана использовать данные права в соответствии с их назначением, не допускать злоупотреблений правами, нарушений прав и интересов других субъектов, противоправного поведения.

Подтверждением сказанному может послужить и определение понятия «ответственность» как социально-философского института. С этой позиции ответственность рассматривается как категория, отражающая принципы и законы, значимые для

взаимодействия индивида и социума в любой сфере жизнедеятельности; отражающая степень осознания, как индивидом, так и социумом, способности и возможности выступать причиной изменений в себе и в социуме в целом [8, с. 9]. Следовательно, такая ответственность включается во все виды человеческой деятельности как их качественный показатель. Атрибут ответственности применим к любому явлению социальной жизни.

Термин «ответственность» используется и в преамбуле Основного закона, выступая в качестве мотивации принятия Конституции и составляя основу основ конституционного строя, поскольку, как верно отмечает Б.С. Эбзеев, определяет фундамент взаимоотношений народа и государства, предопределяет обязанность личности защищать общество и служить ему, уважать государство, которое, в свою очередь, обязано обеспечить охрану личности, ее жизни и здоровья, имущества и прав [13, с. 60].

Из изложенного следует, что принцип взаимной ответственности государства и личности как бы синтезирует в себе наиболее значимые связи между государством и личностью, которые юридически оформляются при помощи правовых норм. Сказанное позволяет сформулировать следующую дефиницию: принцип взаимной ответственности государства и личности представляет собой стержневую идею права, выражающую баланс интересов и гармоничное сосуществование индивида и публичной власти на основе установления справедливой системы единства и равенства их прав и обязанностей.

При этом главный социальный смысл взаимной ответственности состоит не в том, чтобы удержать кого-либо от совершения противоправных действий, а в побуждении всех участников правоотношений к правомерному поведению, поощряемому обществом и государством, отражающему фактическое содержание регулятивного правоотношения ответственности, обеспечивающему комфортное и достойное существование.

Вместе с тем, признание позитивной направленности ответственности ни в коей мере не снижает значения так называемой ретроспективной ответственности, наступающей в случае невыполнения субъектом обязанности, и связанной с возможностью применения санкций. Невыполнение обязанностей всегда нарушает чье-либо право

(государства, его органов, общественных организаций, частных лиц). Как верно отмечает В.А. Тархов, «каждая правовая обязанность непременно должна быть подкреплена юридической ответственностью. Без этого обязанность утрачивает характер необходимости определенного поведения, то есть юридический характер» [12, с. 14].

Поэтому применение в необходимых случаях мер государственного принуждения служит одной из важных юридических гарантий нормального функционирования всего общества. Юридическая ответственность власти и индивида за нарушение правовых предписаний является внутренней формой реализации принципа взаимной ответственности государства и личности в российской правовой системе.

В структуре принципа взаимной юридической ответственности государства и личности можно выделить два компонента: ответственность личности перед государством и ответственность государства перед индивидом.

Первый структурный элемент реализуется в публично-правовых отношениях, где управомоченным субъектом является государство, а на обязанной стороне могут выступать индивидуальные (физические лица) или коллективные (юридические лица) субъекты. Ответственность данных субъектов выражается в обязанности претерпеть определенные неблагоприятные последствия (санкции). Индивидуальные субъекты могут быть привлечены к уголовной, административной, дисциплинарной, гражданско-правовой ответственности, коллективные — к административной и гражданско-правовой. Вступая в охранительные правоотношения юридической ответственности, обладая властными полномочиями по применению мер принуждения не свои частные интересы, а интересы всей нации, всего общества.

Второй структурный элемент выражается в том, что государство при невыполнении своих обязанностей, нарушении прав частного субъекта обязуется перед последним восстановить нарушенные права, возместить причиненный вред. Анализ действующего законодательства позволяет выделить следующие основания ответственности государства. Во-первых, это действия должностных лиц органов власти, причиняющие вред частным лицам. Во-вторых, — это иные случаи, предусмотренные законом, к которым, в частности, относятся: причинение вреда

здоровью и имуществу граждан вследствие чрезвычайных ситуаций, террористических актов, а также лицам, выполняющим особо значимые для общества функции (членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, должностным лицам правоохранительных и контролирующих органов, участникам уголовного судопроизводства, военнослужащим) и т.д. Во всех этих ситуациях государство выплачивает пострадавшим компенсацию из бюджетных средств.

Не отрицая социальной значимости данных оснований, следует признать их объективную недостаточность, поскольку они предусматривают лишь немногие случаи возмещения причиненного личности вреда, в то время как такой вред причиняется любым преступлением против жизни, здоровья, собственности и т.д. Согласно официальным статистическим данным МВД России, ущерб от тяжких и особо тяжких преступлений по оконченным уголовным делам за 11 месяцев 2010 года составил 128174116 тыс. руб. [6].

Обозначенную проблему усугубляет то обстоятельство, что в Российской Федерации раскрывается лишь определенный процент зарегистрированных преступлений. Так, за период с января по ноябрь 2010 года остались не раскрытыми 1069239 преступлений, из них тяжких и особо тяжких 276419 [6]. Как известно, по действующему законодательству возмещение ущерба производится только при наличии приговора суда, следовательно, вред, причиненный потерпевшим в результате совершения нераскрытых преступлений, возмещению не подлежит.

По нашему мнению, такая ситуация противоречит требованиям принципа взаимной ответственности государства и личности, позволяя констатировать «усеченный» вариант его воплощения в правовой системе России. Поэтому полное восстановление в правах лиц, в отношении которых совершены противоправные деяния, – важнейшая и серьезнейшая юридическая и общечеловеческая проблема, от разрешения которой напрямую зависит полнота реализации принципа взаимной ответственности государства и личности.

Таким образом, принцип взаимной ответственности государства и личности представляет собой сложное организационно-правовое образование, имеющее внешнюю и внутреннюю формы воплощения в правовой системе России. Внешняя сторона представлена такими компонентами, как правовой статус личности, сущность и социальное назначение государства, характеризующими все виды взаимодействия власти и индивида. Внутреннюю сторону исследуемого принципа образует взаимная юридическая ответственность частных и публичных субъектов за неправомерные действия.

Создание теоретической концепции, наиболее эффективной модели обеспечения и реализации принципа взаимной ответственности государства и личности и ее последующее законодательное закрепление является ориентиром построения и развития справедливых, гармоничных, гуманных отношений между человеком, обществом и государством.

1. Абдулаев М. И. Теория государства и права: учебник. М. : Финансовый контроль, 2004. 410 с.
2. Бондарь Н. С. Решения Конституционного Суда как мера свободы и ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 10. С. 2–5.
3. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб. : Издание Н. В. Муравьева, 1881. 412 с.
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М. : Юрист, 2004. 512 с.
5. Осипян Б. А. Защита органами конституционного правосудия России основ правопорядка и общепризнанных прав и свобод личности // Современное право. 2006. № 11. С. 26–32.
6. Официальный сайт МВД Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru>. Статистика (дата обращения: 14.01.2011).
7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/bgd/free> (дата обращения: 10.01.2011 г.)
8. Пазина О. Е. Социальная ответственность личности в современном обществе: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Н. Новгород, 2007. 34 с.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 54.
10. Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М. : Инфра-М, 2003. 573 с.
11. Спиноза Б. Политический трактат // Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М. : Политиздат, 1957. 727 с.
12. Тархов В. А. О юридической ответственности. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 38 с.
13. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М. : Норма, 2007. 384 с.

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЕ СВОДОВ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1832–1857 гг.

УДК 340.130

Р.С. ТАРАБОРИН

Созданный в конце первой трети XIX в. Свод законов Российской империи – является одним из наиболее ярких и известных источников в истории российского права. Со времени принятия свода и до настоящего времени, уже на протяжении почти двух столетий рассматриваются и оцениваются его характеристики, исследуются достоинства и недостатки. Одним из дискуссионных в историко-юридических исследованиях вопросов выступает оценка юридической силы действия свода законов, поскольку его юридическое действие является конечным результатом систематизации законодательства, составления и существования акта.

Впервые вопрос о юридической силе первого издания свода законов 1832 г. был поставлен при его утверждении на заседании Государственного совета 19 января 1833 г. Представлявший свод М.М. Сперанский предлагал три варианта решения: 1) «признать статьи свода единственным основанием в решении, так чтобы текст законов служил только доказательством источников, из которых статьи составлены, но не был бы сам собою в делах употребляем»; 2) «признать статьи свода законом, но не единственным и не исключительным, но действующим в тех только случаях, где нет сомнения ни о существовании закона, ни о смысле его; как же скоро предстоит это сомнение, то прибегать к самому тексту закона и разрешать его предпочтительно по этому тексту»; 3) «признать прежний текст закона единственным и исключительным основанием решения, а статьи свода считать только средством совещательным к приисканию их и к познанию их смысла». При этом сам Сперанский, признавая определенное преимущество в первом решении, настаивал на втором, мотивируя это тем, что от признания за сводом силы закона могли бы пострадать интересы частных лиц.

Император Николай I, внося коррективы в предложение Сперанского, внес на рассмотрение Государственного совета четыре варианта решения: 1) первое решение дословно повторяло формулировку первого положения Сперанского; 2) «признать статьи свода законом действующим, но вместе с тем постановить, чтобы в некоторых определенных

случаях можно было обращаться к самому тексту закона и в нем искать разрешения»; 3) третье решение повторяло третье предложение Сперанского; 4) «признать в течение некоторого определенного времени текст закона основанием к решению, как он признается и ныне, но в то же время постановить, чтобы вместе с ним приводимы были статьи свода, им соответствующие». Предлагая эти решения, государь пояснял, что прежде чем создавать новые законы, необходимо собрать в одно целое старые, и в этом должна состоять цель свода.

После долгих обсуждений Государственный совет, вняв мнению императора, высказался за первое решение, признав, что: «во всех отношениях полезно и достоинству правительства соответственно издать Свод в виде законов, коими в решениях исключительно руководствоваться должны». Но при составлении журнала заседания среди членов совета возникло разногласие относительно правильности его составления. Часть членов (меньшинство) посчитала неверными слова пункта II журнала: «...Свод получает исключительную силу закона». Возникшее разногласие разрешил государь, наложив на журнале заседания 19 января свою резолюцию: «Журнал составлен совершенно правильно, согласно моим намерениям, в совете изложенным. Свод рассылается ныне же, как положительный закон, которого исключительное действие начнется с 1 января 1835 года».

На основании журнала заседания государственного совета был издан Высочайший манифест от 31 января 1833 г. Некоторые его положения также имеют значение для юридической силы свода законов: 1) «свод имеет воспринять законную силу свою и действие с 1 января 1835 г.»; 2) «законная сила свода имеет тогда состоять в приложении и приведении статей его в делах правительственных и судебных...»; 3) «свод законов ничего не изменяет в силе и действии их, но приводит их только в единообразии и порядке...».

12 декабря 1834 г. появился еще один документ, отчасти характеризующий юридическое значение свода законов. Это высочайше утвержденное мнение Государственного совета – «О приложении и употреблении

Свода законов Российской империи в производстве дел». Согласно нему, «как по общему правилу действие закона предыдущего может измениться законом последующим, то каждый раз, когда приводится или указывается статья свода, нужно удостовериться, не изменилась ли она состоявшимися после свода узаконениями... как свод не постановляет законов вновь, но есть только состав законов существующих, то по наступлении срока их действия не только присутственные места, но и частные лица обязаны вместо указов приводить статьи свода».

Рассмотрение процесса наделения свода законов юридической силой демонстрирует источники изучения вопроса: 1) журнал заседаний Государственного совета от 19 января 1833 г. и наложенная на нем резолюция императора Николая I; 2) высочайший манифест от 31 января 1833 г.; 3) высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 12 декабря 1834 г.

Рассматривая указанные документы, исследователи придерживались различных взглядов. Лазаревский [3, с. 32], основываясь на наложенной государем резолюции, признавал силу закона за сводом 1832 г. Но резолюция не была обращена к исполнению и непосредственной юридической силы не имела. Поэтому за резолюцией, по мнению Е. К. Побединой, «...может быть признано только значение мотива, обязательного лишь постольку, поскольку он отразился в законе» [8, с. 141]. Исходя из этого факта, нельзя судить о юридической силе свода, основываясь только на наложенной государем резолюции.

Сильно расходятся мнения авторов относительно толкования изданного 31 января 1833 г. манифеста. Высочайший манифест содержит выражения «законная сила» и «законные книги», но в то же время в нем отсутствует положение, прямо и определенно указывающее, что свод имеет силу положительного закона. Н. М. Коркунов [2, с. 21] и Лазаревский [3, с. 32] отрицали тождественность выражений «законная сила» и «законные книги» понятию «сила закона». Напротив, М. А. Лозина-Лозинский [4, с. 47–48], ссылаясь на общий дух манифеста и на смутность этих понятий для того времени, придавал этим словам значение выражения «сила закона». Основываясь на манифесте, А. И. Пахарнаев считал, что «...статьи свода имеют одинаково обязательное значение с их первоисточниками» [7, с. 75].

Согласно манифесту, «законная сила» состоит в «приложении и приведении в делах статей свода» вместо подлинного текста законов.

Отсюда следует, что смысл слов «законная сила» несколько иной, чем смысл слов «сила закона». Ведь «приведение в делах статей свода» еще не значит, что последнему придается сила исключительного закона. В манифесте используются очень неопределенные формулировки, и, основываясь на выражениях «законная сила» и «законные книги», нельзя определенно придавать своду законов силу исключительного закона.

Между тем манифест гласит: «как свод законов ничего не изменяет в силе и действии их, но приводит их только в единообразии и порядок...». М. А. Лозина-Лозинский [4, с. 48] отрицал значение этих слов, говоря, что в них не содержится повеления. А. И. Каминка [1, с. 12] видел в них только характеристику свода, не определяющую его силы. Но представляется, что даже если и видеть в этих словах только характеристику свода, то по ясности своего содержания она решает вопрос о его юридической силе. К тому же «взгляд этот ни чем не опровергается, он есть единственное утверждение самого закона по вопросу о юридической силе свода» [8, с. 142], и видно, что это утверждение согласуется с целью принятия свода, которая также содержится в манифесте: «...повелели Мы... одни действующие ныне в Империи Нашей законы соединить в правительный и единообразный Свод и изложить их в точной силе их, без всякого в существе их изменения».

Еще более конкретно юридическое значение свода закреплено в высочайше утвержденном мнении Государственного совета от 12 декабря 1834 г., где говорится: «как свод не постановляет законов вновь, но есть только состав законов существующих...». Кроме того, «...когда приводится статья свода, нужно удостовериться, не изменилась ли она состоявшимися после свода узаконениями». Другими словами, перед применением статьи свода нужно было сопоставлять с узаконениями, принятыми в период с 1 января 1832 г. по 31 января 1833 г.

После введения в действие первого издания свода законов возник вопрос о его тексте с подлинными законами. По этому поводу 23 декабря 1836 г. состоялось высочайше утвержденное мнение Государственного совета, согласно которому, в случае противоречия статей свода подлинным текстам законов, министр юстиции разрешает его со II отделением собственной е. и. в. канцелярией, а если между ними не будет достигнуто согласия, то вопрос выносится на рассмотрение Государственного совета. Это правило подтверждает положения манифеста и закона

от 12 декабря 1834 г. в том, что «свод не изменял старых законов, следовательно, он не был новым законом». Также свод законов не отменил противоречия ему узаконения, а они вошли в состав последующих продолжений свода (См.: ПСЗ-2. №№ 5053–5946.) Свод законов 1832 года, не имея силы отменять предыдущие законы, был не новым законом, а лишь систематизированной совокупностью ранее действовавших законов.

Все дела, возникшие до 1835 г. (вступление в действие свода), должны были разрешаться согласно статьям свода законов. Обычно новые законы имеют обратную силу в виде исключения, о чем прямо указывается в самом законе. Однако, как уже было сказано, свод не стал новым законом, а являлся лишь «составом старых законов». И, вследствие сохранения силы самих старых законов, распространял свое действие на отношения, возникшие до вступления его в силу.

Поскольку свод законов был сборником старых законов, неминуемо возникает вопрос: свод первого издания заменил собой первоисточники, из которых он был составлен, или же он, представляя собой приведенный в систему сборник этих первоисточников, подлежит сверке с первоисточниками и действует постольку, поскольку не противоречит подлинному тексту и общему духу первоисточников? Согласно ст.ст. 72–73 действовавших в то время основных государственных законов, «закон сохраняет свое действие, доколе не будет отменен силою нового закона», и «отмена закона существующего совершается тем же порядком, какой означен выше для составления законов». Основываясь на этих положениях и принимая во внимание слова манифеста от 31 января 1833 г., что «в случае неясности самого закона в существе его, так и в случае недостатка или неполноты его, порядок пояснения и дополнения остается тот же, какой существовал донныне», можно согласиться с тем, что «...статьи свода имеют одинаково обязательное значение с их первоисточниками» [7, с. 75]. Следовательно, закрепляя порядок параллельного существования свода и его первоисточников, т.е. свод законов 1832 г. действовал одновременно с его источниками, и лишь постольку, поскольку им не противоречил.

Некоторые авторы справедливо подвергали сомнению значение за сводом законов нового закона, основываясь на том, что «...свод этот как единое целое никогда не был рассмотрен в законодательном порядке...» [7, с. 78]. Действительно, не было юридических оснований для придания своду, хотя

и не являвшемуся новым законом, силы закона. Поэтому, рассмотренными выше документами свод получил юридическое значение, потому что основывался на действующих законах, принятых в установленном порядке. Таким образом, нормы свода законов имели силу закона не потому, что были в него включены, а потому, что служили отражением подлинных законов, и, следовательно, юридическая сила утрачивалась при их несоответствии и противоречии подлинным законам.

Но действие свода осложняется тем, что в издание 1832 г. вошло много постановлений, не имеющих силу закона. Вместе с законами в свод вошли «...многие такие письменные акты, которые не только никогда не рассматривались в законодательном порядке и не получали законодательной санкции, но даже и такие, которые совсем не исходили от верховной власти и не были никогда обнародованы, и которые до того времени – следовательно – были не только не обязательны для всех, но даже и не всем известны, предполагая всеобщую известность реально наступившей (конечно с известной натяжкой) со дня обнародования» [7, с. 75]. Это были сенатские указы, административные распоряжения, ордера министра юстиции и т.д. В связи с этим возникает вопрос, какую силу имели, или по крайней мере должны были иметь статьи свода законов, основанные на таких незаконодательных постановлениях? По этому вопросу М.А. Лозина-Лозинский полагал [4, с. 48], что при издании свода приводились к одному уровню по силе и законодательные постановления, и постановления, не имеющие санкции верховной власти. Свои выводы он основывал на необнародованном высочайше утвержденном 15 декабря 1834 г. мнении Государственного совета о том, что в свод вводятся: 1) распоряжения министров, утвержденные сенатом, а распоряжения министра финансов по таможенной части – даже без утверждения Сената и 2) пояснительные меры, опубликованные от Сената. Но этот закон не придает силы закона законодательным постановлениям и, следовательно, не решает вопроса о законодательной силе свода. Он устанавливает только содержание свода, перечисляя все постановления незаконодательного характера, которые обязательно вводятся в свод. В связи с этим представляется, что уместнее было бы говорить о том, что нормы свода законов имеют юридическую силу источника, из которого они составлены, силу закона, сенатского указа, административного распоряжения или иного источника их происхождения.

Не менее дискуссионным является вопрос о юридической силе изданий Свода законов 1842 и 1857 гг. П. П. Цитович приравнивает издания Свода 1842 и 1857 гг. по их силе к Своду 1832 г., полагая, что каждое из этих изданий отменяло силу всех предшествующих законов, как вошедших в свод и его продолжения, так и не успевших туда попасть [9, с. 7–16]. Н. М. Коркунов, отрицающий за Сводом 1832 г. силу подлинного закона, тем более не признает за позднейшими изданиями иной силы, кроме присущей тем законодательным актам, по которым составлен текст свода [2, с. 331–332]. А. И. Каминка считал, что «так как последующие издания Свода входили в самый план и первого его издания, то, раз прямо не указано, что последующие издания будут иметь другую силу, нежели первое, такой вывод, явно ненормальный, не может презюмироваться» [1, с. 12].

Действительно, изначально свод законов планировался как периодический, перерабатываемый по мере изменения законодательства сборник. В указах о введении в действие Сводов законов 1842 и 1857 гг. (от 4 марта 1843 г. и 12 мая 1857 г.) нет никаких указаний на то, что издания свода отличаются по своей силе друг от друга. Этими указами отменялось предыдущее и вводилось в действие новое издание свода. Другими словами, одно издание свода заменялось другим, и, соответственно, с определенного момента необходимо было пользоваться новым изданием. Кроме того, как уже было сказано, каждое последующее издание свода было основано на предыдущем и являлось его переработкой с учетом изменений законодательства.

Так же, как и свод законов 1832 г., его издания 1842 и 1857 гг. не были новыми законами, а представляли собой синтез предыдущей редакции свода и нового законодательства. При этом все три редакции свода объединяет единый порядок систематизации и введения в действие, принятый в 1826 г. перед составлением Свода 1832 г. Юридическая сила последующих редакций свода законов носила преемственный характер, и их юридическое значение оставалось неизменным. Нет оснований проводить различие в юридической силе изданий свода законов 1832, 1842 и 1857 гг. Каждая последующая редакция свода законов имела юридическую силу предыдущей. Своды законов 1832–1857 гг., не отменяя ранее действовавшие акты, были не новыми законами, а только актами их систематизации. Они действовали одновременно с их источниками, и лишь постольку, поскольку им не противоречили, имея юридическую силу самих источников.

Анализ юридического действия сводов законов российской империи 1832–1857 гг. позволяет сделать следующие выводы:

- своды законов 1832–57 гг., не являлись новым законом, не отменяли предшествующие нормативные акты и служили формой их систематизации;
- положения сводов законов имели юридическую силу источников их составления и при условии непротиворечия действовали параллельно с ними;
- юридическое значение редакций сводов законов носит преемственный характер, каждая последующая редакция основывает свою юридическую силу на предыдущей.

1. Каминка А. И. Сила свода законов // Право. 1908. № 1.
2. Коркунов Н. М. Значение Свода Законов // Журнал министерства народного просвещения. 1894. Сентябрь.
3. Лазаревский. Закон и свод // Право. 1899.
4. Лозина-Лозинский М. А. Кодификация законов по русскому государственному праву // Журнал министерства юстиции. 1897. №№ 4, 5.
5. Майков П. М. О Своде Законов Российской Империи. СПб., 1905.
6. Майков П. М. Второе Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1906.
7. Пахарнаев А. И. Обзор действующего Свода Законов Российской Империи. СПб., 1909.
8. Победина Е. К вопросу о юридической силе Свода Законов // Журнал министерства юстиции. 1909. № 4.
9. Цитович П. П. Курс русского гражданского права. СПб., 1878.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

УДК 343.9+343.01

Е.В. ГОЛОЩАПОВ

Любое преступление по своей природе и сущности – явление социальное, так как направлено непосредственно на личность как члена того или иного социального коллектива (объединения), на его естественные и позитивные права, на государственные и общественные отношения, а также безопасность и мирное сосуществование всего человечества. Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, которые в настоящее время приобретают всё более организованный, коррупционный характер, относятся к наиболее опасным общественным деяниям в силу того, что причиняют вред не только здоровью человека, но и создают угрозу причинения вреда государственной безопасности и целостности, являются своего рода побудительным мотивом и движущей силой для совершения иных негативных поступков, так как происходит своеобразная деформация правового сознания и морально-нравственная деградация человеческой личности. В связи с этим приобретает особую важность и значимость целенаправленное воздействие государства, всего общества, всех гражданских и юридических лиц на ослабление, нейтрализацию наркоситуации и так называемой наркоэкспансии.

Места лишения свободы – отдельный, изолированный и режимно организованный мини-социум. Их в народе по вполне понятным причинам образно называют «школой преступности» и «курсами повышения преступного мастерства», в этом отношении исправительные учреждения должны стать зоной повышенного внимания в плане предупреждения рецидива преступлений в пенитенциарных учреждениях, а равно после освобождения из мест заключения – в постпенитенциарный период. Основная цель уголовно-исполнительного законодательства, как это фиксируется в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (ч. 1 ст. 1), –

«исправление осуждённых и предупреждение совершения новых преступлений, как осуждёнными, так и иными лицами» [6]. Другими словами, в результате организации и проведения отдельных видов превентивных мер как принудительного, так и воспитательного характера следует формировать у осуждённых мотивацию отказа от преступного девиантного поведения, в том числе и связанного с незаконным оборотом наркотиков, осознанного отношения к необходимости социального значимого правомерного поведения с опорой на морально-нравственные устои, культуру, религиозные верования и менталитет народов России, для большей части которых наркомания и наркобизнес были чуждым явлением. Н. А. Беляев по этому поводу отметил: «Исправление – это та оптимальная задача, которая должна быть решена при исполнении наказания. Об исправлении преступника можно говорить тогда, когда под влиянием наказания в его сознании происходят изменения, при наличии которых преступник хотя и не превращается в активного, сознательного члена нашего общества, но уже становится безопасным для общества» [6].

В целях предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в местах лишения свободы, необходимо провести анализ качественно-количественного состава осуждённых, склонных к немедицинскому употреблению и распространению наркотических средств и психотропных веществ (структура, динамика, возраст, пол, образование, социальная принадлежность и др.), выявить детерминанты наркорцидива. Значимость профилактической работы в данном плане определяется тем, что, как свидетельствуют статистические данные, в целом по стране сохраняется положительная динамика регистрации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических

средств и психотропных веществ: в 2004 г. зарегистрировано 150096 преступлений подобного типа, в 2005 г. — 175241, в 2006 г. — 212019, в 2007 г. — 231218, в 2008 г. — 232613, в 2009 г. — 238500 [5]. Не может не настораживать и тот факт, что в преступную деятельность вовлекаются женщины, а также несовершеннолетние граждане. Так, в 2008 году 15,3% от общего числа осуждённых составили женщины, причём большая часть из них имеет детей. Среди лиц, привлечённых к уголовной ответственности, 23,3% ранее судимы, среди них 36,8% — за организацию либо за содержание притона.

Необходимо отметить, что реформирование уголовно-исполнительной системы, введение альтернативных лишению свободы видов наказания, а также новых видов освобождения от уголовной ответственности и наказания привело к значительному снижению количества лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Так, если в 2002 г. в местах лишения свободы содержалось 877393 человека, то на 1 января 2012 г. — 639600. Однако количество лиц, осуждённых к лишению свободы за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, увеличивается с 68634 осуждённых в 2001 г. до 124168 осуждённых в 2010 г. В структуре пенитенциарной преступности наркопреступления в настоящее время занимают третье место, среди которых в период 2005–2011 гг. преобладают преступления, предусмотренные ст. ст. 228, 2281 УК РФ.

Предупреждение преступлений в местах лишения свободы носит системный характер, составными элементами которого являются следующие:

- объект, на который непосредственно направлено сдерживающее или упреждающее воздействие;

- субъект, являющийся носителем предупредительной деятельности в пенитенциарных учреждениях;

- меры, применяемые в целях профилактики в качестве механизма предупреждения или нейтрализации остроты наркоситуации в местах лишения свободы в отношении оборота и употребления наркотиков.

Объектом воздействия при предупреждении преступлений в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ, а равно их аналогов, в нашем случае выступают:

- а) негативные социальные явления и процессы, имеющие место в настоящее время как в целом по стране, так и в исправительных

учреждениях федерального и регионального плана, которые прямо или опосредованно влияют на состояние наркоситуации в местах лишения свободы — детерминанты наркопреступности;

- б) криминогенный характер мест лишения свободы ввиду того, что они представляют собой в принципе мини-социум, структурно состоящий из лиц, ранее совершивших разного рода преступления (в том числе и в области незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ), а также рецидивистов и так называемых воров в законе, поведение части которых устойчиво асоциально, что не может не оказывать в целом негативного влияния на общественную безопасность пенитенциарных учреждений;

- в) сами лица, отбывающие определённый уголовным законом срок наказания, которые склонны к немедицинскому потреблению наркотических средств и психотропных веществ. Другими словами, объектом предупреждения или профилактики наркопреступности в местах лишения свободы является сама социальная среда, состоящая из осуждённых, разных по своим морально-нравственным устоям, личностным психологическим качествам, вероисповеданию, культурному и образовательному уровню, которые в большей или меньшей степени подвержены влиянию отрицательных факторов, происходящих в государстве и в отдельно взятом исправительном учреждении, а равно причины и условия, способствующие распространению наркомании.

В качестве субъектов в данном случае выступают властные и силовые структуры, а также должностные лица и общественные организации федерального и регионального уровней, осуществляющие антинаркотическую предупредительную политику и ратующие за психическое, моральное и физическое здоровье всех граждан страны, за сохранение государственной целостности и безопасности. Так, в нормативных документах Российской Федерации в соответствии с основными международными правовыми нормами законодательно отражена государственная политика в области регулирования оборота наркотических средств и психотропных веществ, непосредственными реализаторами которой являются органы правосудия. На сотрудников уголовно-исполнительной системы возложена обязанность практического противодействия разного рода проявлениям (употребление, сбыт, распространение и т.п.)

названного негативного феномена всеми имеющимися в их распоряжении средствами, — в частности, принудительного, воспитательного, психологического, индивидуального профилактического характера.

Помимо специализированных субъектов предупредительной деятельности в деле противодействия незаконному обороту и употреблению наркотических средств и психотропных веществ в местах лишения свободы, немалую роль играют и неспециализированные субъекты: семья, религиозные организации, средства массовой информации и др.

Предупреждение преступности, а равно и преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ представляет собой применение комплекса государственных и общественных мер, прямым образом направленных на устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий, которые способствуют её распространению и активизации. Они непосредственно связаны с самим объектом противоправного деяния и с профессиональной определённой субъектов профилактики. Следовательно, профилактические меры в данном случае имеют уголовный (уголовно-политический), криминологический (криминологический-политический) и общесоциальный характер. В содержание уголовной политики, помимо мер уголовно-правового и уголовно-процессуального предупреждения, входят также меры уголовно-исполнительной профилактики, среди которых можно выделить антинаркотическую пропаганду правового,

социального и медицинского плана, а также меры, направленные на повышение профессионализма сотрудников исправительных учреждений.

В целом, исходя из того, что оборот наркотических средств и психотропных веществ базируется на трёх критериях: медицинском, социальном и юридическом (правовом), — можно сказать, что предупреждение преступлений данной направленности непосредственно предполагает применение мер медицинского, социального и правового характера к проживающим на территории России гражданам (в том числе и находящимся в местах лишения свободы) в отношении устранения процессов детерминации и условий названного противоправного деяния как объективного, так и субъективного плана, а равно оздоровления их физического, морально-нравственного и правового климата.

Таким образом, предупреждение преступлений осуждённых к лишению свободы, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, представляет собой совокупность мероприятий правового, политического, экономического, социального, медицинского, воспитательного, культурного и религиозного характера, направленных на предотвращение, пресечение, недопущение и распространение наркомании, на ослабление наркоситуации как одного из наиболее существенных криминогенных факторов исправительных учреждений Российской Федерации.

1. Абатуров А. И. Профилактика злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания осуждённых к лишению свободы: учебно-методическое пособие / А. И. Абатуров, В. Б. Первозванский. М., 2007.
2. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути её реализации / Н. А. Беляев. Л., 1986.
3. Противодействие преступному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: учебное пособие под ред. С. В. Максимова. — М.: ЦОКР МВД России, 2007.
4. Смирнов В. Н. Актуальные вопросы профилактики незаконного оборота наркотических средств в учреждениях пенитенциарной системы / В. Н. Смирнов // Русское общество и тюремная реформа 18–21 вв. История и современность: материалы межведомственной научно-практической конференции 28 апреля 2004 г. СПб ИПК УИС МЮ РФ, 2004.
5. Статистический сборник (2004–2008 гг.): Главный информационно-аналитический центр МВД Российской Федерации, Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации, Департамент надзорной деятельности Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. М., 2009.
6. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. М., 2012.
7. Уголовно-исполнительное право России: учебник под ред. В. И. Селивёрстова. М.: Юристъ, 2003.

ПОЛНОМОЧИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

УДК 343.13

В.А. СЕМЕНЦОВ, О.В. ГЛАДЫШЕВА

Деятельность руководителя следственного органа, не посягая на процессуальную самостоятельность следователя, призвана обеспечить высокое качество, полноту и объективность предварительного следствия, соблюдение прав и защиту законных интересов участников досудебного производства. Процессуальный статус должностное лицо, возглавляющее следственное подразделение, приобрело после принятия Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1965 г., который дополнил ст. 34 УПК РСФСР пунктом «б а», где формулировалось понятие начальника следственного отдела, а в ст. 127.1 УПК РСФСР закрепил его процессуальные полномочия.

В период разработки ныне действующего уголовно-процессуального законодательства некоторые ученые ставили под сомнение целесообразность осуществления начальником следственного отдела процессуальных полномочий по контролю за своевременностью действий следователя по раскрытию и предупреждению преступлений, принятию мер к наиболее полному и объективному производству предварительного следствия.

Так, авторы-разработчики теоретической модели УПК вообще считали, что необходимо ликвидировать процессуальную фигуру начальника следственного отдела как мешающую усилению прокурорского надзора [12, с. 14]. Однако УПК РФ 2001 г. не только сохранил процессуальную фигуру начальника следственного отдела, но и несколько расширил его полномочия.

Федеральный закон от 5 июня 2007 г. признал утратившим силу п. 18 ст. 5 УПК РФ, закрепивший понятие начальника следственного отдела как должностного лица, возглавляющего соответствующее следственное подразделение, а также его заместителя, и ввел в ст. 5 УПК РФ п. 38.1, в котором дано новое понятие «руководитель следственного органа», однако сохранил его сущность.

Толковый словарь русского языка трактует слово «руководить» как «направлять чью-либо деятельность» [8, с. 687]. При этом подразумевается, что руководимое лицо (в нашем случае следователь) воспринимает волю руководителя и сознательно подчиняется ей. Процессуальная самостоятельность следователя не признает никакого иного руководства расследованием, кроме как со стороны руководителя

следственного органа, и в тех пределах, которые установлены законом. Деятельность руководителя следственного органа, не посягая на процессуальную самостоятельность следователя, призвана обеспечить высокое качество, всесторонность, полноту и объективность предварительного следствия. Поэтому нужно признать обоснованным решение законодателя об изменении наименования должностного лица, возглавляющего соответствующее следственное подразделение: руководитель следственного органа является самостоятельным участником уголовного судопроизводства, представляет сторону обвинения и осуществляет процессуальное руководство деятельностью следователя.

Несомненное преимущество руководителя следственного органа по сравнению с прокурором — непосредственная близость к объекту контроля (действиям и решениям следователя). Это создает условия для непрерывной проверки соблюдения требований закона и своевременного реагирования на выявленные нарушения и просчеты. Роль и назначение руководителя следственного органа заключаются в том, чтобы надлежащим образом организовать уголовно-процессуальную деятельность в возглавляемом им следственном подразделении, равномерно распределять нагрузку среди следователей в соответствии с их опытом и квалификацией для обеспечения высокого качества, полноты и объективности предварительного следствия по уголовным делам [4, с. 76].

Наряду с совершенствованием процессуального статуса руководителя следственного органа в последние годы принимались меры организационного характера, направленные на повышение эффективности предварительного следствия. К числу таких мер относится создание Следственного комитета РФ. Идея создания Следственного комитета как службы обвинительной власти была официально озвучена в Концепции судебной реформы, одобренной Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г., хотя полемика по этому вопросу среди ученых и практиков продолжается более 40 лет.

27 сентября 2010 г. президентом РФ Д.А. Медведевым подписан указ о создании на базе Следственного комитета при прокуратуре РФ Следственного комитета РФ в целях совершенствования деятельности органов предварительного следствия и усиления прокурорского надзора. Функционирование Следственного

комитета вне системы прокуратуры РФ должно создать необходимые условия для эффективной реализации полномочий прокуроров по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, усиления взаимодействия следственных органов с органами прокуратуры, повысить объективность следствия и тем самым обеспечить законность в сфере уголовного судопроизводства и неукоснительное соблюдение конституционных прав граждан.

Глава государства на совещании, посвященном обсуждению законопроекта «О полиции», заявил, что «органы следствия других ведомств, в том числе и МВД, пока останутся самостоятельными, но время покажет, в каком направлении стоит двигаться... В дальнейшем могут быть приняты иные решения, в том числе передача всех дел в Следственный комитет» [5].

28 декабря 2010 г. был принят Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» (далее – Закон о Следственном комитете). Согласно ст. 5 данного Закона деятельность новой правоохранительной структуры основывается на принципах законности, независимости, гласности, единства и централизации, а в ст. 11 закреплён порядок рассмотрения заявлений и иных обращений, содержащих сообщения о преступлениях, ходатайств по уголовным делам, жалоб на действия (бездействие) и решения руководителей следственных органов и следователей в порядке, установленном УПК РФ. 17 января 2011 г. опубликован Указ Президента РФ «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации», которым утверждены Положение о Следственном комитете и штатная численность его сотрудников.

Сосредоточение всего следственного аппарата в Следственном комитете – наилучшее решение вопроса об организационных формах раскрытия и расследования преступлений, обеспечения процессуальной самостоятельности следователя. Однако необходимо учитывать, что независимость следователя может ограничивать и внутри органа, даже если этим органом будет Следственный комитет.

В связи с этим В. Т. Томин справедливо отмечает: «Не следует забывать, что орган предварительного следствия – это не следственный аппарат, а следователь. Поэтому проблема процессуальной независимости следователя не сводится к обособлению аппарата, для ее решения необходимо озаботиться самостоятельностью следователя внутри аппарата» [11, с. 138].

Кроме того, имеется негативный опыт создания Государственного следственного комитета в Казахстане в 1995 г., который обеспечивал предварительное расследование всех категорий уголовных дел. Однако 5 ноября 1997 г.

он был упразднен, так как поспешность при его создании привела к частичному разрушению существовавшей системы предварительного расследования преступлений и снижению уровня государственного контроля в области уголовной политики.

1 марта 2011 г. Следственный комитет при МВД РФ преобразован в Следственный департамент, что было предопределено реформированием существующей системы следственных органов. При этом количество действующих управлений Следственного комитета сокращено, но следственная часть, в которую входят управления по расследованию уголовных преступлений, сохраняется, как была. Обусловлено это тем, что на долю следователей системы МВД приходится основная нагрузка – более 77% уголовных дел, а средняя нагрузка составляет 32 уголовных дела на одного следователя, что почти в три раза выше, чем у следователей других правоохранительных органов.

Деятельность руководителя следственного органа включает реализацию нескольких групп полномочий. По мнению С. А. Табакова, нужно различать три группы его полномочий: «Первая ...по осуществлению контроля и руководства предварительным следствием (проверять материалы уголовного дела, давать указания и др.). Вторая группа полномочий носит процессуально-организационный характер и направлена на организацию предварительного следствия в подчиненном подразделении (поручать производство предварительного следствия, изымать уголовное дело у следователя и др.). Наконец, третья группа полномочий отражает относительно новое направление деятельности руководителя следственного органа, связанное с самостоятельным устранением выявленных нарушений закона (отменять незаконные или необоснованные постановления следователя, возвращать уголовное дело следователю для производства дополнительного расследования и др.)» [10, с. 8].

Е. А. Новиков, анализируя процессуальные полномочия руководителя следственного органа, подразделяет их по нескольким основаниям, в зависимости от содержания: 1) полномочия, обеспечивающие возможность выявления недостатков и процессуальных нарушений; 2) полномочия, обеспечивающие устранение выявленных недостатков и процессуальных нарушений; в зависимости от сферы воздействия: 1) полномочия по контролю за деятельностью следователей по расследованию конкретных уголовных дел, затрагивающие существо уголовного дела; 2) полномочия по процессуальному контролю, которые не затрагивают существа уголовного дела и связаны с определением субъекта расследования» [7, с. 16].

С.Ф. Шумилин в зависимости от способа закрепления в УПК РФ предлагает различать: 1) полномочия руководителя следственного органа, закрепленные в уголовно-процессуальных нормах в виде предписаний, устанавливающих его право либо обязанность осуществлять определенные процессуальные действия (нормативные полномочия); 2) полномочия руководителя следственного органа, которые обнаруживаются путем толкования отдельных норм УПК РФ [15, с. 83–87].

О.В. Химичева полагает, что руководитель следственного органа осуществляет основную функцию процессуального контроля и дополнительную — исследование обстоятельств уголовного дела (в случае принятия уголовного дела к своему производству), а процессуальное руководство есть форма реализации процессуального контроля [14, с. 110].

С учетом современного процессуального положения руководителя следственного органа Л.А. Воскобитова предлагает такую классификацию его полномочий:

1) по распределению уголовных дел между следователями (полномочия по поручению производства следствия следователю, по перераспределению уголовных дел, по созданию следственной группы и др.);

2) по проверке хода расследования и контролю его качества (полномочия по проверке материалов уголовного дела, по осуществлению контроля качества расследования путем реализации права утверждать постановления следователя);

3) по руководству ходом расследования и своевременностью исправления ошибок и нарушений закона, допущенных следователем (полномочие (основное) давать письменные и обязательные для исполнения указания; полномочие по обеспечению соблюдения следователем сроков расследования и право продлевать их в случае необходимости; право отменять незаконные или необоснованные постановления следователя) [13, с. 134–137].

В приведенных и иных классификациях полномочий руководителя следственного органа выделяется организационный (административный) и ведомственный (процессуальный) контроль. Первый реализуется в рамках организации процесса расследования, второй — в процессуальных формах и на основе возникающих уголовно-процессуальных правоотношений. Причем во второй группе выделяют также ознакомительные и властно-распорядительные полномочия руководителя следственного органа [6, с. 16].

Таким образом, в исследованиях, посвященных вопросам содержания процессуальной деятельности руководителя следственного органа, выделяются несколько ее направлений,

основными из которых выступают организационное и процессуальное. При этом справедливо указывается на условность такого деления.

По этому поводу В.П. Божьев резонно замечает: «Процессуальное руководство деятельностью по расследованию преступлений — это сложный многоуровневый комплексный феномен. Попытка вычленив здесь только процессуальный аспект может быть решена лишь частично и в высшей степени условно, так как в реальной действительности процессуальная и организационно-управленческая деятельность по руководству следователями переплетаются между собой» [1, с. 22].

В самом общем виде следует отметить, что руководитель следственного органа является наиболее близким к следователю в организационном отношении должностным лицом и уже в силу этого обладает неоспоримыми преимуществами при оперативном разрешении споров, конфликтов между участниками производства по уголовным делам. В то же время эффективность его деятельности непосредственно зависит от объема и характера его процессуальных полномочий.

Приказом Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. установлены объем и пределы процессуальных полномочий руководителей следственных органов (подразделений) системы Следственного комитета РФ. В частности, определено, кто осуществляет полномочия, предусмотренные УПК РФ для руководителей следственных органов по регионам, а также по районам, городам. В приказе отмечается, что по смыслу положений ст. 39 УПК РФ следственным органом является орган, выполняющий функции предварительного расследования преступлений и процессуального контроля деятельности должностных лиц этого следственного органа. Указанные функции следственный орган может осуществлять непосредственно или через входящие в него соответствующие следственные подразделения, к компетенции которых отнесено производство предварительного следствия и (или) осуществление процессуального контроля [9].

В ч. 1 ст. 39 УПК РФ закреплены полномочия руководителя следственного органа — от права поручать производство предварительного следствия следователю либо нескольким следователям до права возвращать уголовное дело следователю с указанием о производстве дополнительного расследования. При этом нужно учитывать, что с 7 сентября 2007 г. и в последующем полномочия руководителя следственного органа существенно изменялись за счет перехода к нему части полномочий прокурора.

По этому поводу Б.Я. Гаврилов отмечает, что решение законодателя о передаче практически

в полном объеме процессуальных полномочий в досудебном производстве от прокурора к руководителю следственного органа выглядит не только абсолютно логичным, но и, что не менее важно, своевременным [3, с. 20].

Указания руководителя следственного органа по уголовному делу даются в письменном виде и обязательны для исполнения следователем. Все они, за исключением указаний, предусмотренных ч. 4 ст. 39 УПК РФ, могут быть обжалованы следователем руководителю вышестоящего следственного органа. Д.А. Влезько считает, что следователь должен выполнять не только письменные указания, но и устные распоряжения руководителя следственного органа [2, с. 11].

Полагаем, что это ошибочное суждение. Распоряжения и указания имеют различную правовую природу и значение. В уголовно-процессуальном законе говорится только об указаниях, которые даются в письменном виде и обязательны для исполнения (повторим это еще раз). Распоряжения же носят не процессуальный, а организационный характер и призваны, например, обеспечивать организацию четкой системы дежурств следователей, согласованную с оперативными службами и экспертными учреждениями, для их незамедлительного выезда на место происшествия.

Проведенный анализ полномочий руководителя следственного органа показывает, что они

сформулированы (ст. 39 УПК РФ) в основном применительно к производству по делу в стадии предварительного расследования. В то же время на практике руководителем следственного органа является активным участником и стадии возбуждения уголовного дела — от момента поступления сообщения о преступлении до принятия решения о возбуждении уголовного дела либо отказе в этом. Однако в тексте УПК РФ вопросы участия руководителя следственного органа в стадии возбуждения уголовного дела регламентируются фрагментарно.

Представляется, что для усиления степени влияния руководителя следственного органа на состояние законности, обеспечения прав и законных интересов участников в стадии возбуждения уголовного дела целесообразно дополнить его статус следующими полномочиями:

1) изымать материалы проверки сообщения о преступлении у следователя и передавать их другому следователю, дополнив п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ после слов «а также изымать» словами «материалы проверки сообщения о преступлении» и далее по тексту закона;

2) давать следователю указания о проведении проверки сообщения о преступлении, дополнив п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ после слов «давать следователю указания о» словами «проверке сообщения о преступлении» и далее по тексту.

1. Божьев В. П. Проблемы организации процессуального руководства производством предварительного следствия // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства: материалы межвузовской науч.-практ. конф. 10 апреля 2008 г. М.: Академия управления МВД России, 2008. Ч. 1.
2. Влезько Д. В. Проблемы организационных функций начальника следственного отдела: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002.
3. Гаврилов Б. Я. Усовершенствование предварительного следствия (с позиции Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ) // Уголовный процесс. 2007. № 9.
4. Гладышева О. В., Семенцов В. А. Уголовно-процессуальное право. Общая часть и досудебное производство: курс лекций. Краснодар, 2011.
5. Д. Медведев вывел Следственный комитет из ведения прокуратуры // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кальницкий В. В. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. С. 16; Правоохранительные органы: учеб. М., 2007.
7. Новиков Е. А. Руководитель следственного органа в российском уголовном судопроизводстве: процессуальные и организационные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
9. Приказ Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 5 «Об установлении объема и пределов процессуальных полномочий руководителей следственных органов (следственных подразделений) системы Следственного комитета Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Табаков С. А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.
11. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991.
12. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / под ред. В.М. Савицкого. — М., 1990.
13. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П.А. Лупинская. — 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
14. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: моногр. М., 2004.
15. Шумилин С. Ф. Полномочия следователя: механизм и проблемы реализации. М., 2006.

ГЛАВНЫЕ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫЕ ФАКТЫ В СИСТЕМЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА: СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ

УДК 343.140.02

Е.О. НИКУЛОЧКИН, А.Б. СЕРГЕЕВ

Уголовное судопроизводство одним из своих содержательных элементов имеет процессуальный институт доказательственного права, состоящий из совокупности уголовно-процессуальных норм, определяющих содержание, цели и предмет доказывания, понятие и виды доказательств, а также особенности доказывания в различных стадиях производства и по некоторым категориям дел [1, с. 203–205; 3, с. 17; 8, с. 307; 10, с. 4; 12, с. 144–145].

Центральным элементом института является перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию (предмет доказывания). Как и ряд других, данный институт имеет нормы, содержание которых неоднозначно воспринимается научной общественностью и практиками. Так, при определении критерия отбора обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию и включенных в перечень п. 1 ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, дискуссионным вопросом является уяснение содержательной стороны и объема понятий «предмет доказывания» и «предмет познания». Практическое значение его решения заключается в обязанности следователя доказывать определенной нормой совокупность обстоятельств, имеющих значение для отправления правосудия.

Ученые определяют, что «предмет доказывания как совокупность подлежащих установлению по уголовному делу обстоятельств обладает следующими важными особенностями: входящие в него обстоятельства имеют непосредственное отношение к виновности обвиняемого в совершении преступления, составляя в своей совокупности основание уголовной ответственности, а в случае наличия по делу гражданского иска – также гражданско-правовой ответственности привлекаемых по делу лиц» [8, с. 547]. Именно уголовно-правовой критерий, как показывает анализ статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса, и положен в основу отбора и нормативного закрепления обстоятельств уголовного дела, обязательных для установления вне зависимости от квалификации расследуемого деяния.

Обращаясь к понятию «предмет доказывания», С.А. Шейфер устанавливает, что это «специфическое процессуальное обозначение предмета познания по уголовному делу.

Это такие объективно существующие свойства и связи, т.е. фактические обстоятельства исследуемого события, которые имеют правовое значение, характеризуют его как общественно опасное и уголовно наказуемое деяние, а лицо, совершившее деяние, – как виновное. Установление таких сторон события соответствует познавательной потребности общества, ибо позволяет применить соответствующие нормы права и достичь цели судопроизводства» [14, с. 57].

Абсолютно правильным следует признать и утверждение А.В. Гриненко: «...Определенность предмета доказывания обуславливает направление и границы исследования. Правильное установление предмета доказывания по конкретному уголовному делу – условие целенаправленной деятельности органов расследования и суда, обеспечения полноты, всесторонности, объективности исследования обстоятельств: ...совершение преступления как явление разнообразно, но познание осуществляется через сущность, выраженную в составе преступления» [2 с. 56]. Обозначенной позиции придерживаются и другие ученые [11, с. 186]. В уголовно-процессуальной науке в силу их конечной значимости для достижения назначения уголовного судопроизводства указанные в законе обстоятельства получили название главных фактов.

В практической следственной деятельности доказать наличие или отсутствие главного факта (обстоятельства) возможно только посредством установления доказательственных (промежуточных) фактов (событий), которые в своей достаточной совокупности позволяют следователю дать точный и достоверный ответ: имело ли место устанавливаемое событие (главный факт) или нет.

А.А. Давлетов относительно рассматриваемой проблемы высказывает следующее суждение: «...В теории доказательств спорным остается вопрос о том, входят ли в предмет доказывания наряду с обстоятельствами, характеризующими событие как преступление, совершенное определенным лицом, также и промежуточные (доказательственные) факты, на основе которых строится умозаключение о существовании этих обстоятельств. Хотя конечной целью доказывания является установление фактов, имеющих правовое значение, нет сомнения в том,

что и промежуточные факты должны быть доказаны. Но правомерно ли включать их в предмет доказывания, как это делают многие исследователи? Учитывая изоморфизм философского (предмет познания) и процессуального (предмет доказывания) понятий, следует согласиться с тем, что в предмет доказывания надлежит включать не только факты, составляющие конечную цель доказывания, но и промежуточные факты, с помощью которых первые устанавливаются» [3, с. 99].

Если даже согласиться с таким суждением, то попытка определить весь перечень доказательственных фактов представляется задачей невыполнимой, потому что главный факт можно доказывать различными доказательственными фактами, когда в одной следственной ситуации эти доказательственные факты одни, а в другой — другие. То есть доказательственные факты — это непостоянное условие — есть средство доказывания! Так, если лицо задержано при покушении на сбыт наркотического вещества в ходе контрольной закупки и свою защиту строит на утверждении, что он наркотики не сбывал и нашел их случайно, то опровержением данного утверждения будет установление следующих промежуточных фактов:

- наркотические вещества, обнаруженные в его квартире при обыске;
- показания свидетелей, которые неоднократно видели задержанного предлагающим наркотические вещества;
- показания лиц, которые пользовались услугами и ранее приобретали у задержанного наркотические вещества, и др.

В реальной ситуации производства по уголовному делу могут быть представлены не все перечисленные фактические данные, но при этом доказанность объективной стороны все равно будет обеспечена. Пример указывает на вариативность различных комбинаций обстоятельств, которые могут быть установлены и использованы в доказывании конечного факта, поэтому реально перечислить все возможное множество промежуточных обстоятельств, доказывающих состав преступления, невозможно, да и не нужно: «Круг доказательственных фактов может быть весьма широк, а сами они разнообразны, в связи с чем обычно не представляется возможным дать в законе их исчерпывающий перечень» [4, с. 537]. Действительно, «любое деяние (т.е. действие или бездействие), отнесенное к категории преступных, совершается во времени и пространстве, ему сопутствуют определенные обстоятельства, в том числе и те, которые не имеют уголовно-правового значения. Без выяснения всех этих обстоятельств невозможно установить, было

или не было совершено уголовно наказуемое деяние» [5, с. 102], но которые невозможно предвидеть и которые становятся определенными только при расследовании реального преступного деяния с фактически сформированными следственными ситуациями.

С.А. Шейфер различает три уровня предмета доказывания.

Первый ограничен перечнем ст. 73 УПК РФ, выступающим как его обобщенная нормативная модель, структура и содержание которой определены нормами общей части Уголовного кодекса. Этот уровень определяет общие цели доказывания.

Второй уровень обстоятельств, подлежащих доказыванию, определяется нормами особенной части уголовного закона, устанавливающими юридические признаки конкретного преступления, охватывающие его объективную сторону, объект, субъективную сторону и субъект.

Третий уровень предмета доказывания определяется путем конкретизации его (предмета) с учетом обстоятельств совершения отдельного преступления. Именно к этому уровню обстоятельств ученый относит доказательственные факты [14].

Следует согласиться с делением предмета доказывания на два первых уровня. При таком делении обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ (первый уровень), можно представить как теоретическую конструкцию состава преступления, жесткую систему (матрицу), наполнение которой содержанием признаков состава конкретного преступления четко фиксирует конечные цели доказывания (второй уровень).

Однако сложно назвать предметом доказывания, пусть даже третьего уровня, доказательственные факты. Такое деление связано с риском внести трудности в понимание разграничения конечных целей доказывания и средств доказывания, в качестве которых выступают доказательственные факты, которые, как и главные, устанавливаются доказательствами: «...Сведения о фактах порождают сам факт, которому тоже никак нельзя отказать в доказательственной ценности. Под сведениями о фактах понимается такая информация об обстоятельствах уголовного дела, достоверность которой еще предстоит проверить, а под доказательственными фактами — уже проверенная информация, достоверность которой сомнения не вызывает, и поэтому ее можно использовать как готовые элементы в логических конструкциях для получения итоговых знаний об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания» [6, с. 537].

Количество и виды доказательственных фактов, которые потребуются «в логических

конструкциях для получения итоговых знаний об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания», заранее определить невозможно. К факторам, обуславливающим сложность задачи (определение требуемого количества и видов доказательственных фактов, достаточных для вывода о доказанности всех элементов состава преступления), относятся: очевидность совершения преступления; представленность носителей (источников) информации о преступлении, а в целом формирующимися следственными ситуациями, возникающими при расследовании конкретного уголовного дела.

Решение следователем задачи определения достаточности установления доказательственных фактов напрямую связано с понятием пределов доказывания. «Пределы доказывания – это границы познавательной деятельности следователя и суда, определяемые моментом, когда цель доказывания оказывается достигнутой, т.е. когда с необходимой степенью надежности (вероятно либо достоверно) установлены подлежащие доказыванию обстоятельства. В этот момент доказывание прекращается, ибо необходимость в нем отпадает» [14, с. 64]. Как определяет Р. Костенко, «с гносеологической точки зрения получается, что квинтэссенцией понятия «пределы доказывания» следует считать совокупность достаточных доказательств, выступающую средством достоверного познания обстоятельств предмета доказывания» [7, с. 94].

Из изложенного выше можно утверждать:

1. Предмет доказывания есть система обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, представляющая теоретическую конструкцию состава преступления, при помощи которой фиксируются конечные цели доказывания при наполнении ее содержанием признаков конкретного преступления, предусмотренного особенной частью Уголовного кодекса.

2. Отличительными признаками доказательственного факта являются:

2.1. Наличие в доказательственном факте уголовно-процессуального (доказательственного) значения и отсутствия уголовно-правового содержания, которое определяет квалификацию преступного деяния.

2.2. Доказательственный факт предшествует установлению главного факта; как следствие формы всеобщей связи и взаимодействия является условием и средством установления главного факта.

2.3. Доказательственный факт не имеет уголовно-правового содержания.

3. К факторам, обуславливающим сложность задачи определения требуемого количества и видов доказательственных фактов, достаточных для вывода о доказанности всех элементов состава преступления, относят в целом формирующиеся следственные ситуации, возникающие при расследовании конкретного уголовного дела.

1. Арендаренко И. А. Доказательственное право в уголовном процессе как самостоятельное структурное образование // Общество и право. 2010. № 2. С. 203–205.
2. Гриненко А. В., Овчаренко Е. И. Криминалистическая характеристика преступления и обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу: проблемы соотношения и разграничения // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Третий Всероссийский «круглый стол» (17–18 июня 2004 г.) : сб. материалов. Р. н/Д. : РЮИ МВД России, 2004. 396 с.
3. Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Изд-во Гуманитар. ун-та, 1997. 197 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Изд. 5-е, перераб. и доп. / под общ. ред. А. В. Смирнова. М. : Проспект, 2009. 541 с.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Изд. 6-е, перераб. и доп. / отв. ред. И. Л. Петрухин. М. : Велби, 2008. 433 с.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Изд. 9-е, перераб. и доп. / Б. Т. Безлепкина. М. : КНОРУС, 2010. 688 с.
7. Костенко Р. Доказательства и пределы доказывания в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2008. № 4. С. 92–96.
8. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. М. : Юрид. лит., 1989. 640 с.
9. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. 468 с.
10. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Юрид. лит., 1973. 730 с.
11. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учеб. / под ред. И. Л. Петрухина. Изд. 2-е. М. : Проспект, 2006. 433 с.
12. Уголовный процесс : учеб. / под ред. К. Ф. Гуценко. М. : Зерцало, 2000. 608 с.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 7 дек. 2011 г.) (с изм. и доп., вступающими в силу с 12 янв. 2012 г.) // Рос. газ. 2001. 22 дек.; Рос. газ. 2011. 9 дек. 2011.
14. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : НОРМА, 2009. 240 с.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

УДК 330.831.43

И.В. ЛАВРОВ

Актуальность исследования фундамента экономической науки, её базовых положений и аксиом обусловлена в первую очередь назревающим сейчас в нашей стране поворотом от неоклассической парадигмы экономики (нормативной, как мы считаем, по преимуществу) к политической экономии с её позитивной парадигмой, которая сформировалась в эволюции классической политической экономии от А. Смита до Ж.-Б. Сэя, включая К. Маркса.

На фоне дискуссий российских экономистов о перспективах возрождения политической экономии, особое научно-практическое значение приобретает критический анализ содержания самих парадигм экономического знания и учет реальных возможностей их синтеза (в границах мейнстрима нормативные аспекты сконцентрированы главным образом в экономике благосостояния). Очевидно, что существует строго научная задача по разъяснению тенденций в новейшей экономической теории благосостояния.

Проблематика нормативной парадигмы обусловлена потребностями в воспроизводстве общественной системы с точки зрения поддержания порядка, гармонии общих, корпоративных и частных интересов, единства экономического, этического и политического строя, комплементарности институтов, обеспечении экономической справедливости и реализации индивидуальных жизненных целей (позитивный анализ в этой связи направлен на исследование необходимых и/или достаточных условий, ограничений и факторов их достижения).

В самом общем виде нормативная парадигма науки такова, что при простом установлении смысла долженствования совершенно не важно, имеет ли эта оценка в каком-либо смысле «объективное» значение или нет, следует ли вообще делать различие между субъективно и объективно «хорошим». Достаточно отметить, что нечто считается ценным, как будто бы оно на самом деле было ценностью и благом. И наоборот, если на основании известной общей оценки установлена пара предикатов ценности для соответствующего класса, то этим дана возможность нормативных суждений; все формы нормативных суждений получают свой определенный смысл. Нормативная парадигма обязательно включает в свое

строение побудительный ментальный источник (например, потребность, интерес) выдвижения теорий и решения проблем, благодаря которому разнообразные элементы (идеи, ценности, нормы, оценки, стандарты, стили мышления и поведения и т.п.) интегрируются в одно целое.

В настоящее время в русле неоклассического «мейнстрима» принято различать старую и новую экономику благосостояния [10, с. 164], которые вместе с теорией общественного выбора обнаруживают концептуальное единство подходов к исследованию общественного богатства. Обеспечивает такое единство экономики благосостояния и общественного выбора теория предельной полезности, основанная, в свою очередь, на неоклассической концепции маржинального анализа (для краткости — «маржиналистская концепция»). Маржиналистская концепция составляет один из краеугольных камней магистрального направления экономической теории. Экономика благосостояния выступает общим названием для нормативного аспекта экономической науки [11, с. 531].

В истории экономической науки нормативная парадигма активно разрабатывалась во взаимодействии с позитивной в разных плоскостях анализа хозяйственной жизни (торговля, кредит, производство, собственность, управление) еще с античных времен, но в современную научную теорию — теорию экономики благосостояния — нормативная парадигма превратилась за последние 80 лет (с начала 1930-х годов).

Постепенный рост научного знания в рамках нормативной парадигмы начался с преодоления методологии классической политической экономии в школах маржинализма в 1870-е годы, что достаточно подробно исследовано в российской и зарубежной научной экономической литературе.

Таким образом, на основе нормативной парадигмы формируется экономическая теория благосостояния, которая, в свою очередь, эволюционирует в направлении более общей нормативной экономической теории: нормативная парадигма → теория благосостояния → нормативная экономика. Нормативная экономическая теория, от которой можно ожидать несомненного научного прорыва в общественном знании, находится еще в стадии становления [6, с. 44–45].

В настоящее время благодаря работам Д. Асемоглу, А. Бергсона, А. Кольма (А. Kolm), О. Ланге, А. Лернера, В.Л. Макарова, Л. Мизеса, В. Парето, А. Пигу, Г. Саймона, А. Сена, К. Эрроу, П. Самуэльсона, М. Олсона, Дж. Стиглица, Е. Мишана (Е. Mishan), Ф. Хайека, Дж. Р. Хикса, А.В. Этциони и других ученых в нашей стране и за рубежом нормативная экономическая теория начинает соответствовать современному идеалу научного знания. На данный момент этот идеал воплощается в нормативной парадигме экономической науки, и постепенно на ее основе развивалась теория экономики благосостояния и формируется в настоящее время нормативная экономическая теория.

Кроме маржиналистской концепции, к элементам экономической теории благосостояния в настоящее время относится достаточно большая совокупность гипотез, теорий и концепций, а именно: неоклассическая теория полезности, концепция ожидаемой полезности Дж. Неймана-О. Morgenштерна, теория общественного и индивидуального благосостояния, теория экономической оптимальности В. Парето, теория национального дивиденда А. Пигу, теория ренты потребителей (потребительского излишка) А. Маршалла, теории «фиаско» рынка и государства, концепция функции общественного благосостояния А. Бергсона-П. Самуэльсона, концепция выявленных предпочтений П. Самуэльсона, теория перспективы Д. Канемана-А. Тверски, две теоремы благосостояния (О. Ланге, А. Лернер, К. Эрроу), теория общественного богатства, теория национального богатства в методологии СНС, теория государства благосостояния и социального контроля, теория общественного выбора Дж. М. Бьюкенена, теория групп и группового поведения М. Олсона, теория социального выбора К. Эрроу.

Важный момент любой науки – понимание объяснительных возможностей концепций и теорий, составляющих ее основное содержание, а также правильное истолкование предмета научной дисциплины и ее методологии. В отношении теории экономики благосостояния мы предлагаем ограничить конкретные возможности концепций и теорий, составляющих дисциплину, во-первых, областью сознания людей, включая сюда структуру связей элементов их сознания; во-вторых, естественным отношением полезности и благосостояния является отношение предпочтения или отношение «больше/меньше», что в целом соответствует неоклассическому взгляду на дисциплину и определениям А. Пигу, Дж. Неймана, О. Morgenштерна, В. Парето, Л. Вальраса, Ф. Визера, К. Менгера и других экономистов разных школ

в неоклассическом направлении [9, с. 73; 7, с. 42–43]. Нормативная трактовка основополагающих категорий экономики благосостояния – подлинное достижение маржинализма и неоклассической экономической теории. Представление базовых категорий экономической науки через элементы сознания (и шире – человеческой психики) было свойственно не только создателям мейнстрима, но и творцам институциональной теории. Так, в самом общем виде Т. Веблен понятие «институт» определял как *habit of thought* («стереотип мысли») [2, с. 201–202].

Опора на неоклассическое понимание сущности полезности и благосостояния, которая (сущность) обозначает элементы сознания, ощущения предпочтений индивидуумов, их субъективные оценки, а также ценности, взятые в отношении объектов, вещей, благ вообще, существующих в системе социальных и экономических отношений, выражает смену позитивной парадигмы (классической) на нормативную (неоклассическую) в исследовании стоимости, ценности, полезности, благосостояния, богатства, блага и т.п. экономических категорий.

Альтернативой полезности и благосостоянию как состояний сознания индивидуумов противостоит классическая позиция (А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс) приписывания полезности продукту труда (товару) в форме его потребительной стоимости, что, на наш взгляд, следует отнести к теориям позитивной парадигмы в экономике. Объективно у продукта труда (товара) существуют естественные и общественные качества, которые совершенно не зависят от сознания как производителей, так и потребителей. Совокупность «объективных» качеств продукта труда и составляет содержание понятия «полезность». Очевидно, что ничего общего с элементами сознания, с оценками и ценностями такая полезность (потребительная стоимость товара) не имеет, она совершенно объективна.

В советской политэкономии как наследнице марксизма эти положения были абсолютной истиной и господствовали в научном обороте, при этом логическую основу теорий полезности в классической и, в частности, в марксистской политэкономии вскрыл еще Ф. Визер, и сейчас в современной экономической литературе встречаются положения, логически и фактически вытекающие из позитивной парадигмы классической и марксистской политэкономии полезности благ. Так, например, в одной монографии утверждается, что «полезность – это характеристика вещной субстанции продукта труда, в которой соединены естественная и общественная стороны продукта труда»

[3, с. 24]. Конечно, без мира вещей, пространства товаров и благ нет существования человека и общества, но в экономике благосостояния решающее значение имеют не вещи и блага сами по себе, а оценки их полезности для индивидуумов, групп или общества в целом.

В основном к предметной области теории экономики благосостояния относится ряд проблем, которые, во-первых, могут рассматриваться либо с позиций экономической эффективности, либо справедливости, либо с учетом и эффективности, и справедливости; во-вторых, наряду с экономической теорией благосостояния следует обозначить сферу прикладной экономики благосостояния, которая ориентирована на решение частных и в основном практических задач благосостояния; в-третьих, в рамках экономики благосостояния существует нормативная теория экономической политики государства и местного самоуправления, в которой решаются вопросы оптимального соотношения условий и средств достижения целей роста благосостояния населения страны.

Предметная область теории экономики благосостояния очерчивается следующей совокупностью проблем: содержание понятия общественного блага (общей полезности или пользы); механизм выявления содержания общественного блага; соотношение общего блага и результатов деятельности индивидуумов; влияние на процесс взаимодействия общего и частного институциональной структуры экономической системы. Несомненно, что эволюция теории экономики благосостояния (особенно теории институтов благосостояния) расширяет рамки ее проблематики, которая влияет на методологию и теорию дисциплины.

Другой вариант (и далеко не самый удачный, на наш взгляд) позитивного исследования концепции благосостояния представлен в работах С. В. Домниной, которая вообще обходится без понятия «полезность», анализа нормативной парадигмы и нормативной экономической теории. Сущность понятия «благосостояние» С. В. Домнина усматривает в диалектическом взаимодействии количественной стороны этой категории, которую представляет понятие «уровень жизни», и качественной, выражаемой в понятии «качество жизни». «Иными словами, соотношение категории «благосостояние» с близкими по содержанию категориями «уровень жизни» и «качество жизни» заключается в признании уровня жизни количественной определенностью, а качества жизни — качественной определенностью благосостояния» [4, с. 17].

Очевидно, что понятие жизни и производные от нее понятия качества и уровня жизни отражают биосоциальный уровень бытия

человека и общества, который никак не связан с сознанием и мышлением человека и общественным сознанием. Измерение благосостояния человека и общества включает даже природно-климатические и природно-ресурсные факторы жизни как планетарного и биосоциального феномена, но это абсолютно не вписывается в нормативную парадигму, противоречит ей, так как ее основа — учет факторов сознания, мышления и психики человека как первичных для реализации полезности и благосостояния. Положения, которые доказывает в своем исследовании С. В. Домнина, абсолютно точно соответствуют позитивной парадигме экономической науки, но не имеют ничего общего с нормативными исследованиями, внутри которых как раз теория экономики благосостояния и возникла.

В современной нормативной экономике, на наш взгляд, следует развивать ключевые положения М. Блауга и Л. А. Боулэнда о трех уровнях экономической науки: теоретическом, эмпирическом и эконометрическом, а также тезис Дж. Н. Кейнса о разделении экономики на позитивную (описание того, «что есть»), нормативную (определение цели, или «что должно быть») и искусство экономики («что делать»), чтобы приблизить реальную ситуацию к цели). Так, принцип «триады» Дж. Н. Кейнса может применяться при построении типологии свойств нормативных и позитивных элементов экономической науки, хотя в качестве общей всем дихотомическим видам основы классификации выступает принцип рефлексии, или субъективно-объективного отношения. Принцип рефлексии вместе с принципом взаимодействия конкретизируют идею субъекта и объекта в познании. При этом следует отметить отсутствие единогласия и четкости среди исследователей в определении категорий нормативного и позитивного, а также значительно стертые логические границы между ними благодаря работам Т. Куна и И. Лакатоса [8, с. 59–60].

В методологии науки к области нормативного и позитивного экономического анализа относятся категории справедливости и эффективности, и они представляют дихотомические виды оценки благосостояния. В настоящее время доминируют два подхода к представлению нормативной экономической теории: с позиций эффективности и с позиций справедливости [12, с. 58].

С позиций эффективности (т. е. с точки зрения позитивной экономической теории) можно рассматривать все проблемы экономики, включая благосостояние (таковы, на наш взгляд, работы В. Парето, И. Бенгата, Р. Дж. Липси, К. Ланкастера). Аналогично, с позиций справедливости в работах некоторых западных ученых

(Е. Мишан, И. Ставерен) рассматриваются все проблемы экономики, включая благосостояние. Но наиболее продуктивный вариант анализа экономики благосостояния предполагает синтез нормативного и позитивного на основе их дополнительности как субъективного и объективного. Причем субъективное и объективное логически взаимосвязаны в трех аспектах: онтологическом, гносеологическом и аксеологическом.

В основополагающей статье Л. А. Боулэнда об экономическом позитивизме [1, с. 106–124] приводится перечень дихотомических понятий, на основе которых обозначаются границы подходов (позитивного и нормативного) в рамках одной науки: 1) «есть – должно быть» (логико-гносеологическую интерпретацию представил Д. Юм, полагая, что из сущего не выводимо должное, эту же основополагающую дихотомию анализировал М. Фридмен в плане ее разрушения); 2) «триада Д. Н. Кейнса: позитивная наука, нормативная наука, искусство экономики»; 3) «наука – искусство» (впервые в рамках экономической методологии предложил Н. Сениор); 4) «синтетические суждения – аналитические суждения» (синтетические суждения составляют позитивное экономическое знание, напротив, аналитические – нормативное); 5) «объективное – субъективное» (производные от категорий объекта и субъекта познания и практики); 6) описательное – предписывающее (по существу они являются разновидностью понятий «есть – должно быть»); 7) «рациональное – иррациональное» (в гносеологическом отношении понятия конкретизируют дихотомию субъективного и объективного); 8) «прикладная наука – теоретическая наука» (в основе дихотомии

прикладного и теоретического знания лежит противоположность источников чистого логического познания и познания, известного из хозяйственного опыта); 9) «романтический подход – классический подход» (в основе дихотомии лежит противоположность романтизма и реализма).

Практически ориентированные выводы сторонников нормативной экономики, к которым относит себя в полной мере и автор данной статьи, состоят в том, что экономическая наука, которую окончательно после К. Маркса и маржиналистов сформировали А. Маршалл и А. Пигу, по методологии и проблематике значительно шире политической экономии (политэкономии), как классической, так и новой. Политэкономия в любом виде никогда не будет методологически концентрироваться на индивидуальном поведении, тем более изучать «повседневную» экономику индивидуумов – физических лиц, как это предлагал еще в 1980-е годы в США К. Эрроу (он придумал даже термин для экономики физических лиц – «нанозкономика»), а в нашей стране эти идеи развивал с 1990-х годов чл.-корр. РАН Г. Б. Клейнер, причем независимо от исследований К. Эрроу [5, с. 99–100].

Намечаемый в настоящее время поворот от неоклассической экономической науки (economics) к политической экономии (political economy) не должен приводить к ситуации резкого разрыва с традициями, которые сложились в конце 19 века и господствуют до сих пор в научном мире. Эти научные традиции неизменно вращаются вокруг логики выбора в индивидуальном экономическом поведении.

1. Боулэнд Л.А. Современные взгляды на экономический позитивизм [Текст] / Л.А. Боулэнд // Панорама экономической мысли конца XX столетия / под ред. Д. Гринзюэя, М. Блини, И. Стюарта / Перевод с английского под редакцией В.С. Автономова. В 2-х томах. СПб.: Экономическая школа, 2002.
2. Веблен Т. Теория праздного класса [Текст] / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984.
3. Гуськова М.Ф. Нанозкономика – конечный пункт использования полезности блага [Текст] / М.Ф. Гуськова. – М.: Экономические науки, 2008.
4. Домнина С.В. Методологические аспекты управления процессом формирования общественного благосостояния на региональном уровне [Текст] / С.В. Домнина : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. – СПб., 2011. URL: <http://www.vak.ed.gov.ru>.
5. Клейнер Г.Б. Нанозкономика и теория фирмы [Текст] // Вестник ВГУ, серия «Экономика и управление». 2004. № 2.
6. Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов [Текст] / В.Л. Макаров. М.: Бизнес Атлас, 2010.
7. Нейман Дж. фон. Теория игр и экономическое поведение [Текст] / Дж. фон Нейман, О. Моргенштерн. – М.: Наука, 1970.
8. О'Брайен Д.П. Теория и эмпирическое наблюдение [Текст] / Д.П. О'Брайен // Панорама экономической мысли конца XX столетия / под ред. Д. Гринзюэя, М. Блини, И. Стюарта / Перевод с английского под редакцией В.С. Автономова. В 2-х томах. – СПб.: Экономическая школа, 2002.
9. Пигу А. Экономическая теория благосостояния. Т.1. Пер. с англ. [Текст] / А. Пигу. – М.: Прогресс, 1985. (Экономическая мысль Запада).
10. Самуэльсон П.Э. Общественные кривые безразличия [Текст] / П.Э. Самуэльсон // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4. / под общ. ред. А.П. Заостровцева. – СПб.: Экономическая школа, 2004.
11. Словарь современной экономической теории Макмиллана [Текст]. М.: ИНФРА-М, 2003.
12. Ставерен И. Этика эффективности [Текст] / И. ван Ставерен // Вопросы экономики. 2009. № 12.

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 332.146.2 + 339.137.22

Е.А. НЕЖИВЕНКО

Современные тенденции формирования макроэкономических систем закономерно выдвигают на первый план проблемы развития региональной экономики и механизмов региональной конкуренции как фактора экономического роста национальной экономики и социально-экономического развития самих регионов. Теоретические, методические и прикладные аспекты этой проблемы стали активно обсуждаться исследователями и разработчиками экономической политики регионов. Особое внимание при этом правомерно стало уделяться исследованиям в области конкурентоспособности регионов. Однако в силу многомерности, разноплановости и новизны исследований в этой области сохраняется множество нерешенных вопросов, затрудняющих развитие теории и сдерживающих рост эффективности управления конкурентоспособностью регионов в Российской Федерации на практике. В том числе отсутствует устоявшийся и принятый научным сообществом единый подход к определению сущности понятия конкурентоспособности региона, в связи с чем возникает необходимость выработки такого подхода. Важность этой задачи определяется тем, что некорректность трактовки базового понятия конкурентоспособности региона может привести к подмене содержания понятия и «увести в сторону» исследователя. Возникают ошибки в выборе приемов исследования. Таким образом, возникают методологические ошибки, выхолащивающие суть исследований. Это может повлечь за собой неправомерные выводы и привести к выработке бесполезных, ущербных или ошибочных рекомендаций. При этом часто фактически наблюдается уход от обозначенного научного направления. Поэтому невозможным становится и получение нужных результатов исследования конкурентоспособности региона, направленных на практическое применение и выработку действенных мер, а также на принятие эффективных управленческих решений в области разработки и реализации региональной социально-экономической политики и формирования конкурентных преимуществ региона.

Трактовки понятия конкурентоспособности региона содержатся в работах А. В. Ермишиной [1], В. И. Видяпина и М. В. Степанова [6], А. З. Селезнева [7], К. Н. Юсупова [13], А. С. Шеховцевой [11], Р. Г. Маннапова [4], Л. Н. Чайниковой [10], В. В. Меркушова [5], В. М. Рябцева [8], Л. И. Ушвицкого и В. Н. Парахиной [9], В. П. Шорохова и Д. Н. Колькина [12], А. В. Лемдяева [3] и др.

Анализ этих трактовок необходимо проводить с позиций их соответствия действительности, правильности и полноты отображения существенных признаков. Соблюдение данного требования возможно при условии соблюдения правил, принятых формальной логикой [2, с. 406–407] и сформулированных следующим образом:

1) понятие определяется через ближайший род и видовое отличие;

2) определение должно быть соразмерным, то есть объемы определяемого понятия и понятия, посредством которого определяется искомое понятие, должны совпадать, быть одинаковы (нарушением правила является слишком узкое или слишком широкое определение);

3) видовым отличием должны быть признак или группа признаков, свойственных только данному понятию и отсутствующих в других понятиях, относящихся к тому же роду;

4) определение не должно содержать круга, то есть определяемое понятие не должно определяться посредством такого понятия, которое само становится ясным только посредством определяемого понятия;

5) определение не должно быть только отрицательным; оно должно содержать перечисление в утвердительной форме существенных признаков предмета;

6) определение не должно быть логически противоречивым;

7) определение должно быть ясным, четким, то есть оно не должно содержать двусмысленностей.

Рассмотрение имеющихся в научной литературе определений понятия конкурентоспособности региона с позиций описанных выше принципов и правил позволило провести их анализ и сделать следующие выводы.

Определение конкурентоспособности региона «как наличия и реализации конкурентного потенциала региона, то есть возможности участия региона в конкурентных отношениях» [6] не формулируется через ближайший род и видовое отличие. Усматриваемая взаимосвязь конкурентоспособности и потенциала региона правомерна и важна для объективной характеристики конкурентоспособности региона. Однако наличие и реализация этого потенциала, а также возможность участия в конкурентных отношениях еще не означает собственно способности соперничать за определенные позиции на рынке.

Конкурентоспособность региона, понимаемая как «обусловленное экономическими, социальными, политическими и другими факторами положение региона и его отдельных товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынках» [7] отражает результат конкуренции и указывает на причины появления этого результата. Однако при этом не раскрывается собственно содержание понятия конкурентоспособности региона через признаки, свойственные только данному понятию и отсутствующие в других понятиях.

«Способность региона к сохранению и привлечению ограниченных в экономике ресурсов для удержания и, в конечном счете, приращения своей доли на внутреннем и внешнем рынках товаров и услуг», трактуемая как «региональная конкурентоспособность» [13], также не раскрывает точно содержание данного понятия. Формирование и использование ресурсов есть характеристика источников и условий регионального воспроизводства, а не способности к завоеванию рыночных или иных позиций в борьбе с конкурентами. Вместе с тем положительным здесь является прямое указание на соотношение рыночных долей регионов как результата конкурентной борьбы.

Нельзя согласиться в полной мере и с таким определением: «конкурентоспособность региона – это продуктивность (производительность) использования региональных ресурсов, и в первую очередь рабочей силы и капитала, по сравнению с другими регионами, которая результируется в величине валового регионального продукта на душу населения, а также в его динамике» [11]. Связь конкурентоспособности и продуктивности бесспорна. Это причинно-следственная связь. Продуктивность является одним из важнейших факторов обеспечения конкурентоспособности. Однако, во-первых, отождествление

понятий, отражающих причину и следствие, нецелесообразно. Во-вторых, конкурентоспособность, как характеристика способности к соперничеству, и продуктивность (производительность), как характеристика результативности использования ресурсов, имеют различное содержательное наполнение, разный экономический смысл. Указание же на обязательность сравнений при исследовании конкурентоспособности является положительным моментом, так как любая соревновательность, свойственная и для конкурентоспособности регионов, предусматривает наличие сравнительных характеристик.

Такое указание содержится и в следующем определении: «конкурентоспособность региона – это сложная организационно-экономическая категория, отражающая его готовность и умение отвечать на вызовы внешней среды (национальной и глобальной) на основе сформированного специфического социально-экономического потенциала, инноваций и знаний, имеющихся и вновь созданных преимуществ, быстро адаптирующихся к изменяющимся рыночным и социальным условиям общественного прогресса и позволяющих обеспечить в конечном счете более высокое по сравнению с другими регионами качество жизни своего населения, причем как в текущем периоде, так и в перспективе» [4]. Положительным здесь является также указание на связь конкурентоспособности и конкурентных преимуществ. Однако и в этом достаточно перегруженном определении не отражается суть родового по отношению к конкурентоспособности региона понятия конкурентоспособности, отражающего способность к соперничеству и стремление к завоеванию лидирующих позиций. Без таких характеристик данное определение можно трактовать как характеристику, например, адаптивности региона к меняющимся условиям или устойчивости к происходящим изменениям, а не конкурентоспособности.

В определении конкурентоспособности региона как его «способности обеспечивать производство конкурентоспособных товаров и услуг в условиях эффективного использования существующих факторов производства (экономического потенциала), задействования существующих и создания новых конкурентных преимуществ, сохранения (повышения) уровня жизни при соблюдении международных экологических стандартов» [5] содержится «круг», поскольку конкурентоспособность региона объясняется через конкурентоспособность товара. Без

раскрытия содержания собственно родового и видовых понятий конкурентоспособности такое определение не может считаться корректным. Кроме того, следует отметить, что конкурентоспособность региона, бесспорно, при прочих равных условиях повышается при эффективном использовании экономического потенциала. Однако это условие не единственное и не исключительное. Введение его в определение не способствует раскрытию сущности определяемого понятия, а лишь указывает на один из факторов конкурентоспособности. Ценным в данном определении является установленная автором связь конкурентоспособности с реальными и потенциальными конкурентными преимуществами, являющимися входом в систему конкурентоспособности.

Важное и существенное для установления сущности понятия конкурентоспособности региона указание на связь конкурентоспособности и конкурентных преимуществ, а также на взаимосвязь с конкурентами содержится в следующем определении: «Конкурентоспособность региона – это способность обеспечить высокий уровень и качество жизни его населения, соответствующий национальным и мировым стандартам, на основе инновационного подхода к использованию имеющихся к формированию и развитию с опережающей конкурентов скоростью нового ресурсного потенциала, адекватного современной экономике и его эффективной реализации с помощью современных рыночных механизмов для создания устойчивых долгосрочных конкурентных преимуществ во всех сферах деятельности» [10]. Однако такое определение, во-первых, равно как и предыдущее, не отражает собственно суть конкурентоспособности, определяемую природой составительности, соперничества. Во-вторых, на наш взгляд, перегружено описанием частных характеристик факторов, оказывающих влияние на конкурентоспособность и не относящихся к описанию содержания раскрываемого понятия. В-третьих, автор опирается на действительно значимые ориентиры в формировании целей и способов обеспечения конкурентоспособности, такие как создание нового ресурсного потенциала, активизация современных рыночных механизмов создания устойчивых и долгосрочных конкурентных преимуществ. Но при этом за чертой рассмотрения остаются иные факторы и способы обеспечения конкурентоспособности региона, его конкурентные преимущества, не относящиеся к наращиванию ресурсной базы. Не предусматривается

и существование преимуществ краткосрочного характера, которые могут оказывать ощутимое воздействие на уровень и динамику конкурентоспособности.

Автор [1] трактует конкурентоспособность региона как его способность «выступать на рынке наравне с конкурирующими субъектами». При этом не совсем ясно, что автор вкладывает в понятие равенства на рынке и что относит к конкурирующим субъектам.

На наш взгляд, большинство попыток определить конкурентоспособность региона в настоящее время сводится к искусственному, механистическому «приспособлению» термина «конкурентоспособность» к региональным экономическим отношениям внутри страны без предварительного осмысления природы происхождения и специфического предмета региональной конкуренции. При этом конкурентоспособности региона могут приписываться несвойственные черты. Например, осуществляются попытки определить конкурентоспособности региона аналогично конкурентоспособности страны, то есть конкурентоспособности экономического объекта с большей степенью обособленности, определяемой межгосударственными отношениями. Регион внутри страны не может рассматриваться с таких позиций, поскольку это приведет к усилению регионального сепаратизма и создаст опасность для обеспечения целостности национальной экономики. Соревновательность между регионами внутри страны имеет существенные отличия от конкуренции между странами, как в содержании, так и в форме. Без определения специфики конкуренции между регионами страны и выявления ее отличий от конкуренции между странами трактовки, основанные на подобном «копировании», будут некорректны.

В ряде случаев понятие конкурентоспособности региона просто декларируется, а на самом деле приспосабливается к исследованиям, не имеющим отношения к проблемам собственно конкурентоспособности. Исследования, предусматривающие такие трактовки, могут оказаться значимыми для решения других экономических проблем. По сути, большинство таких исследований связано, так или иначе, с производством конкурентоспособных товаров предприятиями, находящимися на территории региона [8; 9]. Рассматривать конкурентоспособность таких предприятий необходимо как важнейший фактор конкурентоспособности региона. И наоборот, конкурентоспособность региона может определять конкурентоспособность

предприятия, расположенного на его территории. Но любое смешение понятий конкурентоспособности предприятия, товара и региона недопустимо, поскольку приводит к методологическим ошибкам. Например, в работе [12] приводится следующее определение: «Региональная конкурентоспособность – способность территории производить продукцию и оказывать услуги, соответствующие требованиям зарубежных рынков, и одновременно поддерживать высокий и стабильный уровень доходов своего населения. В широком смысле региональная конкурентоспособность – это возможность регионов в условиях международной конкуренции обеспечивать сравнительно высокие доходы и уровень занятости населения, то есть, чтобы регион был конкурентоспособным, важно обеспечить количество и качество рабочих мест». В первой части определения по существу речь идет о хозяйствующих субъектах, расположенных на территории региона, а не о самой территории и регионе как экономическом субъекте со свойствами, отличными от свойств предприятия. В то же время во второй части определения появляются очень важные специфические черты именно региональной экономической системы и ее конкурентных преимуществ, определяющих конкурентоспособность. Эти черты необходимо учитывать при построении понятия «конкурентоспособность региона».

Во избежание конъюнктурного или неуместного использования термина «конкурентоспособность», искажающего его суть применительно к региональным исследованиям, необходимо сформировать научные подходы к конструированию понятия «конкурентоспособность региона».

Такие подходы должны быть нацелены на выяснение сущностного содержания данного понятия и разрешение методологической проблемы разграничения понятий. Данные подходы должны базироваться на выяснении этимологии терминов «конкурентоспособность» и «регион»; выявлении их истинного значения и существенных признаков для предотвращения выхолащивания подлинного содержания; корректной увязке составных элементов понятия «конкурентоспособность региона» и его формулировании с учетом правил построения понятий, установленных формальной логикой и приведенных в начале данной статьи.

Обращение к лингвистике, сравнительно-историческому языкознанию позволяет выявить первоначальное и истинное

значение слова «конкурентоспособность», которое игнорируют многие исследователи-экономисты. Происхождение этого слова связано с термином «конкуренция» (лат. concurrentia, от лат. concurrere – сбегать, сталкиваюсь). Синонимами конкуренции являются соперничество (в чем-либо, на каком-либо поприще), борьба (за лучшие результаты), противоборство, соревнование, состязание. Противоположностью конкуренции является партнерство. Соответственно, конкурентоспособность можно определить как способность к соперничеству, борьбе за достижение лучших результатов в какой-либо сфере столкновения интересов по сравнению с противоборствующей стороной, способность соревноваться за получение больших выгод, лучших условий существования. Раскрытию содержания термина «конкурентоспособность» служит также характеристика возможности или свойства, позволяющего одному субъекту осуществить действие, исключаящее или ограничивающее возможности другого субъекта.

Что касается экономических субъектов, то их конкурентоспособность должна, на наш взгляд, рассматриваться в следующих аспектах:

- экономические интересы и их столкновение как источник возникновения проблемы обеспечения конкурентоспособности;
- сферы и формы состязания и борьбы за удовлетворение интересов, определяющие направления и способы обеспечения конкурентоспособности;
- формирование конкурентных преимуществ как системообразующих элементов конкурентоспособности;
- взаимосвязь и взаимовлияние конкурентоспособности и эффективности функционирования социально-экономической системы.

Что касается выявления сущности понятия «регион» (от лат. regio – «страна», «область»), следует отметить, что в наиболее общем виде под ним понимается территория, отличающаяся достаточно характерными признаками, позволяющими отличить ее от других территорий, и обладающая целостностью и взаимосвязью её составных элементов. Современные трактовки понятия регион, применяемые в экономических исследованиях, многочисленны, что оправданно и объясняется многоаспектностью проблемы управления территориями. Поэтому в каждом конкретном случае правомерно определять то конкретное наполнение понятия «регион», которое в наибольшей

степени соответствует поставленным задачам исследования территорий.

Большинство современных экономических региональных исследований в России позиционирует регион как субъект Российской Федерации. Система государственного статистического наблюдения, дающая возможность проводить статистические сравнения, исходит из тех же позиций. Это дает основание считать приемлемым в настоящих условиях изучение конкурентоспособности регионов, прежде всего именно как исследование конкурентоспособности субъектов Российской Федерации, а также возможно для их муниципальных районов и городских округов. Такие научные работы востребованы временем и являются значимыми в современных условиях функционирования административных единиц федерации. В иных случаях специальных исследований необходимы уточнения дефиниций. При этом могут вноситься соответствующие уточнения и в определение конкурентоспособности региона применительно к особому классу объектов.

Опора на описанные выше подходы и положительные элементы наработанных различными авторами трактовок конкурентоспособности региона позволили подойти по-новому к формулированию этого понятия. Конкурентоспособность региона должна определяться, на наш взгляд, как способность региона соперничать с другими регионами при решении идентичных задач, определяемых стремлением обладать

теми же ресурсами, благами, занимать положение на национальном и (или) мировом рынке в борьбе за наивысший по сравнению с другими регионами уровень социально-экономического развития.

Прочие характеристики, свойства и факторы конкурентоспособности не имеют непосредственного, прямого отношения к определению содержания данного понятия. Включение их описания в определение нецелесообразно. Вместе с тем исследование таких характеристик, свойств и факторов конкурентоспособности, построенное на данной трактовке, позволяет выбрать правильное направление разработки инструментов диагностики и методических основ управления конкурентоспособностью, а следовательно, должно способствовать решению проблемы обеспечения конкурентоспособности региона. Введение уточненного понятия конкурентоспособности региона в экономическую науку и хозяйственную практику позволит более точно определять критерии и выявлять требования к обеспечению конкурентоспособности; проводить анализ факторов, оказывающих влияние на конкурентоспособность региона; диагностировать состояние конкурентоспособности региона и измерять его уровень; оценивать соответствующие конкурентные преимущества и достоверно определять его позицию относительно конкурентов и на этой основе принимать более обоснованные решения по управлению конкурентоспособностью региона.

1. Ермишина А. В. Конкурентоспособность региона / А. В. Ермишина. URL: <http://www.cfin.ru/management/strategy/competitiveness.shtml>.
2. Кондаков Н. И. Логический словарь. М.: Наука, 1971. 656 с.
3. Лемдяев А. В. Конкурентоспособность: региональный вектор // Управление экономическими системами: электронный журнал. 2010. № 2 (22). № гос. рег. статьи 0421000034/0023. URL: <http://uecs.mcnpir.ru>.
4. Маннапов Р. Г. Организационно-экономический механизм управления регионом: формирование, функционирование, развитие: монография / Р. Г. Маннапов, Л. Г. Ахтариева. — М.: КНОРУС, 2008. 352 с.
5. Меркушов В. В. Интегральная оценка конкурентоспособности регионов / В. В. Меркушов. URL: <http://sopssecretary.narod.ru>.
6. Региональная экономика: учебник / под ред. В. И. Видяпина и М. В. Степанова. — М.: ИНФРА-М, 2005.
7. Рябцев В. М. Конкурентоспособность российских регионов: методология оценки и сравнительного анализа. Самара: СГЭА, 2002. 128 с.
8. Селезнев А. З. Конкурентоспособные позиции и инфраструктура рынка России / А. З. Селезнев. М.: Юристъ, 1999.
9. Ушвицкий Л. И., Парахина В. Н. Конкурентоспособность региона как новая реалья: сущность, методы оценки, современное состояние / Сборник научных трудов СевКазГТУ. Серия «Экономика». 2005. № 1. URL: <http://www.ncstu.ru>.
10. Чайникова Л. Н. Методологические и практические аспекты оценки конкурентоспособности региона: монография / Л. Н. Чайникова. — Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. 148 с.
11. Шеховцева Л. С. Методология формирования стратегических целей развития региона // Менеджмент в России и за рубежом. 2007. № 3. С. 67–75.
12. Шорохов В. П., Колькин Д. Н. Оценка конкурентоспособности региона / Проблемы прогнозирования. 2007. № 1. С. 92–101.
13. Юсупов К. Н. Региональная экономика / К. Н. Юсупов, А. Р. Таймасов, А. В. Янгиров, Р. Р. Ахунув. — М.: КНОРУС, 2006.

ПОНЯТИЕ И ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА УРОВНЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 338.22.01

О.А. МИШАНИНА

Важным фактором устойчивого развития экономики России является экономическая состоятельность ее хозяйствующих субъектов, к которым, обладая этим правом по Федеральному закону № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1], относятся и муниципальные образования.

Согласно основным положениям данного закона, муниципалитеты получили относительно высокую степень свободы в поиске эффективных способов решения своих проблем и выборе оптимального пути развития. Однако на практике эта свобода была существенно ограничена дефицитом финансовых и имущественных ресурсов, вызванным неурегулированностью отношений между уровнями публичной власти.

С одной стороны, относительная экономическая стабилизация в стране позволила многим городам, наконец, переориентироваться с решения текущих проблем и проведения институциональных преобразований на стратегическое планирование своего развития. Однако антикризисное управление муниципальным образованием все еще остается актуальным, так как субъекты не спешат отказываться от антикризисных мер развития — сменяется только направленность реализации конкретных проектов, имеющих стратегическое значение для функционирования городов. Все большее распространение получают новые управленческие технологии (стратегическое планирование, мониторинг и оценка программ и т. п.) и инструменты экономического развития [3, с. 26].

Построение системы антикризисного управления муниципальным хозяйством взаимосвязано с системой муниципального управления в целом, современные инструменты которого направлены на предотвращение и недопущение кризисного состояния муниципального образования. В частности, стратегическое управление позволяет обеспечить устойчивое развитие муниципального образования в условиях внешней среды путем мониторинга состояния микро- и макросреды, а также ресурсного анализа внутренней среды. Бюджетирование

обеспечивает качественное текущее управление финансовыми ресурсами. Применение защитных механизмов риск-менеджмента способствует раннему обнаружению и адаптации даже к слабым сигналам «кризиса» [10, с. 57].

Таким образом, антикризисное управление муниципальным образованием можно рассматривать как комплексный многоуровневый процесс, который дает возможность муниципалитету либо восстановить свою платежеспособность и обеспечить стабильное функционирование муниципальной экономики, либо обеспечить возможность предвидеть и вовремя устранить возможные будущие проблемы.

Антикризисное управление в системе муниципального управления предполагает два взаимосвязанных аспекта — экономический (возможное экономическое банкротство муниципалитета) и социально-политический (кризис власти в глазах общества). Последний представляет собой особое переломное состояние в развитии и функционировании социально-экономической и политической системы местного общества, характеризующееся снижением уровня управляемости социально-экономическими процессами, обострением политических конфликтов, ухудшением экономического положения муниципалитетов вплоть до состояния банкротства. Оба указанных аспекта тесно взаимосвязаны, хотя и могут развиваться обособленно. Так, полностью отвечающая интересам населения территория может решать свои проблемы путем излишне высоких заимствований, которые приведут к банкротству его экономической системы. Данный сценарий развития приведет к неплатежеспособности территории. И наоборот — тратящая только поступившие в бюджет деньги (без каких-либо заимствований, и даже сама заимствующая деньги коммерческим структурам) территория может оказаться политическим банкротом, получив вотум недоверия в силу нарастания недовольства и критической активности народных масс [4, с. 67].

Особенности антикризисного управления в муниципальном образовании связаны

со спецификой управления муниципальным хозяйством, а также содержания и использования собственности, находящейся в распоряжении и управлении муниципального образования.

Остановимся поподробнее на муниципальной собственности как основной составляющей муниципального хозяйства. Муниципальная собственность представляет собой одну из форм собственности вообще, но обладает своими специфическими свойствами. Специфика муниципальной собственности состоит в сложном характере ее объектов, которые, с одной стороны, имеют целевое назначение, так как предназначены для решения вопросов сугубо местного значения: удовлетворения жилищно-коммунальных, социально-культурных и бытовых потребностей населения муниципального образования, но с другой стороны – исключительно многофункциональны, поскольку оказываются задействованы в решении широкого круга местных вопросов, в частности, участвуют в обеспечении доходов местного бюджета, в укреплении социальной инфраструктуры территории, в развитии инженерной инфраструктуры муниципального образования, в стимулировании развития малого и среднего бизнеса, создании и укреплении рыночной инфраструктуры и т.д. [9, с. 38]

Последнее во многом оказывается возможным благодаря весьма разнообразному составу муниципальной собственности. Так, согласно Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в структуру муниципальной собственности входят:

- средства местного бюджета, муниципальные внебюджетные фонды;
- имущество органов местного самоуправления, муниципальные земли и другие природные ресурсы, находящиеся в муниципальной собственности;
- муниципальные предприятия и организации, муниципальные банки и другие финансово-кредитные организации;
- муниципальный жилищный фонд и нежилые помещения;
- муниципальные учреждения образования, здравоохранения, культуры и спорта;
- другое движимое и недвижимое имущество (статья 29). [1].

В законах субъектов РФ состав муниципальной собственности еще более расширен. Он дополняется такими объектами, как унитарные предприятия, ценные бумаги, пакеты акций в хозяйственных обществах, объекты

инженерной инфраструктуры, имущество, приобретенное в результате предпринимательской деятельности предприятиями и организациями, входящими в состав муниципальной собственности, и т.д. [8, с. 68]

Таким образом, на современном этапе развития экономики нашей страны муниципальные образования России могут стабильно функционировать только при условии соблюдения на их территории динамического равновесия между капиталопоглощающими и капиталобразующими объектами муниципальной собственности. Этот принцип в обязательном порядке должен быть положен в основу формирования муниципальной собственности. В противном случае муниципалитет будет лишен всякой возможности качественно и в полном объеме удовлетворять потребности населения, образующего местное сообщество.

В общем виде изучение проблем антикризисного управления в муниципальных образованиях можно вести в трех направлениях:

1) участие органов муниципального образования в финансовом оздоровлении предприятий-должников, деятельность которых имеет важное экономическое значение для развития данной территории;

2) участие органов местного самоуправления в процессах антикризисного управления (банкротства) муниципальными предприятиями;

3) антикризисное управление муниципальным образованием как целым хозяйственно-территориальным комплексом [5, с. 73].

Кроме того, необходимо остановиться на роли и месте антикризисного регулирования и управления в социально-экономических программах и процессах.

Вообще необходимо обратить внимание на то, что теоретическая антикризисное регулирование и управление – макроэкономическая категория. Оно предполагает меры организационно-экономического и нормативно-правового воздействия со стороны государства, субъекта Федерации, муниципального образования, направленные на защиту территории от кризисных ситуаций и предупреждение уже наступившего банкротства.

В то же время антикризисное управление – микроэкономическая категория. Оно предполагает совокупность форм, методов реализации антикризисных процедур применительно к отдельно взятому, конкретному объекту, независимо от его статуса [6, с. 113].

Безусловно, достижения практического результата вывода экономики из кризиса не добиться без наличия комплексной муниципальной программы мер антикризисного регулирования, органичной составной частью которой является рекомендованная регионом базовая программа, включающая в себя как минимум основные принципы антикризисного управления и регулирования отдельно взятыми субъектами, расположенными на соответствующей территории, и учитывающая ее отличительные особенности.

Программа развития является инструментом, который позволяет делать намерения и деятельность конкретных субъектов активности прозрачными для всех заинтересованных лиц, без ущерба для самой этой деятельности. Именно поэтому в антикризисной программе все мероприятия и структура работы формулируются и представляются в развернутом виде. Такое представление служит средством консолидации усилий, поскольку дает возможность любому из участников программы видеть и понимать свое место в общей системе деятельности. Кроме того, наличие программы деятельности повышает публичность управления территорией, поскольку появляется возможность знакомиться с намерениями действующих субъектов до начала (и тем более до завершения) их деятельности и сопоставлять намерения с действиями, последовательность которых также представлена в программе [2].

Несмотря на логично и обоснованно установленную и вступившую в силу регламентацию федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предупреждать банкротство, а если еще более точно – обязанность принимать меры предупреждения банкротства федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, учредителями (участниками) юридического лица (независимо от его организационно-правовой формы собственности), собственником имущества должника – унитарного предприятия – целевых комплексных программных мер ни на одном из этих уровней до сих пор нет.

Антикризисное регулирование и управление – достаточно специфичный вид деятельности, предъявляющий высокие требования к тем, кто его осуществляет. Эти требования основаны на профессиональных разносторонних знаниях, опыте их практического применения.

Успешного результата в антикризисном регулировании и управлении не достичь без

использования тех резервов, которые всегда имеются на стыках, пограничных сферах знаний различных профессий: экономики, менеджмента, маркетинга, политологии, социологии, юриспруденции, технологии производства в конкретной отрасли и т.д.

Всякое здоровое хозяйствование осуществляется в рамках какого-либо экономического пространства, очерченного и структурированного государством, сообществом государств либо муниципальным образованием.

Теоретическое обоснование процедуры антикризисного управления на уровне муниципального образования является одной из важнейших проблем современных научных исследований, особенно в условиях циклических колебаний рыночной конъюнктуры.

На современном этапе развития теоретических знаний по вопросам, связанным с исследованием кризисных состояний и методов их преодоления, наиболее полно разработаны в рамках теории антикризисного управления, применительно к хозяйствующему субъекту. Методы антикризисного управления используются, чтобы сохранить прежде всего материальную основу для продолжения хозяйственно-экономической деятельности при остром дефиците оборотных средств [7, с. 218]. Антикризисное управление на уровне муниципального образования используется в основном в значении рекомендательного характера, а не как методологическая и практическая основа по преодолению кризисных явлений и их предотвращению на уровне города.

Антикризисное управление муниципальным образованием в широком смысле – это применение антикризисных процедур по отношению к конкретной территории с целью недопущения кризиса или сглаживания его негативных последствий.

Антикризисные процедуры в этом понимании включают:

- анализ внешней среды и внутреннего потенциала территории (имущественного, финансового, налогового, природного, географического и др.), а также ее конкурентных преимуществ на основе SWOT-анализа;
- бюджетный анализ на основе сопоставления собственных и регулирующих доходов муниципального образования, прогноз доходов и расходов бюджета;
- диагностику возникновения кризисных ситуаций с целью принятия адекватных причин появления кризиса мер;
- разработку антикризисной стратегии;
- разработку антикризисной программы

развития территории, в т.ч. краткосрочных мероприятий по реструктуризации задолженности, увеличению доходов и снижению расходов бюджета и долгосрочных мер по реструктуризации основных отраслей, градообразующих предприятий, оздоровлению местных финансов;

- создание структур для организации управления программой и последующий контроль за ходом ее реализации.

Рассмотрение антикризисного управления на уровне органов муниципальной власти обусловлено тем, что последняя имеет ряд признаков, присущих государственной власти:

- наличие обособленного аппарата управления;
- основанность на законах и иных нормативных актах;
- установление и сбор налогов;
- самостоятельное формирование бюджета [3, с. 46].

Антикризисное управление на уровне органов местного самоуправления имеет ряд особенностей. Специалисты по муниципальному праву отмечают, что анализ содержания муниципальной власти позволяет сделать вывод о том, что в ней одновременно сочетаются два начала: общественное и государственное. Поэтому при рассмотрении особенностей антикризисного управления в муниципальных образованиях необходимо отметить сильный социальный аспект, поскольку местная власть обладает более тесной связью с населением.

Другой особенностью антикризисного управления является зависимость его основного содержания от величины муниципального образования. Чем крупнее территория муниципального образования, тем ближе механизм антикризисного управления к принятому в органах государственной власти. Так, может, например, по аналогии с федеральным, быть создано специальное подразделение (орган) по антикризисному управлению для данной территории (антикризисная коллегия).

Еще одной особенностью антикризисного управления муниципальным образованием является то, что органы местного самоуправления заинтересованы в судьбе всех предприятий, находящихся на территории данного образования, в первую очередь градообразующих, так как это связано с формированием местного бюджета, с решением социальных вопросов.

Изучение проблем антикризисного управления в муниципальных образованиях можно вести в четырех направлениях:

- участие органов местного самоуправления в финансовом оздоровлении предприятий-должников, деятельность которых имеет важное экономическое значение для развития данной территории;

- участие органов местного самоуправления в процедурах антикризисного управления (банкротства) муниципальных предприятий;

- участие органов местного самоуправления в процедурах антикризисного управления муниципальными организациями;

- антикризисное управление муниципальным образованием как единым хозяйственно-территориальным комплексом.

Первое и второе направления с разной степенью глубины отражены в действующем законодательстве: уполномоченными органами проводится мониторинг крупных и социально и экономически значимых предприятий; банкротству градообразующих организаций, стратегических предприятий и субъектов естественных монополий посвящены специальные главы федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». При банкротстве муниципальных унитарных предприятий органы местного самоуправления выступают в качестве собственника имущества должника, что также нашло свое отражение в законодательстве о банкротстве и об унитарных предприятиях. Третье и четвертое направления в настоящее время являются наименее исследованными и методически проработанными. Для понимания сущности антикризисного управления территорией необходимо выявить особенности проявления территориальных кризисов, учитывая сложившуюся систему разграничения полномочий между региональными и муниципальными органами власти, систему межбюджетных отношений и новую модель организации местного самоуправления.

Применить данные подходы в антикризисном управлении муниципальным образованием представляется возможным, однако необходимо их объединение в единую систему, определяющую антикризисное муниципальное управление как процесс опережающего воздействия на муниципальную социально-экономическую систему с использованием средств и методов ее диагностики и механизмов, направленных на предупреждение кризисных тенденций и минимизацию их негативных последствий.

Таким образом, систему антикризисного управления муниципальным образованием, по нашему мнению, следует считать системой управления муниципальным образованием,

которая позволяет принимать эффективные управленческие решения с целью предотвращения кризиса в условиях неопределенности и дисбаланса, а в случае его возникновения нивелирование и достижение стратегических целей и задач муниципальной социально-экономической системы путем использования превентивных и стабилизационных инструментов антикризисного муниципального управления.

Процесс антикризисного муниципального управления должен содержать элементы стратегического планирования, а программа антикризисного муниципального управления – представлять собой сочетание тактических и стратегических мероприятий. Причем программы муниципального управления должны разрабатываться с учетом принципов, присущих рыночному планированию, и являться индикативными, гибкими, учитывающими реальные возможности органов местного самоуправления и содержащими эффективные действующие экономические механизмы. Только в этом случае представляется возможным выработать единую комплексную программу антикризисного муниципального управления, позволяющую концентрировать ресурсы и резервы на решении ключевых проблем муниципального образования. Можно выделить следующие основные этапы антикризисного управления муниципальным образованием:

1) анализ социально-экономического положения муниципального образования;

2) выработка предупреждающих инструментов антикризисного управления;

3) разработка системы стратегических установок управления муниципальным образованием;

4) анализ потенциала развития муниципального образования и имеющихся ресурсов;

5) применение стабилизационных мер антикризисного управления муниципальным образованием;

6) разработка целей, задач и критериев дальнейшего социально-экономического развития муниципального образования;

7) формирование программы комплексного социально-экономического развития муниципального образования;

8) реализация программы комплексного социально-экономического развития муниципального образования;

9) контроль за исполнением программы социально-экономического развития муниципальным образованием.

Следует отметить, что при реализации первого этапа антикризисного управления муниципальным образованием определяется степень кризисности территории и формируется дальнейшая реакция субъектов антикризисного муниципального управления на угрозы со стороны внешней и внутренней среды, от эффективности задач мониторинга текущего состояния социально-экономической системы зависит уровень будущего благосостояния конкретной территории.

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 г. №131-ФЗ (ред. от 29.12.2010) // Российская газета. 08.10.2003. № 202.
2. Об утверждении «Методических указаний по проведению анализа финансового состояния организаций»: Приказ ФСФО России от 23.01.01 № 16 // Вестник ФСФО РФ. 2001. № 2.
3. Антикризисное управление в муниципальном образовании. М. : РИЦ Муниципальная власть, 2007. 240 с.
4. Антикризисное управление / под ред. Э. М. Короткова. М : Инфра-М, 2008. 580 с.
5. Антикризисное управление / В.Г. Крыжановский, В. И. Лапенков, В. И. Лютер и др.; под ред. Э. С. Минаева и В. П. Панагушоина. – М. : ПРИОР, 2008. 621 с.
6. Бабун Р.В., Муллагалеева З. З. Вопросы муниципальной экономики. М. : Московский общественный научный фонд, 2005. 390 с.
7. Баканов М. И., Шеремет А. Д. Теория экономического анализа. М. : Финансы и статистика, 2007. 350 с.
8. Воронин А. Г. Муниципальное хозяйство и управление: проблемы теории и практики. М. : Финансы и статистика, 2002. 461 с.
9. Дерябин С. А. Проблемы финансовой стабилизации регионов // Экономист. 2000. № 7.
10. Добрышина Л. Н. Регулирование социально-экономического развития кризисных территорий. Монография. М. : ГУУ, 1999. 374 с.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 334.02

Н.Ю. КОРОТИНА

Современный этап экономического развития России характеризуется усиливающейся тенденцией переноса на местный уровень практического решения проблем реформирования социальной сферы. В первую очередь это касается вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, ориентированного на удовлетворение своих социальных нужд и потребностей, повышения качества жизни населения.

В мировой практике право обладания достаточными ресурсами, самостоятельного управления и распоряжения ими для решения вопросов местного значения считается одним из главных для местного уровня власти.

Ключевой проблемой местного самоуправления в России является недостаточность собственной доходной базы местных бюджетов, которая стала общей проблемой данного уровня управления. Это выражается прежде всего в прямой зависимости уровня доходов местных бюджетов от федерального и регионального законодательства, а также от состояния федерального и регионального бюджетов. По данным за 2007–2010 гг., местные органы власти в Российской Федерации могут регулировать примерно 2 % доходов всех бюджетов бюджетной системы, в том числе 21 % доходов, поступающих в их бюджеты [5]. Сложившаяся ситуация означает, что оказывать реальное воздействие на налоговые доходы местных бюджетов можно только на уровне Федерации и ее субъектов.

В таких условиях вопросам финансовой самостоятельности муниципальных образований необходимо уделять большее внимание. Отмечая необходимость развития демократических институтов в России, В.В. Путин в статье «Демократия и государство» [9] отмечает, что «муниципалитеты должны стать в полной мере финансово самостоятельными и автономными, иметь достаточные источники для исполнения своих полномочий, решения повседневных проблем населения» (обеспечение населения теплом, электричеством, водой, содержание и строительство дорог, пожарная безопасность, благоустройство и многое другое).

Новый этап в развитии муниципальных финансов начался с реформирования системы местного самоуправления и межбюджетных

отношений в 2003–2005 годах с принятием федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», где перераспределение и долговременное закрепление полномочий и доходных источников за разными уровнями бюджетной системы, обеспечение финансово-экономической независимости местного самоуправления, приведение в соответствие экономической и финансовой базы муниципальных образований и объемов полномочий являются приоритетными задачами. Анализ произошедших после реформ изменений финансового состояния муниципальных образований однозначно свидетельствует о том, что эта цель не просто не была достигнута, произошло обратное: финансовое положение и фискальная самостоятельность муниципальных образований ухудшились по сравнению с их состоянием до реформы.

Под финансовой самостоятельностью муниципальных образований понимается способность органа местного самоуправления мобилизовать собственные финансовые ресурсы в бюджет для полного и своевременного исполнения своих задач и функций, обеспечения соответствия уровня жизни населения государственным стандартам. Речь в данном случае идет не просто о сбалансированности местных бюджетов, а в первую очередь о том, как эта сбалансированность должна обеспечиваться, то есть о наделении местного самоуправления необходимыми полномочиями по формированию собственных доходов их бюджетов.

Под финансовой самостоятельностью в Бюджетном кодексе подразумевается самостоятельное распоряжение средствами местного бюджета: «органы местного самоуправления самостоятельно распоряжаются средствами местных бюджетов» [2]. Вопросы же «самостоятельного формирования» местных бюджетов, как в Бюджетном кодексе, так и в других нормативных документах отсутствуют. Та часть прав по формированию финансовых ресурсов, которая относится к самостоятельному установлению и введению в действие на подведомственной территории местных налогов и сборов, лишь в незначительной мере решает этот вопрос.

Закон РФ «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации»

прямо указывает на зависимость местных бюджетов от вышестоящих: «Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с законом обеспечивают муниципальным образованиям минимальные бюджеты путем закрепления доходных источников для покрытия минимально необходимых расходов местных бюджетов» [7]. Следствием дисбаланса нормативного регулирования в отношении местных органов власти являются проблемы финансирования расходов муниципальных образований.

Обеспечение подлинной самостоятельности местных бюджетов не может быть достигнуто без существенного повышения доли в доходах этих бюджетов собственных источников.

В качестве основного критерия и условия реализации принципа самостоятельности местных бюджетов нами предлагается принять долю собственных доходов в общем объеме бюджетных доходов, адекватную доходному потенциалу региона как результату функционирования муниципальной экономики.

В связи с этим существует необходимость определиться в содержании понятия «собственные доходы бюджета». Статья 47 Бюджетного кодекса РФ к собственным доходам относит налоговые доходы, неналоговые доходы, а также доходы, полученные бюджетами в виде безвозмездных поступлений, за исключением субвенций. Таким образом, к собственным доходам местных бюджетов отнесены дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований и субсидии на софинансирование социально значимых расходов. Данная трактовка собственных доходов является, на наш взгляд, принципиально некорректной, поскольку доходы, полученные бюджетами в виде безвозмездных поступлений, не соответствуют понятию «собственный».

Такая трактовка собственных доходов затрудняет анализ эффективности работы муниципальных органов власти и искажает результаты анализа финансового состояния местных бюджетов. Так, по результатам мониторинга местных бюджетов Российской Федерации, проводимого Министерством финансов [4], собственные доходы местных бюджетов за 1 полугодие 2011 года составляют 70,7 % всей доходной базы. В то же время 41,6 % собственных доходов формируется за счет безвозмездных поступлений из бюджетов других уровней (без учета субвенций из Фондов компенсаций, в соответствии с методикой). Фактически же за счет налоговых и неналоговых доходов, закрепленных за местными бюджетами, формируется только 41 % общих доходов бюджета, что свидетельствует о низкой самостоятельности местных бюджетов.

Финансово-экономическое обоснование реформ местного самоуправления предусматривало, что объем налоговых и неналоговых доходов местных бюджетов, закрепленных на долгосрочной основе Бюджетным кодексом Российской Федерации и Налоговым кодексом Российской Федерации, должен составить не менее 4,2 % ВВП, объем дотаций из региональных бюджетов – 1,4 % ВВП, объем субвенций из федерального и региональных бюджетов на реализацию отдельных государственных полномочий – до 1,5 % ВВП. Общий объем местных бюджетов – 8,1 % ВВП [6]. При этих условиях предполагалось существенно расширить бюджетную и налоговую самостоятельность органов местного самоуправления. Данные таблицы 1 свидетельствуют, что планируемые параметры общего объема местных бюджетов не были достигнуты. Доля доходов местных бюджетов в период 1997–2004 гг. планомерно снижалась.

Таблица 1
Распределение доходов между уровнями бюджетной системы, % от ВВП

Годы	Федеральный бюджет	Консолидированные бюджеты регионов	Региональные бюджеты	Местные бюджеты
1997	13,8	17,5	10,4	10,9
1998	11,9	15,1	8,9	8,7
1999	12,9	13,9	8,3	6,8
2000	16,0	15,0	10,0	6,4
2001	17,5	14,2	10,1	6,5
2002	16,3	14,8	10,9	6,5
2003	19,5	14,3	10,7	6,3
2004	20,1	13,9	10,5	6,1
2005	23,7	13,9	11,3	5,5
2006	23,3	14,1	11,8	5,7
2007	23,4	14,7	12,2	5,9
2008	22,5	14,8	12,4	5,8
2009	18,8	15,1	12,8	6,2
2010	17,4	15,1	12,6	5,8

Примечание: консолидированные доходы регионов не соответствуют сумме доходов из региональных и местных бюджетов на сумму чистых трансфертов из региональных бюджетов в местные бюджеты.

Источник: [3]

С 2003 года (начало реформы ОМСУ) общим объем местных бюджетов Российской Федерации снизился с 6,3 % до 5,8 % ВВП, что составляет 1546,9 млрд руб. в текущих ценах. Для сравнения, в 2010 году общий объем поступивших в местные бюджеты доходов составил 2600,5 млрд руб. [4].

Практика функционирования муниципальных образований свидетельствует, что их налоговые возможности не имеют определяющего значения в формировании доходного потенциала местных бюджетов: в доходной части местных бюджетов налоговые доходы занимают одну треть (таблица 2).

Таблица 2
Структура доходов местных бюджетов

Год	2007	2008	2009	2010	2011
Доля налоговых доходов в общих доходах местных бюджетов	29,7	29,6	30,1	31,0	31,5
Доля неналоговых доходов в общих доходах местных бюджетов	12,3	12,3	9,4	9,4	9,6
Доля межбюджетных трансфертов в общих доходах местных бюджетов	58,0	58,1	60,5	59,6	58,9

Источник: Министерство финансов РФ, расчеты автора.

Следует отметить, что в связи со значительной дифференциацией социально-экономического развития муниципалитетов распределение налоговых доходов по типам муниципальных образований осуществляется

крайне неравномерно: в бюджетах городских округов аккумулируется около 64 % налоговых доходов, в бюджетах муниципальных районов – примерно 26 % и лишь 9 % – в бюджетах поселений (таблица 3).

Таблица 3
Структура доходов местных бюджетов

Год	Бюджеты городских округов	Бюджеты муниципальных районов	Бюджеты поселений
2008	64,6	29,4	6,0
2009	63,5	26,5	10,0
2010	64,1	26	9,9

Источник: Министерство финансов РФ.

В 42 субъектах Российской Федерации удельный вес налоговых доходов в общем объеме доходов превышает среднее значение по Российской Федерации. Наибольшая доля налоговых доходов в 2011 г. отмечается в местных бюджетах Липецкой, Калужской, Тульской, Омской и Брянской областях.

В 41 субъектах РФ удельный вес налоговых доходов в общем объеме собственных доходов ниже среднего уровня по Российской Федерации. Наименьшая доля налоговых доходов по плановым показателям отмечается

в местных бюджетах Ненецкого автономного округа, Тюменской области, Чукотского автономного округа, Республики Ингушетия, Ямало-Ненецкого автономного округа.

Неравномерное распределение налоговых доходов отмечается в муниципальных образованиях одного типа. Так, в городских округах Челябинской области доля налоговых доходов в доходной части бюджетов в 2012 г. колеблется от 31 % в Троицком городском округе до 44 % в Челябинском городском округе.

Особого внимания заслуживает анализ видов налогов, поступающих в местные бюджеты. В соответствии с принципами кооперативной модели бюджетного федерализма Российской Федерации, налоговые доходы местных бюджетов формируются за счет местных налогов и установленных отчислений от федеральных и региональных налогов.

Удельный вес местных налогов в налоговых доходах бюджетов муниципальных образований крайне незначителен. По состоянию на 1 июля 2011 года поступления от земельного налога составляют 12,9 %, налога на имущество физических лиц – 0,6 %, то есть местные налоги формируют местные бюджеты на 13,5 %. Основным бюджетобразующим налогом для местных бюджетов остается федеральный налог на доходы физических лиц, удельный вес которого составляет 65,1 % в 2010 г. (в 2009 году – 68,7 %, в 2008 году – 68,6 %). По поступлениям от других федеральных налогов можно привести следующие данные. Доля налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения, – 5,5 %, единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности – 16,7 %, единого сельскохозяйственного налога – 0,5 %. Таким образом, основной объем налоговых доходов местных бюджетов дают налоги, полномочия по определению налоговых ставок, налоговой базы, льгот и нормативов распределения имеет вышестоящий уровень власти.

В местные бюджеты поступают отчисления от региональных налогов, устанавливаемые законодательством субъектов Федерации. Так, в Челябинской области установлены нормативы отчислений в бюджеты городских округов и муниципальных районов от следующих федеральных и региональных налогов: единого сельскохозяйственного налога – 100 %, транспортного налога – 50 %, налога на игорный бизнес – 40 %. В бюджеты муниципальных районов также поступают налоги на добычу полезных ископаемых в размере 50 % [8]. Удельный вес поступлений от этих налогов в Челябинской области незначителен – около трех процентов.

Поступление неналоговых доходов в местные бюджеты также незначительно – около 10 %. Анализ показывает, что основным доходным источником местных бюджетов остаются безвозмездные поступления, их доля в доходах составляет около 60 % (таблица 2). При такой высокой зависимости от вышестоящих бюджетов самостоятельность местных бюджетов крайне низка.

Между тем без финансовой самостоятельности муниципалитетов невозможно говорить

о реально работающей системе местного самоуправления. Централизация финансовых потоков в бюджетной системе тормозит процессы социально-экономического развития муниципальных образований, а значит, и России в целом. Органы местного самоуправления не определяют «правила игры» и не могут гарантировать их соблюдение в рамках контрактных отношений с инвесторами. Руководители муниципального образования заинтересованы в настоящее время, прежде всего, в привлечении финансовых ресурсов из вышестоящих бюджетов взамен развития и пополнения собственной доходной базы.

К негативным характеристикам обеспечения финансовой самостоятельности следует отнести незаинтересованность муниципальных образований в проведении большинства реформ, нацеленных на повышение эффективности управления в общественном секторе, повышение качества и эффективности предоставления услуг населению.

В условиях, когда наполнение местных бюджетов в основном зависит от решений, принимаемых на других уровнях бюджетной системы, органы местного самоуправления ориентированы только на выполнение указаний вышестоящих уровней власти и практически лишены возможности реализовывать собственные инициативы.

Действующая система муниципальных финансов в лучшем случае стимулирует муниципальные образования поддерживать исполнительскую дисциплину в реализации тех законов и норм, которые устанавливают федеральный центр и регионы, но не повышать эффективность расходования бюджетных средств, совершенствовать институциональную среду.

Фактическое отсутствие финансовой самостоятельности органов местного самоуправления в стране, их зависимость от вышестоящих уровней бюджетной системы – мощнейший тормоз при реализации любых долгосрочных инициатив в общественном секторе, не позволяющий использовать разнообразие страны как ресурс социально-экономического развития территорий.

Другими словами, существующая система финансово несамостоятельного местного самоуправления создает объективные препятствия на пути модернизации социально-экономического развития страны.

Решение проблемы повышения самостоятельности муниципальных образований лежит в трех плоскостях:

Во-первых, это проблемы, решение которых должно приниматься на федеральном и региональном уровнях. Необходима передача на уровень муниципалитетов тех

налоговых источников, поступления от которых напрямую зависят от усилий органов местного самоуправления. К ним относятся все налоги от малого бизнеса, который сейчас работает в условиях специальных налоговых режимов. Реализация муниципалитетами программ поддержки малого бизнеса позволит повысить прямые поступления от этих налогов, косвенное воздействие этих программ будет выражаться в увеличении поступлений от налога на доходы физических лиц. Кроме того, необходимо сбалансировать полномочия между субъектами Федерации и муниципалитетами. Если у последних появятся больше ресурсов, то и объем их обязательств перед гражданами может быть увеличен.

Во-вторых, необходим поиск и реализация резервов в формировании собственных налоговых и неналоговых источников для повышения самостоятельности муниципальных образований. На сегодняшний день к таким резервам относится повышение качества информации об объектах и субъектах налогообложения, поставляемой в ФНС России регистрирующими и инвентаризирующими органами, которое позволит эффективно администрировать и собирать местные налоги в полном объеме. Необходимо актуализация баз данных о земельных и имущественных объектах путем проведения инвентаризации и постановки на муниципальный учет земельных и имущественных объектов, уточнения расхождения по площадям земельных участков и недвижимого имущества, установления новых владельцев объектов.

Значительные резервы повышения количества объектов налогооблагаемого имущества кроются в постановке на учет объектов, у которых отсутствует регистрация под предлогом

незавершенного строительства. В результате на эти объекты не начисляется налог на имущество. Другая значительная проблема – занижение стоимости объектов налогообложения (как земельных участков, так и недвижимого имущества физических лиц). Как показывает опыт отдельных муниципальных образований, потенциал роста местных имущественных налогов оценивается на уровне 70 %, при этом объем затрат не превышает 10–15 % прироста доходной базы бюджета по имущественным налогам [1].

В-третьих, объективно необходимо повысить самостоятельность местных бюджетов, что позволит активизировать процессы, направленные на повышение собственных доходов местных сообществ путем усиления взаимодействия институтов муниципальной власти и бизнес-структур. На современном этапе экономического развития это является задачей первостепенной важности, что предполагает достижение баланса интересов в целях обеспечения механизмами государственной поддержки бизнес-сектора данной территории. Это актуализирует целенаправленную деятельность органов местного самоуправления по созданию условий для привлечения и удержания финансовых ресурсов на территории муниципального образования.

Таким образом, возникает необходимость поиска новых источников финансирования хозяйствующих субъектов и повышения эффективности использования существующих источников на уровне муниципалитетов, которые в сложившихся условиях должны быть в основном ориентированы на генерирование позитивных изменений на внутреннем финансовом рынке за счёт усиления влияния регулирующей функции муниципальных финансов.

1. Батин Б. К. Проблема сбора местных налогов глазами системного аналитика / В.К. Батин // Практика муниципального управления. 2009. №11. С. 44–49.
2. Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ.
3. Жигалов Д., Перцев Л. Финансовые основы местного самоуправления: итоги 2000-х годов // Бюджет. URL: <http://bujet.ru/article/142251.php>.
4. Информация о результатах мониторинга местных бюджетов Российской Федерации за 2010 год.
5. Киреенко А. П., Сорокина Т. В. Налоговые аспекты межбюджетных отношений / А.П. Киреенко// Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 5.
6. Ковалевич М. К. К вопросу о доходной базе муниципальных образований / М. К. Ковалевич // Проблемный анализ и государственно управленческое проектирование. 2011. № 2. С. 21.
7. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ.
8. «О межбюджетных отношениях в Челябинской области». Закон Челябинской области от 30 сентября 2008 года № 314-ЗО.
9. Путин В.В. «Демократия и государство» / В. В. Путин // Коммерсантъ. 06.02.2012. № 20/П (4805).

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

УДК 330.014.312.04

С.Г. СИМОНОВ, И.Л. КИРИНА, М.К. КАЙДАРОВ

Современное развитие рынка труда юга Тюменской области происходит в сложных условиях, что связано с постоянными изменениями в экономической и социальной сферах жизни общества. Активное влияние на него оказывают незавершенность рыночных реформ, а также невысокий уровень управляемости хозяйственными процессами. В этих непростых условиях требуется осмысление всей совокупности социально-трудовых отношений, выявление реальной потребности региона в кадрах в разрезе специальностей и профессий, определение необходимого объема иностранной рабочей силы адресно для каждого сегмента рынка труда, разработка путей оптимизации занятости, повышения социальной защищенности населения.

Авторами в составе научной группы в 2011 году было проведено социально-экономическое исследование перспектив развития регионального рынка труда юга Тюменской области. Исследованием были охвачены 22 муниципальных образования, 4 города, 4000 предприятий различных форм собственности (государственные и муниципальные – 100%); 2500 крупных и средних частных предприятий или 62,5% от количества исследованных предприятий; 10% субъектов малого предпринимательства.

Исследование проводилось выборочно по состоянию на 01.10.2011 года. Для формирования выборочной совокупности организаций (2500 организаций) использовался способ раслоенного случайного отбора. Для отбора организаций в образованных трехмерных слоях (вид экономической деятельности, форма собственности, среднесписочная численность работников) применялась стандартная процедура случайного отбора. Кроме того, во время исследования учитывался пол и возраст работников предприятий.

Анализ данных, полученных во время исследования, дает основания утверждать, что в опросе участвовало 21,7 % экономически активного населения. Во время мониторинга в исследовании приняло участие 148,4 тыс. человек из них 41,8 % мужчин и 58,2 % женщин.

Результаты исследования рынка труда региона показали, что динамика потребности в работниках на ближайшие годы по югу Тюменской области будет носить скачкообразный характер: сначала она на 1/3 снизится

(на 37,4 % к концу 2012 г.), а затем к концу прогнозируемого периода (2013 г.) вновь повысится примерно на столько же (36,2%). Такая циклическая динамика прогнозных показателей потребности в работниках за период 2012–2013 гг. ожидается в двадцати рассматриваемых южных территориях. Из остальных шести потребность в работниках в трех (г. Ялуторовск, Омутинский район, Заводоуковский городской округ) будет расти, в двух будет относительно стабильна (гг. Тобольск, Тюмень) и в одном (Тюменский район) она за прогнозируемый период заметно снизится.

В разрезе основных видов экономической деятельности за период 2012–2013 гг. ожидается увеличение потребности в рабочей силе в таких отраслях как строительство (на 98,0 %), сельское хозяйство (более чем в 3,8 раза), производство машин и оборудования (в 3,0 раза), гостиничный и ресторанный бизнес (в 3,1 раза).

В ряде отраслей прогнозируемая ситуация обратная: снижение потребности в работниках коснется промышленности (в 2,6 раза), наземного транспорта (-52,8 %), оптовой торговли (в 2,2 раза), образования (2,4 раза), здравоохранения (2,0 раза), культуры и спорта (-49,5 %).

Репрезентативность прогнозной потребности в работниках по Тюменской области на период до 2013 г. близка к объективной реальности в части нехватки работников по рабочим профессиям и отдельным направлениям бакалавриата.

Анализируя заявленную потребность, можно констатировать, что наибольший удельный вес в прогнозной потребности работников в Тюменской области на период до 2013 года занимают такие отрасли как образование, здравоохранение, деятельность по организации отдыха, развлечений, культуры и спорта. В образовании необходимы будут работники таких профессий как учитель воспитатель, младший воспитатель; в здравоохранении – врач, врач-специалист, медицинская сестра; в сфере организации отдыха, развлечений, культуры и спорта – администраторы, библиотекари, агенты, менеджеры, директора, заведующие хозяйством.

Что же касается промышленности и сельского хозяйства, то здесь потребуются водители, трактористы, подсобные рабочие, токари, операторы по исследованию скважин, специалисты, санитарки-мойщицы, кладовщики;

в строительстве — бетонщики, каменщики, маляры, монтажники, плотники, штукатуры; в сфере торговли и общественного питания — продавцы, повара, официанты, кухонные рабочие, кладовщики, уборщики производственных и служебных помещений.

Поведение работодателей на рынке труда характеризует предъявляемый ими спрос на рабочую силу со стороны ее количества и качества, мобильности, готовности работать в конкретных условиях или определенном режиме (вахтовом, сезонном, адаптационном и т. д.). Оно детерминировано целым рядом факторов и ограничений, которые работодатели принимают во внимание, определяя размер потребности в работниках. В их числе:

- геополитические факторы;
- факторы макроэкономического порядка;
- микроэкономические факторы;
- социальные факторы;
- административные препоны;
- психологические факторы;
- правовые факторы и др. [1].

Заявляя свою потребность в работниках, работодатель не только анализирует выше-названные факторы и ограничения, но также оценивает последствия их влияния. По сути он формирует некий прогноз величины спроса на рабочую силу, который можно рассматривать как оптимистический (рост заявленной потребности в работниках) или пессимистический (ее снижение). Реальность такой заявки-прогноза во многом зависит от глубины анализа и точности оценки влияния факторов, условий и ограничений на рынке труда. Следовательно, заявленная потребность в рабочей силе в значительной степени носит личностный характер, ибо формируется конкретным человеком, исходя из его жизненного опыта, накопленных знаний, предпринимательских способностей, умения предвидеть, интуиции и др. Определить на практике размер такой потребности можно лишь с помощью социологической диагностики (опросы, экспертные оценки, интервьюирование и т. п.), строго соблюдая репрезентативность выборки. Однако и тогда, экстраполируя полученные результаты социологического исследования, мы получим величину заявленной работодателем потребности в работниках с известной долей погрешности.

Кроме того, в поведении работодателя на рынке труда может иметь место стремление к хеджированию, т.е. желание подстраховаться на случай того, что в ходе предпринимательской деятельности потребность в работниках может неожиданно возрасти. Подобное наблюдается сегодня на рынке труда юга Тюменской области, когда заявленная работодателями потребность в иностранной рабочей силе на ближайшие

годы явно превышает реальные нужды региона.

Важно отметить, что понятие «заявленная работодателями потребность в работниках» нельзя ставить в один ряд с другими понятиями, такими, как например, «экономически активное население», «занятое население», «незанятое население», «безработные» и т.п. [2]. Оно отражает субъективное мнение о количестве требуемых работников, в то время как другие названные понятия характеризуют уже сложившиеся явления, существующие объективно, независимо от желания тех или иных хозяйствующих субъектов.

В свете вышесказанного обнаруженная в ходе исследования динамика заявленной работодателями потребности в рабочей силе, носящая циклический характер, отражает не спад и не провал. Данные понятия здесь не применимы. Такая динамика отражает желание работодателей иметь такое число работников на своих предприятиях, которое они определили с учетом анализа разного рода факторов и ограничений и оценки последствий их влияния.

Очевидно, что достаточно оптимистичный их прогноз на 2011 год (с учетом экстраполяции это примерно 22,8 тыс. человек) был связан с надеждами на сохранение стабильности внешней предпринимательской среды, с тем, что трансформационные процессы только начались и действие основных факторов (геополитических, макроэкономических и социальных) в силу высокой их инерции пока еще малоощутимо. Что касается влияния других факторов, то работодатели подстраховались, несколько завысив реальную потребность в работниках. Представляется, что микроэкономические, психологические и прочие факторы и ограничения скорректировали заявленный показатель в сторону его снижения.

Пессимистический прогноз потребности в работниках на 2012 год, заявленной работодателями юга Тюменской области (с учетом экстраполяции 16,6 тыс. человек), имеет под собой определенные основания. Вступление России в ВТО, завершение процесса формирования Единого экономического пространства в рамках трех стран (РФ, Беларусь и Казахстан), окончательный переход начального, среднего и высшего профессионального образования на новые, в т.ч. международные образовательные стандарты и другие факторы значительно повышают степень неопределенности и риска в предпринимательской деятельности [3]. Последнее заставляет работодателей действовать осторожно и на региональном рынке труда, занижая свои реальные потребности в рабочей силе.

Социологическое исследование показало уверенность работодателей в том, что

в 2013 году они сумеют адаптироваться к действию большей части факторов и ограничений на региональном рынке труда, стабилизировать хозяйственную деятельность. Подтверждением такого оптимизма является заявленная ими потребность в рабочей силе до размеров 2011 года (с учетом экстраполяции 22,6 тыс. человек)[4].

Сегодня работодатели стараются активно привлекать иностранную рабочую силу,

относительно более дешевую и в основном используемую для выполнения тяжелого физического и обслуживающего труда. Из заявленных 347 должностей, специальностей и профессий более 2/3 (67,2 %) приходится на рабочие профессии.

Определенное представление о рынке труда юга Тюменской области в разрезе уровня квалификации привлекаемой иностранной рабочей силы дает таблица 1.

Таблица 1

Удельный вес иностранной рабочей силы по сегментам рынка труда юга Тюменской области

№ п/п	Сегменты рынка труда	Численность иностранной рабочей силы	
		человек	%
1.	Неквалифицированный труд	12084	36,2
2.	Малоквалифицированный труд	19895	59,6
3.	Квалифицированный труд	1403	4,2
4.	Итого	33382	100,0

Доля квалифицированной рабочей силы в общем числе привлекаемых иммигрантов составляет всего 4,2 % (специалистов, управленцев, руководителей и т.п.). Заявленная работодателями юга Тюменской области потребность в иностранных работниках в большей мере связана с необходимостью выполнения работ, не требующих квалификации. Местная рабочая сила неохотно берется за их выполнение по причине низкой оплаты, монотонности, тяжести и непрестижности неквалифицированного труда. Эту кадровую нишу призваны заполнить иностранные рабочие, которых условия, содержание труда и трудовой заработок устраивают. В настоящее время 36,2 % всей численности иностранной рабочей силы, привлекаемой в южные районы Тюменской области, заявлено работодателями для привлечения по профессиям, не требующим особой квалификации. В первую очередь это касается подсобных рабочих, грузчиков, уборщиков производственных помещений и территорий, дорожных рабочих, дворников, сторожей и охранников и др.

В общей численности иностранных работников, привлекаемых на юг области, достаточно высок процент малоквалифицированных рабочих профессий (15,3 %). Они

составляют известную конкуренцию местной рабочей силе, правда, по определенному кругу рабочих профессий (продавцы, водители автомобилей, кладовщики, пекари). По остальным рабочим профессиям, не требующим высокой и средней квалификации, заявленная работодателями юга Тюменской области потребность в иммигрантах касается маляров, бетонщиков, монтажников, овощеводов, формовщиков железобетонных изделий и конструкций и пр.

Анализ показывает, что на ближайшую перспективу (2012–2013 гг.) необходимости привлечения иностранной рабочей силы на юг Тюменской области в столь значительном объеме (33,4 тыс. чел.) нет.

Прогнозные показатели численности высвобождаемых работников, незанятых, выпускников учебных заведений начального и среднего профессионального образования свидетельствуют, что реальная потребность в иностранной рабочей силе составляет 14–14,5 тыс. человек. Сегментируя рынок труда юга Тюменской области можно предположить, что подавляющая часть иммигрантов будет привлекаться по рабочим профессиям, связанным с выполнением неквалифицированных или малоквалифицированных работ.

1. Одегов Ю. Г., Руденко Г. Г., Лунева Н. К. Рынок труда. Практическая макроэкономика труда. М. : Альфа-Пресс, 2007. С. 251–262.
2. Рынок труда / под ред. П. Э. Шлендера. – М. : ВЭФЭИ, 2004. С. 110–112.
3. Симонов С. Г., Дурцева А. Г., Махмудова М. М. Управление безопасностью в сфере предпринимательства. Тюмень : ТюмГНГУ, 2012. С.32–33.
4. Симонов С. Г., Дурцева А. Г., Кайдаров М. К. Трансформация развития рынка труда юга Тюменской области // Модернизация экономики регионов России: проблемы, ориентиры и факторы развития. Тюмень : ТюмГНГУ, 2011. С.335–339.

МОРАЛИЗМ ЕВРОПЕЙСКОГО МОДЕРНА*

УДК 17.022

А.В. ПАВЛОВ

5.

Под морализмом имеется в виду самоопределение индивидов и групп в отношении обычаев, традиций и законодательства своей страны, и прежде всего по отношению друг к другу**.

Моральностью с точки зрения субъекта оказывается умение сосуществовать и вести диалог, стремясь к тому, чтобы жить по-человечески достойно, но при этом замечая, что необходимым условием собственного достоинства является признание за другими точно таких же прав на их собственное достоинство. Признание этого права выводит мораль в область диалога и даже полилога, который и становится источником и критерием морали. Открытие этой области и первая оценка ее морального значения, вероятно, принадлежит Ф. Ницше. Он находит происхождение морали в соотношении сильной и слабой воли к власти*** у разных субъектов.

Замечу, однако, что соотношение субъектов неоднозначно и зависит от их ценностных приоритетов. Воля к власти выходит на передний план тогда, когда приоритетом становится доминирование-подчинение, или, как их называл сам Ф. Ницше, мораль господ и мораль рабов. Думается, что такая мораль становится источником политики, которая и обуславливает подмену морали на право.

Непосредственно же моральным оказывается не доминирование-подчинение, а взаимопризнание субъектами существования друг друга в их различии, а не сходстве, их способность допускать пребывание в мире их жизни иной, отличной от них субъективности. Власть и мораль постоянно конкурируют таким образом, что нарушение морали пробуждает политику и право, а нарушение права активизирует в диалоге моральные приоритеты. И мораль, и политика, и право, таким образом, вырастают из архитектуры экзистенциального диалога и связаны с тем, есть ли в нем ведущий и ведомый партнеры и какие между ними отношения: враждебные или комплементарные, является ли диалог отношением равных,

или он с самого начала конструируется монологически односторонне. Политика, исходящая из признания правомерности партнера, моральна, а мораль, вырастающая из его недопустимости, политична. Моральная политика – это ее превращение в площадку для дискуссий; вне морали политика оказывается отношением господства и принудительного подчинения двух моральных субъектов: помещика и крепостного, двух противоположных классов, или власти и народа. Отношения помещика и крепостного, без сомнения, по содержанию моральны уже потому, что они оба – личности, но очевидно, что эта мораль сословная и конструируется вокруг экономического и политического принуждения.

Морализм – это публично заявленная, демонстрируемая и практически соблюдаемая позиция субъекта в общественной жизни, вне зависимости от того, что эта позиция из себя представляет. Она может быть и коллективистской, и эгоистической, и гуманистической, и бесчеловечной. Мораль не следует оценивать как нечто безусловно возвышенное уже из-за ее реального многообразия, но ее всегда можно понять в терминах «конструктивное-деструктивное». Даже в предельных случаях морали праведника и преступника каждая из них негативно оценивает другую либо как ханжество, либо как аморальность, каждая разрушительна для соседа, но воспроизводит собственный социум монастыря или банды.

6.

Так как морализм – жизненная позиция, то он определяется под влиянием этически оцениваемых условий жизни и выражает собою отношение к ним и к своей собственной судьбе. Он провоцируется соседями и частично ассимилирует их взгляды, а частично складывается вопреки им. И именно в качестве такой позиции он становится убеждением и принципом, позволяющим человеку определяться, создавая себе ясную и социально узнаваемую форму. То есть мораль дает

* Окончание. Начало в № 2, 2012.

** Следует согласиться с Л. Фейербахом, считающим: «Где вне Я нет никакого Ты, нет другого человека, там нет и речи о морали; только общественный человек является человеком» [4, с. 457]. У Л. Фейербаха, как верно указывает Р. Апресян [1, с. 670], «общественный» человек является по существу не социальным, а «общающимся», то есть здесь речь идет не об отношении индивида с обществом, а в первую очередь о межперсональном отношении.

*** У Ф. Ницше под моралью подразумевается именно учение об отношениях власти, при которых возникает феномен «жизнь» [3, с. 255].

возможность человеку обрести социальное бытие не индивида толпы, а гражданина своего общества, необходимое для сосуществования людей. Она отчасти налагается воспитанием в общественных условиях, а другой частью, по мере укрепления самобытия, она позволяет самому выбирать форму, принимая или отвергая моральные принципы смежных групп.

В любом обществе есть и «грешники», и «праведники». Они являются таковыми в той мере, в какой узнаются и принимаются в качестве таковых, в какой общество вырабатывает стандарты отношения к ним. Святому надо поклоняться, старших следует уважать, детей – любить, вор должен сидеть в тюрьме, для каждого отдельного случая всегда есть широкий диапазон стандартов от восхищения до презрения. Более того, при появлении новой позиции вырабатываются новые стандарты.

Но главное в том, что позиция, чтобы стать гражданской или нравственной, должна быть заявленной, устойчивой и узнаваемой. Тогда, если человек заявляет о себе как о мусульманине, ему нельзя на обед подавать свинину, если он иудей или адвентист седьмого дня, его не надо заставлять работать по субботам, общаясь с вором, следует беречь карманы и нельзя играть в карты с шулерами. Позиция становится моральной опорой гражданского статуса, а за этим и гражданское общество в целом.

Если же ее нет или у общества нет выработанного стандарта, человек неузнаваем, и непонятно, как к нему следует обращаться. Такая неопределенность сопровождает всю межцивилизационную эпоху до тех пор, пока в ней не начинают вырабатываться позиции.

В социуме мораль – очень тонкий, почти неразличимый механизм, координирующий межсубъектные отношения с целью межчеловеческой и межгрупповой совместимости, как на уровне сознания, так и в глубинах нравственного чувства. Она позволяет распознавать других как «своих» или «чужих», как друзей и врагов именно потому, что моральный человек благодаря позиции делает себя видимым, узнаваемым и предсказуемым в пространстве культуры, в то время как без нее это – анонимное существо, от которого никогда не ясно, чего можно ожидать.

Способность моральной позиции раскрывать тайну анонимного индивида и этим определять человека перед другими сближает ее с религией, хотя полного тождества между ними нет: религия может быть моральной и аморальной по признакам

«своя или чужая», а мораль – религиозной и светской. При этом в той мере, в какой человек определяется, он и участвует в общественной жизни в качестве некоей фигуры, распознанной как человек, а не как стихия. А значит, от его морали зависит мера его участия или неучастия в экзистенциальном диалоге и раздвоение общественной жизни на две сферы – своих и чужих. «Свои» – те, кто узнаваем, и в отношении кого нами достигнута моральная комплементарность, «чужие» же – такие, с кем комплементарность по ряду причин не установлена, либо она только формируется, либо сложилось убеждение о ее невозможности, а значит, они – таинственная величина в «моем» жизненном пространстве. В одном случае угадывается «общество» как противоречивое социальное единство, а в другом – множество разнородных «антиобщественных элементов», которые либо не оцениваются как социальные (напр., сумасшедшие или преступники), либо которым общество приписывает некое чуждое намерение.

Человек распознается прежде всего как моральное существо, на чьей морали и возводится вся постройка субъекта. Моральность фактически оказывается синонимом узнаваемости, а потому она – фундамент, хотя и довольно зыбкий, для общественной культуры. Отношения между людьми в обществе могут быть разными, от пылкой любви до неприкрытой враждебности. Но то обстоятельство, что это отношения именно между людьми, делает возможным рациональный диалог, коммуникацию и моральные ограничения при конфликте, пусть и наподобие международных соглашений о статусе военнопленных или способности придерживаться однотипных стратегий и тактик в противоборстве. Отступление от моральности дает, конечно, отступнику некоторое преимущество, но при этом выводит его за пределы человеческого общества и, более того, за пределы статуса человека. Отступник воспринимается как существо безусловно человекообразное, но чрезвычайно загадочное и в своей таинственности опасное. И тем самым отношения с ним оказываются непримиримыми и накаленными до градуса предельной озлобленности. Отношения с «чужими» являются отношениями не людей, а стихийных сил, т.е. они те самые, какие в советской философии назывались антагонистическими.

Отношение к тем, кого моральное сознание общества не узнает, – это теоретически чистое отношение к объекту. В лучшем случае объект признается как открытие. Но зачастую

«чужой» морально воспринимается как стихия, чье поведение продиктовано животными потребностями, а мышление — причинно-следственными связями, и чья свобода на самом деле непреклонная детерминация со стороны бездушного давления природы. В то время как «свой» признается разумным и свободным человеком, действующим целесообразно. Отношение же морального субъекта к имморальному объекту прагматическое, он принудительно морализует объект, подгоняет его под свои стандарты, превращая этим в комфортное для себя условие, безразлично, является ли объект природным явлением, человеком или чужим народом.

Тривиально, что мораль релятивна, она зависит от субъектов, как от индивидов, так и от социумов: что для одного морально, для другого может оказаться аморально. Но ее релятивизм не следует возводить в абсолют. Единство социума предполагает нравственное единство, не обязательно сходство, но в любом случае взаимодополнимость, как дополняют друг друга разные профессии и социальные роли. Это единство, выражающее социальную целостность в виде продукта множества личных связей и границ пространства, где они существуют, становится в итоге базовой ценностью для всех, а значит, и критерием моральных оценок.

Конечно, на противоположных полюсах общественной жизни всегда есть моральная несовместимость «своих» и «чужих». Мораль, право и политика — динамичная игра приоритетов и акцентов, они то и дело меняются местами, один и тот же поступок в зависимости от случайного совпадения условий может быть и моральным, и политическим, критерием их различия становится только личная совесть, допускающая или не приемлющая цинизм обстоятельств. Но общественное здоровье означает множество промежуточных звеньев, благодаря чему можно установить опосредованную связь между, казалось бы, антагонизмами. Отсутствие таких переходов указывает на глубокий раскол и начало межцивилизационного кризиса. Когда возникают две несовместимые системы нравственности, они вступают друг с другом в конфликт.

7.

Формирующаяся социокультурная субъективность неизбежно получает моральную окраску. Но здесь мораль формализуется, и вместо живого, зачастую интуитивно-нравственного отклика на происходящие события, она превращается в систему этических предписаний социума. Именно тут,

в формальной морали социокультурного субъекта появляется долг как особая ценность, созвучная с экзистенциальным смыслом жизни. Долг становится тем фактором, какой перегруппирует моральные ценности и меняет их содержание, превращая этим социальную значимость морального поступка в социальное дело и даже в задание: «Поступай так, чтобы...». И мораль из диалога превращается в монолог социума, направленный на индивида.

Причастность к формальной морали характеризует человека как цивилизованное существо, способное смирить порывы своей индивидуальности и направить ее энергию по социальным каналам. Либо же это существо умеет мимикрировать под цивилизованность, лишь внешне принимая ее требования, и тогда этика оказывается этикетом, «политесом», скрывающим за собою цинизм как ценность, полностью противоположную долгу.

Д. Грей обнаруживает это свойство морали в мультикультурных обществах, вынужденных существовать на основах толерантности. Толерантность, конечно, неизбежное следствие релятивизма, но и она имеет глубокое моральное содержание, когда, руководствуясь долгом, устанавливает себе границы, в которых многое допустимо, но некоторые вещи все-таки неприемлемы. Как отмечает Д. Грей, имеется и «более радикальная форма толерантности, а именно — безразличие. ...Безразличие как радикальная форма толерантности применимо везде, где существуют несовместимые концепции благой жизни» [2, с.64].

И тогда традиционную мораль, сводящуюся в конечном счете к умению жить в соответствии с обычаями и традициями, в социальном саморегулировании вытесняет формальное право, безразличие же становится главным признаком независимости закона, а цинизм превращается в характеристику объективности политики.

Стержень души, существующей в рамках морали, определяет ее между личным смыслом жизни и высшим (надличностным) долгом. Долг развертывает систему формальных ориентиров, которые осмысляются и корректируются каждой отдельной личностью по-своему, а многообразие жизненных смыслов через полилог создает формальный долг и как осознанную цель, и как лично угадываемые границы жизненного пространства. В нем все и всё является «своим», узнаваемым, и в нем присущее каждому человеку чувство «свойскости», своеобразного братства или родства полагается в основу обычаев,

то есть привычного образа жизни, допустимого в пределах всего этого пространства. И тогда американец или русский из захудалого городка не растеряется ни в одном мегаполисе своей страны, он быстро угадает за суетой столиц привычные ему стандарты.

8.

Посредниками, позволяющими смыслу жизни трансформироваться в долг и обратно, выступают личная обязательность и социальная ответственность. И поэтому мораль тесно связана со свободой субъекта и причинно-следственной обусловленностью объекта.

Субъект, в первую очередь, это — человек, стремящийся контролировать условия собственной жизни, а объект — всё, что угодно, но в том аспекте, в каком его условия существования контролируются какой-нибудь внешней силой, будь то законами природы, обществом, патронажем власти или уличным грабителем.

Субъект способен быть моральным лишь в силу своей свободы, а его моральность означает его обязательность, помимо свободы он уже не субъект, но объект морали, навязываемой ему.

Обязательность же субъекта сопряжена с волей и долгом, она является его самоограничением перед лицом других, добровольно возложенными на себя обязательствами, которые он непременно исполняет, не смотря ни на какие препятствия. И только через обязательность он становится гражданским субъектом. Врач обязан лечить, учитель обязан учить, полицейский — охранять закон, артист — играть роль, рабочий — стоять у станка. Их обязательность делает их равноправными гражданами и своими среди своих, их диалог трансформируется в договорные отношения, в которых фиксируется взятое на себя обязательство.

Собственно говоря, эти добровольно взятые обязательства перед другими и делают субъектов субъектами, то есть теми, кто ответственен как за воспроизводство общества, так и за все его критические изменения. Субъект действует, его отличает свободный и целенаправленный поступок, в то время как все остальные попросту живут, не испытывая никакой нужды ни в поступках, ни в их культурных последствиях.

Обязательность как долг становится условием взаимного доверия различных, но дополняющих друг друга субъектов. Без доверия же нет диалога. При этом не так уж важно, чему именно субъекты друг в друге доверяют, взаимная дружественность не более значима, чем и взаимная

враждебность. Дружба предполагает один тип взаимоотношений, вражда — другой тип, но они обе в равной степени требовательны и создают обоюдную систему социальных стандартов и правил, обеспечивающих возможность диалога, компромиссов и договоренностей.

И дружба, и вражда возможны только между своими, в конечном счете, между людьми, между чужими их не бывает. Вряд ли стоит оценивать биологические отношения козы и капусты или физические отношения позитрона и электрона в категориях дружбы и вражды. Если нет стандартов, то нет и моральных отношений, есть взаимодействие обоюдно нераспознанных стихийных сил, доверие между которыми изначально невозможно. И в этом случае стоит говорить лишь об объективных законах, детерминирующих физическую природу, а не о правилах цивилизованных отношений между людьми, обладающими субъективностью и сознанием.

Обязательность не исключает свободы, но является ее порождением. Перед каждым субъектом в каждом поступке всегда скрыта проблема соблюдения обязательств и отказа от них. Рабочий может бросить инструменты, учитель — не прийти на урок, врач — отказать больному в приеме. Свобода в таком случае получает моральную окраску, а мораль — либеральные коннотации. Но отказаться от обязательств можно из безответственности, а можно и по соображениям долга, когда принятые обязательства перестают соответствовать смыслу жизни и новым представлениям о границах «моего» социального пространства. Гражданин США или России может обнаружить себя в контексте не страны, а Человечества, Вселенной или даже пережить Божественное присутствие в душе. И тогда его обязательства перед городом и страной меркнут.

Свобода является источником развития морали, и общественная культура, частью которой, выступает мораль, становится непрерывно волнующимся морем.

Социальная ответственность — другой посредник между смыслом жизни и долгом. Ее источник не человек, а социум как целое. В отличие от обязательности, ответственность делает человека объектом, взгляды, оценки и поступки ему предписываются, а не свободно принимаются.

Ответственность неотрывна от обязательности и свободы, если это ответственность за свои дела перед совестью. Но только ответственность перед обществом, народом, государством и прочими

вторичными надындивидуальными образованиями, без добровольно взятых на себя обязательств характеризует формальный долг, чье содержание может варьироваться личным смыслом в безграничных пределах. Так, долг перед страной может заключаться и в защите власти, и в ее ниспровержении для обновления общества и укрепления его жизнеспособности.

В конечном счете, морализм требует признания каждым человеком за всеми другими права быть самими собой и отставание такого же права для себя. А такое признание означает межчеловеческое взаимоприятие, взаимное доверие, взаимную ответственность и обязательность, из чего и вырастает комплементарность индивидов как мыслящих существ.

9.

Европейский морализм эпохи модерна унаследовал от Средневековья идею долга как отношения к Высшему, но изменил содержание и смысла жизни, и долга, и Высшего. Средневековое Высшее — Бог — к XVIII веку был переосмыслен и принял обезличенный вид Природы и Мирового Духа германской философии.

Потом Высшее приняло облик нации и государства. И долг, и смысл жизни закрепились за служением этим надличностным субъектам. На переднее место в системах ценностей вышли патриотизм, национализм и служение власти. А когда были сформулированы материальные законы общественного развития, они стали программой целенаправленного низведения человека до уровня дрессированного государством животного.

Затем Мировой Дух и Природа слились в общем понятии материи, и отношение к Высшему из религиозного окончательно стало естественнонаучным, в практике означающим активное преобразование природы и ее экологическую защиту. Но это отношение полностью сложилось лишь ко второй половине XX века.

В этом качестве и долг, и смысл жизни были лишены экзистенциального содержания, то есть фактически уничтожены, превратившись в формальное соблюдение надиктованных правил под угрозой юридических и политических санкций. В культурах, например, СССР и Германии 30-х гг. они перестали существовать, хотя и не исчезли из человеческих душ тех русских и германцев, кто в себе эту душу сохранял. Факт существования живых людей среди множества персонифицированных социальных

функций, бытия поэтов, писателей, священников, философов, диссидентов, не всех, но тех, кто остро реагировал на обстановку в своих странах, — придавал культурам драматическую окраску.

Тоталитарные режимы XX века с их социально-национальным диктатом были высшим и предельным постмодернистским вырождением модерна не только в России и в Германии, но и, хотя в меньшей степени, в культурах Франции, Англии, США, по мере их национального самосознания и развития в них институтов тоталитаризма. И не важно, в чем выразался тоталитаризм: в диктатуре КПСС, как в России, или в диктатуре Закона, как в США, в любом случае, это диктат социума над человеком и метанарратива над индивидуальной субъективностью и здравым смыслом.

Тоталитаризм позволяет добиться всеобщей образованности масс, но препятствует креативности индивидов, из которых массы состоят. Он способен всесторонне развернуть и воплотить в общественную практику самые передовые достижения науки, но только те, какие достигнуты к его времени. Творчество же как исключительно личное таинство он ликвидирует, вместе с этим останавливая и общественное развитие. Он ликвидирует даже творческий потенциал общественных лидеров и руководителей, вынужденных в конечном итоге подчиниться созданной ими системе. Он создает единый социум, обладающий гигантской инерцией, который не может сдвинуть с места никакая воля, а значит, уничтожает и саму волю к переменам. Единственная перспектива тоталитарного общества — деконструкция до уровня индивидов и возврат к демократии, то есть самораспад.

Европейский морализм оказывается рациональным прагматизмом свободного и креативного субъекта, чья жизненная позиция заключается в установлении комплементарных отношений с другими субъектами и совместной с ними гуманизации объективной реальности, ее превращении в приемлемое условие существования субъектов. Различие между демократической и тоталитарной моралью проходит по линии разного понимания онтологии субъективности: кто является действительным субъектом общественной жизни: человек или само общество, и каково реальное соотношение в человеке индивидуальности и коллективности, построена ли социальность людей на их комплементарности или единообразии, воля к какому из этих двух ориентиров доминирует.

10.

Морализм, благодаря присущей ему обязательности, побуждает индивидов к самоопределению в качестве субъектов или объектов и превращает субъектов в фокусы, вокруг которых начинает вращаться сконфигурированная ими общественная жизнь. С этого момента уличная толпа межцивилизационной эпохи начинает формироваться в полифокальный социум, состоящий из множества маленьких социумов семейного типа: кланы, малочисленные партии, уличные группировки, коллективы маленьких частных предприятий и т. д.

Между социумами начинается диалог, в центре которого находится диалог между их субъектами. И вот здесь социальное формирование раздваивается, в зависимости от моральной силы, от степени равенства взаимодействующих субъектов и от унаследованных ими от предшествующей цивилизации и от соседей моральных образцов. Если им предзадано равенство и паритетные отношения между субъектами, то наиболее вероятно демократическое развитие. Если же их предобуславливает самодержавие, то чтобы свернуть с этого направления в сторону демократии, им приходится ориентироваться не на свое историческое наследие, а на демократически настроенных соседей. Люди, сызмальства привыкшие к покровительству, склонны к тоталитарной морали и к воспроизводству самодержавия.

В результате формируются либо демократические, либо самодержавные и экономика, и политика, и право. В обоих обществах, безусловно, существует социальное неравенство и конкуренция. Но они настолько разнотипны, что порою не признают обоедного родства. С одной стороны — экономическая и политическая конкуренция независимых друг от друга субъектов, нацеленных на обладание условиями собственного бытия, и неизбежное отсюда верховенство формального права, его понимание как границ субъективной

свободы и моральный авторитет суда, называемый его «независимостью». С другой стороны — «властная вертикаль» и конкуренция, нацеленная на политическую карьеру, замена формального права содержательными распоряжениями, подкрепленными не силой закона, а более высокими этажами политической иерархии, и превращение суда в инструмент политической воли.

И самое главное, социальное расслоение демократического общества имеет экономический характер, а самодержавного — сословно-политический. Попытки перенести категории и критерии социологии демократического общества на самодержавное представляются неправомерными. Низший, средний и высший классы в условиях самодержавия зависят не от их экономического благосостояния, а от их положения в сословной иерархии. Так, в XIX веке разорившийся помещик стоит неизмеримо выше собственного богатого крепостного. В XX веке инструктор аппарата ЦК КПСС безусловно относится к высшему классу, сравнительно с рабочим, хотя некоторые рабочие (дальбойщики, бурмастера в нефтегазодобыче, вертолетчики северных регионов Тюменской области и т. д.) зарабатывали значительно больше инструкторов.

Морализм европейских цивилизаций в конечном счете связан с господствующим типом их субъективности, либо это индивиды, либо социум как целое, оформленный политической волей и институтами. И оба типа морали обуславливают осознание легитимности-нелегитимности общественного строя и сменяют друг друга, чередуя демократию и тоталитаризм, капитализм и социализм. Для межвременья вполне права молодежная группа «Полумягкие», хотя, думаю, у них это получилось случайно. А на завершающей постмодернистской стадии «акустические морали овердрафта» сменяются «категорическим императивом империи» до тех пор, пока по межцивилизационной эпохе не проплясало второе поколение.

1. Апресян Р. История этических учений. М.: «Гардарика», 2003.
2. Грей Д. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003.
3. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ф. Ницше. Соч. в 2 тт. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
4. Фейербах Л. Соч. Т. 1. М.: Наука, 1995.

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

УДК 141.7

Е.Н. ЯРКОВА

О модернизации в России сегодня написано и сказано немало. Тем не менее, в огромном массиве литературы, посвященной анализу российской модернизации, осталась незаполненная ниша. Речь идет о нравственных аспектах российской модернизации. Выделение таковых основано на убеждении, согласно которому модернизация — это не просто переход от традиционных, аграрных форм социально-экономического бытия к современным индустриальным и постиндустриальным. Модернизация, в первую очередь, — это нравственная метаморфоза. Как представляется, для понимания сути этой метаморфозы целесообразно выделить три типа нравственности, обобщающие и систематизирующие многообразие нравственной культуры человечества: традиционный, утилитарный и креативный. Традиционный тип нравственности имеет в своей основе принцип подчинения авторитету традиции, он нацеливает человека и общество на пролонгацию сложившихся традиционных форм жизнедеятельности. Утилитарный тип нравственности зиждется на принципе пользы, который ориентирует человека и общество на поиск ситуационно эффективных форм жизнедеятельности. Наконец, креативный тип нравственности полагает в свое основание принцип самоорганизации, нацеливающий общество и человека на формирование отвечающих сложившемуся многообразию и сложности мира масштабных стратегий социально-экономического бытия. Модернизация в нравственном контексте есть переход от традиционного типа нравственности через утилитарный к креативному. Особую роль в этом процессе играет нравственность утилитарного типа. Именно утилитаризм является исходным мотивационным импульсом модернизационных процессов. Актуализация в обществе утилитарного идеала пользы (блага) человека рождает установку на рост материального и социального благосостояния, что и активизирует инновационный поиск. Вся сложность проблемы заключается, однако, в том, что не всякий утилитаризм инициирует инновационную активность человека, общества. Утилитаризм внутренне неоднороден, можно выделить два основных типа утилитаризма, отличающиеся друг от друга устанавливаемыми ими

способами достижения благосостояния — экстенсивный и интенсивный.

В рамках утилитаризма экстенсивного типа основным способом увеличения объема благ представляется их наращивание за счет перераспределения, присвоения, накопления уже существующих благ. Непроизводительные экстенсивно-утилитаристские стратегии достижения благосостояния могут носить коллективистский, уравнилельно-распределительный, полагающий в качестве высшего блага «блага общества», «общественный интерес», или индивидуалистский, разделительно-присваивающий, утверждающий в качестве высшего блага «благо индивида», «частный интерес». Потребительская доминанта экстенсивно-утилитаристской нравственности исключает саму возможность формирования в ее пространстве идеи баланса общей и индивидуальной пользы, диалога частного и общего интересов.

Утилитаризм интенсивного типа основным способом наращивания благ утверждает развитие технологий благопроизводства, повышение эффективности производственной деятельности. В его смысловом пространстве складывается представление о контрпродуктивности односторонних коллективистских или индивидуалистских трактовок высшего утилитаристского блага; постепенно формируется представление о взаимозависимости, взаимообусловленности частных и общих интересов, обусловленности всеобщей и индивидуальной пользы. Реализация частных интересов рассматривается как единственно продуктивный путь реализации всеобщего интереса, вместе с тем всеобщая польза квалифицируется как важнейшее условие и значимый элемент пользы индивидуальной.

Граница между экстенсивным и интенсивным типами утилитаризма — важнейший рубеж в развитии культуры и общества, в сущности, его преодоление означает переход от статичной парадигмы существования к динамической, от традиционалистского проекта социального бытия к модернистскому. Содержит ли экстенсивный утилитаризм стимулы к такого рода переходу? Несомненно, да. Интенсивный утилитаризм возникает вследствие преодоления основного противоречия экстенсивного

утилитаризма — противоречия между потребностями в получении благ и потребностями в их производстве. Однако путь от экстенсивного утилитаризма к интенсивному — это не автоматическая смена форм, обусловленная простым количественным накоплением утилитарных смыслов. Интенсивный утилитаризм — продукт рефлексии, он рождается в процессе «снятия» противостояния двух разновидностей экстенсивного утилитаризма — коллективистского уравнилельно-распределительного и индивидуалистского разделительно-присваивающего. Взаимная корректировка, синтез двух разнонаправленных потребительских экстенсивно-утилитаристских стратегий — конкурентной и кооперативной — становится источником новой производительной стратегии — интенсивного утилитаризма.

Очевидным представляется тот факт, что вследствие такого рода внутриутилитарного качественного сдвига в западной культуре приоритетные позиции занял утилитаризм интенсивного типа. Соответственно, модернизация западных обществ носила достаточно органичный характер. В России динамика утилитаризма приобрела волнообразный характер: периоды подъема сменялись периодами спада и, хотя общая траектория развития имела восходящий вектор, преодолеть качественный рубеж так и не удалось. Соответственно, модернизация в России приобрела точечный, анклавный характер, процессы модернизации пересекались с процессами архаизации. Выявление причин заикливания русской культуры на экстенсивных формах утилитаризма сегодня представляется сверхактуальным, что обусловлено в первую очередь актуальностью проблемы модернизации российского общества.

Взлеты и падения утилитаризма в нравственной культуре России

Первые ростки утилитаризма как формы нравственности появляются в русской культуре задолго до начала модернизации. Элементы утилитарной нравственности формируются в глубинах языческой культуры древних славян. А. С. Ахиезер, например, пишет: «Утилитаризм, возможно, возник из жертвы идолу, из веры в его способность ответить на жертву увеличением благ, которые он предоставляет людям» [1, с. 520–527].

Заметным свидетельством реализации основанного на принципе практической пользы утилитарного императива становятся появление эксплуатации, имущественного неравенства,

социального расслоения, ремесла, торговли, урбанизации. В утилитарные тона окрашена эпопея становления первого русского государства. Утилитарная логика с присущим ей ценностным релятивизмом и практицизмом, способностью отвергать и использовать любых богов во имя блага государства определяла специфику «русского пути» в пространство осевого времени. Христианство выступало прежде всего как средство решения социальных проблем. В целом общая фабула процесса «утилитаризации» культуры языческой Руси внешне была подобна аналогичным процессам других культур, цивилизаций: возникая в лоне культурной архаики, утилитаризм постепенно разлагал изнутри архаичную культуру, внося в ее пространство новые элементы. Тем не менее, под внешней универсальностью процесса «утилитаризации» культуры языческой Руси скрывались некоторые специфические черты. Важнейшая из них — асинхронность и диспропорциональность развития утилитаризма масс и правящей элиты. Локальные крестьянские миры оставались во власти архаичных представлений. Дух стяжательства, жажда богатства почти не проникали в толщу народной культуры. Низкий стандарт жизни, аскетизм быта обуславливал специфический минималистский тип трудовой этики, ориентированный на удовлетворение самых скромных запросов. Неприязненное отношение к инновациям, жесткое подчинение обычаю свидетельствовали о подавляющей роли традиционализма в крестьянской культуре. Значительно более «утилитаризированной» была правящая верхушка, представители которой, по словам Карамзина: «...грабя Империю, где царствовала роскошь, узнали новые удовольствия и потребности...» [1, с. 520–527]. Воспринятые извне вкус к роскоши и комфорту стимулировали стремление к обогащению, вызывали к жизни новую потребность — потребность наращивания благосостояния. Однако рост благосостояния понимался ограниченно — ставка была сделана не на производство желаемых благ, но на их приобретение путем эксплуатации, обмена, торговли. Русская внешняя торговля периода первых Рюриковичей — это торговля либо транзитная — «из варяг в греки», либо торговля продуктами, добытыми у природы, а не произведенными. Таким образом, утилитаризм правящей элиты отливается в умеренные, непроизводительные формы. Ограниченное понимание блага, сведение этого блага к сиюминутной личной пользе

оборачивается разрушительными последствиями для всего общества: ослаблением и распадом Киевской Руси, выматывающими силы междоусобными войнами, трехсотлетним татаро-монгольским игом. Понятно, что такие условия не создавали возможностей качественного роста утилитаризма.

Следующий всплеск утилитаризма связан с эпохой становления и укрепления русской монархии. Динамика утилитаризма в этот период была обусловлена двумя основными факторами: отношением господствующей религии — православия — к утилитаризму и характером взаимодействия утилитаризма народных масс и правящей элиты. Православие в целом принадлежит к числу религий, минимизирующих значение утилитарного телесно-душевного блага в жизни человека. Антиутилитарный пафос православия питался созданной в рамках восточно-христианской духовной традиции идеей потустороннего Бога, закрепленной в догмате об исхождении Духа Святого только от Отца. Утверждаемое православной нравственной доктриной отрицание посюсторонних смыслов бытия как ложных, греховных, обесценивание повседневности, мирской активности превратилось в важнейший механизм блокирования развития утилитаризма в русской культуре. Вместе с тем различные социальные формы православия значительно отличались друг от друга. Благодатной почвой для прорастания антиутилитарных идеалов православия стала народная религия, в рамках которой в качестве идеальной модели праведной жизни утверждается образ монашеского общежития — киновии. Общая собственность и общее трудничество, культ опрощения и аскетизм, почитание бедности и осуждение богатства, пресечение гордыни и проповедь смирения, эсхатологическое упование на наступление Царства Божьего, убеждение, что все самое главное впереди — вот основные идеи монашеского общежития, наложившие отпечаток на ментальность российского крестьянства.

Иной вариант мирского православия являла государственная официальная религия. Органичной частью этой формы православия была утилитарная по своей сути идея блага государства. Особенно широкую моральную санкцию идеям государственного утилитаризма давало учение «осифлян», ставшее господствующим течением в официальной идеологии на длительный период существования российской монархии. В интерпретации идеолога «теократического абсолютизма» (идейно-политического союза, «симфонии» церкви и государства)

Иосифа Волоцкого идеалы государственной пользы облекались в своеобразную форму православной государственной аскезы. «Иосиф готов был считать торжество московских государственных порядков торжеством самой церкви и содействовал ему всеми возможными средствами», — писал П. Н. Милюков [3, с. 36]. В целом монотеизация России не только не уничтожила разрыв между уровнями утилитаризации народных масс и правящей элиты, но, напротив, способствовала его увеличению. Вдохновляющая правящую верхушку идея блага государства для крестьян как носителей «догосударственного сознания» (Ахиезер) была абстрактной, отвлеченной. Крестьянству в его основной массе была чужда идея наращивания блага; максималистский, ориентированный на прибыль тип этики труда не получил заметного распространения в крестьянской среде. Так возникало трудно разрешимое противоречие между новыми возросшими потребностями государства и архаичной культурой крестьянского хозяйства. Выход из сложившегося затруднения правящая элита находит во внеэкономическом принуждении, которое получает форму закрепощения. Внеэкономические формы принуждения, в свою очередь, не только не способствовали развитию утилитаризма крестьян, но, напротив, чрезвычайно его тормозили. Складывался замкнутый круг, в движение по которому русская культура будет втянута на протяжении всего своего исторического пути.

Первой кульминацией в истории развития утилитаризма в России стала Петровская эпоха. Этот период отмечен превращением утилитаризма в высшую ценность и основу государственной идеологии. Важнейшая примета эпохи Петра — секуляризация государства и культуры в целом — являлась свидетельством этого наступления утилитаризма на традиционализм. Целью Петровских церковных реформ была необходимость моральной автономизации государства от церкви, подчинение его деятельности не религиозным, но утилитарным принципам. Превращение высшего органа управления церковью, получившего впоследствии наименование Священного Синода, в бюрократическую инстанцию, подотчетную императору — наглядное доказательство этой смены приоритетов. Монархия Петра I вдохновлялась типично утилитарными целями «попечения о всеобщем благе подданных, чтобы они более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние». Однако представления об «общем благе»

великого русского реформатора носили специфический этатистский, ограниченный идеей государственного блага характер. Пафос петровского утилитаризма питался исключительно идеями государственной пользы: рост военного могущества страны, повышение ее международного авторитета, расширение территории, развитие промышленности и торговли, обеспечение безопасности границ и целостности страны – вот основные задачи петровских реформ. Этот перечень благ, которыми необходимо было возобладать в кратчайший срок, не учитывал «человеческий фактор». Крестьянство рассматривалось правящей элитой как человеческий материал, как средство достижения государственного блага. Расчет был сделан не на развитие инициативы масс, а на покорность и повиновение. Таким образом, закреплялись их инертность, косность, консерватизм. Самым большим пороком петровской модернизации было усилившееся в период Петровских реформ крепостничество.

Собственно говоря, необычайный всплеск утилитаризма в Петровскую эпоху был обусловлен не столько неудовлетворенностью качеством жизни масс, сколько неудовлетворенностью состоянием государства, осознанием его политической, военной, экономической слабости, неспособности соперничать с ведущими государствами Европы. Именно в русле этой неудовлетворенности родилась идея развития, изменения, усовершенствования различных сфер государственной жизни. Вместе с тем представления о государственном развитии первого императора России носили ограниченный характер – концентрируя свое внимание на совершенствовании средств, реформатор оставлял за пределами своих интересов изменение целей, высших ценностей, соответственно, ставка была сделана не на стимулирование почвеннической инициативы, но на заимствование готовых образцов деятельности. В сущности, такая преобразовательская тактика несла в себе значительную долю традиционных смыслов, например, веру в иностранный разум как источник более продуктивных образцов жизнедеятельности. Принцип редукции частного интереса к государственному на языке идеологии артикулировался как идея патриотического служения Отечеству. Эта идея обладала большой мобилизующей силой, она отвечала самому строю русской хозяйственной культуры, мобилизационный характер которой берет свое начало в традициях экстремального, нерегулярного труда

архаичной русской крестьянской общины. Идея патриотического служения Отечеству, предполагающая полную самоотдачу, самозабвение, несомненно, давала положительные результаты, однако они не могли быть продолжительными, поскольку эта идея не могла заменять иных экономических утилитарных форм стимулирования деловой активности. Это достаточно хорошо можно увидеть на примере реформ Петра, культурный эффект которых при всей их противоречивости был значителен, однако догнать Европу не удалось, более того, вслед за реформами наступил застой, спад.

Следующая волна «утилитаризации» русской культуры связана с серединой XIX – началом XX вв. Ситуация, сложившаяся в русской культуре этого периода может быть определена посредством введенного А. Ахизером термин «застревание». Пунктом этого «застревания» стал переход от экстенсивных форм утилитаризма к интенсивным. «Застревание» между двумя формами утилитаризма означало «застревание» между феодальным и капиталистическим типами экономики, между сословным и классовым типами социальной стратификации, между традиционным и гражданским типами общественного устройства и, наконец, между монархическим и демократическим типом государственной власти. В исследованиях о России можно обнаружить множество замечаний по поводу этой полубуржуазности, полуфеодальности России XIX века.

В рамках массовой культуры осмысление путей достижения жизненного успеха по-прежнему лежало в сфере приобретательских, но не производительных ориентаций. Из фольклорных источников этого периода явствует, что земледельческий труд, а также работа фабричного рабочего не входили в перечень выгодных, несущих успех деяний. Основным тормозом обуржуазивания деревни по-прежнему были уравнилельные коллективистские идеалы общинной жизни, христианские добродетели, которые гасили вспышки утилитаризма экстенсивного типа. Ситуация значительно изменяется во второй половине XIX – начале XX вв., когда процесс развития утилитаризма начинает стимулироваться правящей элитой. Эпохальным событием в истории развития утилитаризма в России стали реформы П. А. Столыпина. Однако утверждение института частной собственности в деревне «декретом сверху» имело неоднозначные результаты. Часть крестьян взяла курс на выделение из общины и развитие индивидуального хозяйства, другая часть, причем большая, не только

категорически отказалась расстаться с общиной, но встала в оппозицию отрубщикам и выделенцам. Летопись реформы стала летописью ожесточенной борьбы носителей разных форм утилитаризма. Победу в этой нелегкой борьбе одержали общинники — носители нравственности утилитаризма экстенсивно-коллективистского типа, что было закономерным итогом не только их численного преимущества, но и, условно говоря, идейной зрелости; ценности утилитаризма экстенсивного типа были освоены, систематизированы, вписаны в систему традиционных норм. Отрубщики и выделенцы не имели столь цельной, оформленной программы — новые идеалы едва заявили о себе в русской массовой крестьянской культуре.

В XIX веке происходят значительные метаморфозы утилитарной нравственности правящей элиты. Это проявляется в первую очередь в расширении ее ценностно-смысловых интенций. Принцип блага государства наполняется новым содержанием, рождаются новые его интерпретации как блага подданных, народа, наконец, пробиваются ростки идеи блага человека. Собственно говоря, тенденция расширенного понимания блага государства как «блаженства» подданных, благополучия граждан зарождается еще в период правления Екатерины II. В конце XIX — начале XX вв. эта тенденция становится еще более заметной — в указах, постановлениях, манифестах появляются идеи усовершенствования жизни народа, улучшения условий его существования. Приметой государственной жизни второй половины XIX — начала XX вв. становятся социальные программы, ориентированные на развитие просвещения, здравоохранения, повышение материального благосостояния народа, появляется социальный институт земства. Идея интенсификации и рационализации хозяйственной деятельности становится сначала скрытым, а затем и явным лейтмотивом реформ XIX — начала XX вв. Реформы С. Ю. Витте и П. А. Столыпина можно считать вершиной развития утилитаризма правящей элиты досоветской России. Важнейшим показателем «утилитаризации» правящей элиты стала критика ее идеологами общинных форм жизнедеятельности. Эта критика была конструктивной — сопровождалась широкой пропагандой новых начал в сельской жизни. Вместе с тем критика общинных начал народной жизни содержала в себе зародыш критики самодержавия, поскольку эти две формы социальной организации имели общую, традиционалистскую ценностно-смысловую основу. Таким образом,

реформы, изначально мыслимые как средство укрепления самодержавной власти, постепенно оборачивались средством ее разрушения. Развитие утилитаризма было прямо пропорционально деградации традиционализма. Однако этот процесс был половинчатым, т.е. традиционалистские формы не сдали свои позиции, равно как утилитаристские не утвердились во всей своей полноте.

Советский период ознаменован рождением нового социокультурного варианта утилитаризма, который условно можно обозначить как социалистический утилитаризм. Социалистическая нравственная доктрина являла собой некоторую особую, специфическую разновидность утилитаризма. Если отбросить частности, можно констатировать, что социалистический утилитаризм представлял собой уникальный феномен эклектического соединения элементов утилитаризма экстенсивного и интенсивного типов.

Роль основания в его сложной смысловой конструкции играла одна из разновидностей утилитаризма экстенсивного типа — коллективистская, уравнилительно-распределительная, полагающая в качестве высшего блага «благо общества». Концептуальное оформление эта исходная смысловая позиция находит в теории слияния частного и общественного интересов, согласно которой противоречия между индивидом и коллективом, благом человека и благом народа в бесклассовом обществе полностью преодолеваются, поскольку происходит слияние личных и общественных интересов. При этом оговаривалось, что в условиях переходного от капитализма к социализму периода, когда еще сохраняется различие общественных и личных интересов, принцип коллективизма требует приоритета первых над вторыми, если между ними возникает противоречие. Фактически в рамках социалистического утилитаризма аннигилировалась идея индивидуальной пользы, частного интереса во имя идеи всеобщей пользы, общественного интереса.

В роли вершины выступали смысловые элементы утилитаризма интенсивного типа, в частности, достигательные ценности, облаченные в форму «социалистического соревнования», «великого почина», «научно-технической революции» и т.п. Собственно говоря, идеологи социализма пытались, и не безуспешно, выжать энергию достигательности из самой уравнилительно-распределительной идеи, в частности, важным рычагом активизации масс выступала

идея классовой борьбы, которая превращалась в важнейший механизм интенсификации производственной деятельности, призванный инициировать прорыв от минималистской к максималистской этике труда. По замыслу большевиков источником производственного энтузиазма и трудового героизма, компенсирующим отсутствие личного интереса, должен был стать дух конкуренции с миром капитализма, стремление «добить капитализм экономически».

Социалистический утилитаризм представлял собой крайне антиномичную смысловую конструкцию. С одной стороны, абсолютизируя одну из разновидностей утилитаризма экстенсивного типа — коллективистскую, уравнилельно-распределительную и, соответственно, дискредитируя другую — индивидуалистскую, разделительно-присваивающую его разновидность, он исключал саму возможность синтеза двух экстенсивных форм утилитаризма, соответственно, становление его интенсивной формы. С другой стороны, социалистический утилитаризм призван был насаждать и активно продвигать некоторые стратегии утилитаризма интенсивного типа, в частности, достижительные идеалы. В определенном смысле социалистический утилитаризм должен был сыграть роль, подобную той, что сыграла на Западе этика протестантизма. Однако если протестантская этическая концепция профессионального призвания зиждилась на идее религиозного индивидуализма — личного спасения, залогом которого являлся бескорыстный, угодный Богу и направленный на благо общества труд, то социалистическая этическая концепция трудового героизма не содержала сколь-нибудь весомых аргументов в пользу пробуждения личной заинтересованности, более того, она была направлена на подавление личного интереса. Если учесть тот факт, что принцип пользы общества не противоречит принципу пользы индивида, то возникает закономерный вопрос — чем же был вызван столь радикальный антииндивидуализм? Для понимания истоков этого явления необходимо ответить на вопрос: чьи реально интересы призван был защищать социалистический утилитаризм?

Изучение истории советской России показывает, что движущей силой социалистической индустриализации служили интересы государства, партийной элиты, которая объявляла себя выразительницей интересов народа. Идея «блага народа» имела декларативный смысл, она выполняла функцию социального регулятора, призванного

нейтрализовать всякие попытки артикуляции иных, кроме государственного, интересов. Реальной силой, несущей в таком раскладе угрозу сложившейся иерархии интересов, мог быть только частный интерес. Именно поэтому государство и партия объявляют поход против всех проявлений индивидуализма. Принцип частной пользы квалифицировался как антиидеал, как проявление мещанства. Антитезой мещанству служил своего рода советский аскетизм — забвение повседневности, низкая культура быта, невысокий статус семейно-родственных привязанностей. Парадоксальным образом социалистическая идея построения общества всеобщего благоденствия соединялась с проповедью всеобщего воздержания и массового аскетизма, которые на языке советской идеологии закреплялись при помощи идеологемы «культура разумного потребления».

Идея слияния личного и общественного интереса, подкрепленная положением, согласно которому общественный интерес призвано выражать государство, являлась зримым воплощением присущего в целом реальному социализму принципа редукции частного и общественного интересов к интересу государства. Насаждение социалистического утилитаризма в массы было действенным способом превращения народа в послушного исполнителя воли государства и партии, следовательно, утверждения государственных интересов как ведущих. В сущности, социалистический утилитаризм был искусственно сформированной, лишенной механизмов саморазвития нравственной утопией. Как этическая теория он создавался не столько на основе анализа, обобщения и развития некоторых обыденных форм нравственности, сколько на основе идеологической инженерии, оторванного от понимания закономерностей человеческой нравственной природы виртуального конструирования абстрактной схемы, соединяющей уравнилельность и достижительные ценности. Моральным героем социалистического утилитаризма был некий искусственный «альтруистический человек», лишенный эгоистических интересов, движимый исключительно жадой общественно-полезной деятельности, рассматривающий государственный интерес как личный. В силу своей искусственности и внутренней противоречивости социалистический утилитаризм по определению не мог «произрасти» из глубин массовой нравственной культуры, его необходимо было насадить, подобно новой религии, новому культу, превратить в предмет веры, не подлежащий критике

и рациональному анализу. Стратегия насаждения социалистического утилитаризма получает название культурной революции. Понятие «культурная революция» вводит В. И. Ленин, который рассматривал ее как способ распространения в массах определенного набора ценностей и норм, призванных стать главными ориентирами в деле коллективного созидания нового мира. Продуктом массивного идеологического прессинга стал новый культурно-антропологический тип — советский человек. Конечно, ментальность советского человека не была чистым слепком идеологических канонов. Даже в условиях жесткой идеократии массовая народная культура сохраняла определенную ценностно-смысловую автономию, следовательно, в пространстве нравственно-ментальных установок советского человека оставались зоны, свободные от идеологических формул. В целом *homo soveticus* был паллиатом — наполовину винтиком государственной машины, наполовину независимым частным лицом. При этом «утилитарная эволюция» советского человека носила, условно говоря, прогрессивный характер: аскета и коллективиста все более вытеснял индивидуалист и прагматик. Парадоксальным образом такая метаморфоза во многом была инициирована самой советской властной элитой.

Неэффективность санкционируемых большевистской идеологией моделей деятельности, их низкая продуктивность стала проявляться уже в первые годы советской власти. Например, полная ликвидация экономических стимулов труда в период «военного коммунизма» влекла общий упадок хозяйства, деградацию экономики страны. Отсутствие утилитарной заинтересованности не мог компенсировать «голый энтузиазм», насаждаемый новой социалистической этикой труда. Острая потребность в благих жизнеобеспечения заставляла советскую правящую элиту частично отступать от максималистской антибуржуазности, снимать жесткое табу на некоторые формы деятельности, продуцируемые культурой утилитаризма интенсивного типа. Такого рода отступления квалифицировались как временные, связанные с трудностями переходного периода, однако чем дальше, тем больше утилитаризм интенсивного типа проник в общество всеобщей уравнительности, подтачивая его установки и принципы.

Динамика утилитаризма в постсоветском российском обществе складывается как целая серия микроциклов — метания от интенсивной формы утилитаризма к экстенсивной

и обратно. Впрочем, эти метания нельзя назвать в полном смысле циклами, поскольку они присутствуют едва ли не в каждом решении, каждом историческом деянии, повседневных поступках людей. Привлекательность соблазнов новой жизни не исключает ностальгической тоски по старой, надежной, зачастую идеализируемой жизни. А поскольку рост потребности в новых благах не сопровождается ростом потребности их производства, конфликт между старым и новым не снимается, но воспроизводится в практически неизменном виде.

Ценностно-смысловая фабула постсоветских российских реформ складывалась как невероятное эклектичное переплетение элементов экстенсивного и интенсивного утилитаризма. Весь парадокс этих реформ заключался в том, что насаждение утилитаризма интенсивного типа осуществлялось при помощи стратегий утилитаризма экстенсивного типа. Внимание реформаторов концентрировалось не столько на проблеме изучения культурного климата страны, формировании институтов, соответствующих этому климату, определении масштабных стратегий, стимулирующих развитие ее экономических структур, сколько на внедрении в российскую почву некоторой готовой модели рыночных отношений. Проблема воспитания «промышленного человека», полагающего высшей ценностью активную производительную деятельность, котировалась как вторичная, на первом месте стояли вопросы распределения. Необыкновенная живучесть идеалов утилитаризма экстенсивного типа в определенной мере обусловлена тяготением правящей элиты к нравственным принципам традиционализма (соборности и авторитаризма), которые не потеряли своей власти над умами россиян. Маятниковая форма постсоветского реформаторства является реальным воплощением антиномичной нравственности российской государственной верхушки, которая склоняется то к стратегиям утилитаризма интенсивного типа, то к стратегиям утилитаризма экстенсивного типа. Например, анализ бытующих в этике постсоветского бюрократического мира норм показывает, что ведущие позиции в системе нравственных мотиваций деятельности государственных управленцев занимают отнюдь не достигательные ценности, не потребность созидания, но жажда наживы, стремление к личному обогащению. По данным социологов: «...у многих госслужащих стремительно падает заинтересованность в карьерном росте. Моральный подъем

люди испытывают, скорее от расширяющихся возможностей безнаказанно «подойти» свое рабочее место, нежели законным и заслуженным продвинуться по служебной лестнице» [4, с. 54]. Экстенсивно-утилитаристские установки постсоветской бюрократии вызывают к жизни такую уродливую форму правления как «бюрократическая олигархия», которая возникает в результате сращивания остаточных элементов социализма и примитивного непроизводительного капитализма.

В таких условиях проблема баланса частных и государственных интересов, индивидуальной и общественной пользы остается открытой. В целом, как представляется, попытки синтеза национальной и прагматической идей на уровне государственной идеологии не принесли пока положительных результатов, этот синтез остается делом будущего.

***

Итак, каковы же причины заикливания нравственной культуры России на экстенсивных формах утилитаризма и соответственно, торможения модернизации в России?

Качественный рост утилитаризма в России всегда был проблематичен в силу того, что ведущим принципом согласования интересов практически на всех этапах исторического пути России выступал принцип иерархии интересов. Исторически сложилось так, что главенствующие позиции изначально занял государственный интерес, который поглотил интересы групп, частных

лиц и т.д. Гипертрофия государственного интереса способствовала консервации примитивных форм утилитаризма во всех слоях общества. Понимание ущербности односторонней интерпретации общенационального интереса в интеллектуальной среде рождается достаточно давно, однако, отказываясь от этатистских трактовок национального интереса, в качестве альтернативы выдвигаются популистские. Абсолютизация интереса государства сменялась абсолютизацией интереса народа, тогда как сам принцип иерархии интересов оставался незыблемым. Этот принцип пролонгируется большевиками всех призывов, он составлял ядро социалистической идеологии, которая призвана была, тем не менее, защищать интересы государства. Нарастающая в перестроичный и постперестроичный период критика реального социализма не приводит к формулированию принципа баланса интересов. Достаточно зримой во всех слоях российского общества в постсоветский период становится тенденция абсолютизации индивидуальной пользы, выдвижения на первую ступень иерархической лестницы интересов частного интереса. Такая расстановка сил также не создает предпосылок для качественного роста утилитаризма. Сегодня становится все более очевидным, что лишь при условии отказа от редуционистских трактовок национального интереса и выдвижения принципа диалогической его трактовки модернизация в России станет не идеологическим мифом, но реальностью.

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998.
2. Карамзин Н. М. История государства Российского в 12 томах. Т. 1 / под ред. А. Н. Сахарова. – М., 1989. С. 71.
3. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2, ч. 1. М., 1994.
4. Соловьев А. Этика бюрократии: постсоветский синдром // Общественные науки и современность. 1995. № 4.

ЕВРАЗИЙСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ДИСКУРС МОДЕРНИЗАЦИИ: ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОССИЙСКИХ ПЕРЕСТРОЕК

УДК 1

С.Н. НЕКРАСОВ

1. Все перестройки в XX веке в России–СССР–России строились на идеологии личности и прав человека, которая с евразийской точки зрения представляет собой применение принципов западной индивидуалистической философии к правовой системе. Более того, абсолютизация идеологии прав человека и интереса к приоритету роли личности в социальном процессе «будет с необходимостью сопровождать глобализацию либерального порядка и мондиализацию мира под эгидой атлантизма» [1]. Поэтому всякий раз, когда в обществе начинается волна рассуждений на тему прав человека и роли личности, ждите перестройку. Если попросить офицера провести перестройку подразделения, то естественным будет вопрос – как перестроиться, сколько в ряд и в какую сторону двигаться? Речь, следовательно, должна идти об упорядочении целого, в обществе о решении вопросов существования и взаимодействия народов, классов, наций – только в рамках этих процедур успешной может быть постановка вопроса о личности, ее правах и интересах. Ответом на агрессию глобализации либерализма и мондиализацию мира может быть выстраивание полностью научного мышления как нарративного дискурса русского народа в рамках евразийского сообщества. Носителем такого дискурса оказывается ряд левых партий и правых движений, смыкающихся в ходе выстраивания научной идеологии в единое синтетическое эпистемологическое поле. Известно, что программа КПРФ, равно как и докторская диссертация Г. А. Зюганова, пронизаны идеями евразийской геополитики и наоборот: идеи евразийского движения оплодотворены левыми эгалитаристскими интенциями. Достаточно посмотреть сайты евразийского движения, открыть архив газеты «Завтра», и мы увидим переплетение левого и правого векторов духовной жизни. Это переплетение создает условия для строгого научно-выверенного определения социальной динамики – не перестройки, но революции – национальной, социальной и культурной. Поэтому научная идеология отвергает ведущий к перестройкам и глобализационной

оккупации мифологический дискурс личности, человека и его прав. Она выдвигает в результате выявления этнической идентичности русских в качестве синтетического этноса необходимость революции, выстраивающей строго научно новые тренды континентальной специфики России, национального мессианства, государствообразующего значения армии в русской истории, евразийского производства и промышленной модернизации, неоиндустриальной модернизации без вестернизации, византийского «аграрного социализма».

К сожалению, евразийская идеология в начале XXI века еще не породила представление об отказе от сугубо мифологического западнического деления исторического процесса (по А. Тоффлеру) на три волны – аграрного, индустриального и постиндустриального общества. Отказ от марксистского понимания общественно-экономической формации, забвение марксистской «пятичленки», как будто бы отвергнутой опытом XX века, привело неоевразийство к мифологеме постиндустриализма как цели исторического процесса, в конечном счете понятом как «конец истории». На самом деле нам еще только предстоит синтезировать модели Общественно-экономической формации и Цивилизации, результатом чего может стать научное представление о неоиндустриальном векторе развития России.

Евразийское мышление пока еще мифологически понимает мессианскую природу нашего народа как продукт загадочной жизни через тысячелетия преимущественно славянского индоевропейского народа со значительным элементом тюркских и угорских этнических и культурных черт. Пока известно, что фактический синтез белой и желтой рас не оставляет оснований для шовинизма и узкого национализма, но открывает путь к объединяющей имперской, евразийской психологии и культуре. В этой культуре проблема личности и прав человека – не главная. Но ведь о том же и совершенно не по-евразийски, а с точки зрения научной и классовой идеологии писал К. Маркс. Получается, что синтез классового западного научного подхода и синтетического

евразийского позволяет получить дальнейшую интеграционную научную модель для общественного сознания русского народа. Эта модель носит не мистический потусторонний мессианский характер, задает не религиозно-бессильный протестный консервативно-реакционный вектор социокультурной динамики вспять, но прямо указывает на прогрессивное освоение объединенным человечеством природными силами, господство над собственными социальными отношениями.

2. Донаучное мышление представляло себе общество, в котором вектор изменения задавался идеалами великой личности. Соответственно, идеология Просвещения активно рассуждала на тему о «роли личности в истории», имея в виду великую личность, стоящую над обществом. Такой дискурс, подвергнутый критике в марксовых «Тезисах о Фейербахе», сохраняется и сегодня в более простой форме идеалистического представления истории, когда любые социальные процессы выводятся из воли и сознания людей. Правда, деградация нарратива привела к дискурсивному представлению об обыденности и повседневности человеческой жизни, из которой и исходят импульсы социокультурной динамики. В результате мы видим постмодернистские исследования культуры повседневности, габитуса, габитус-китча в широком диапазоне от изучения истории «великого продуктового обмена» в исторической школе «Анналов» до упрощенных социологизированных социологий моды. Сознание, и ничего, кроме сознания, не скрывается за этими донаучными мифологизированными штудиями.

Поскольку опыт развития научного познания показывает неравномерность созревания наук — в диапазоне от простых естественных дисциплин до сложных гуманитарных наук о человеке и сложнейших неестественных наук об обществе — можно прийти к выводу о том, что простейшие первоначальные попытки объяснить общество выливались в форму утопического программирования и моделирование идеального его состояния. Несомненно, здесь следует различать постановку вопроса о личности в истории (реальной истории общества) и личность в «истории» как дисциплине, имеющей свое место в каждый раз новой дисциплинарной структуре науки. То же самое относится к представлениям об обществе в самом широком диапазоне — от идеологии и утопии как нормативного моделирования эпохи традиционного общества (от Платона до К. Маркса) до нарратива вокруг симулякров потребительского общества эпохи постмодерна (от Э. Фромма до Ж. Бодрийяра). Между тем, научный дискурс еще только

возникает по мере появления неоиндустриального общества — и каждый раз при проявлении человеческих сущностных сил в новую эпоху человечество создает устойчивый континент науки. Наука, повторим, вызывает неравномерно. Она зреет быстрее в области естественных объектов исследования. Поэтому естественные науки прорастают достаточно быстро: древние греки создали первый континент математики, основанный на наглядном мышлении и отвлечении от чувственной стороны предметов. Физика как второй континент человеческого научного знания была создана в Новое Время и стала наукой буржуазного индустриального общества в тот момент, когда перешла от образа «теплоты» к понятию «температуры» с ее таксонами и измерениями. Третий континент был создан Марксом, который, подобно Дарвину, положил конец взглядам на общество как на хаос сталкивающихся сил и воли и обнаружил объективные закономерности социального развития, вытекающие из материалистического понимания истории. Очередная попытка создания четвертого континента психологии была принята Фрейдом и оказалась сомнительной и научно не верифицируемой вследствие того, что не могла быть приложена ко всем человеческим обществам, а потому осталась на грани терапии, экспериментального шаманизма. Выяснилось, личность — не совсем зрелая научная конструкция, а незрелая идеологема. И Маркс за неимением времени и стоя перед необходимостью разработки научной концепции социальной революции пролетариата как универсального эмансипатора человечества был вынужден оставить для будущих исследователей перспективу разработки социально-психологической теории личности, основы которой он заложил в своих ранних трудах. В поздних трудах он переходит к изучению классов и аппаратов государства, создавая тем самым основы научного понимания социального процесса.

3. Марксизм Маркса изначально имел две формы. Первая, ранняя — еще ненаучная и антропологическая концепция «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» — построена по модели «ореха» (схема «Гегель в Фейербахе») и изобилует чуждой зрелому марксизму терминологией из области психологического анализа общественных отношений, вроде «отчуждение», «личность», «человек». После «эпистемологического разрыва 1848 г.» (термин Л. Альтюссера) марксизм стал пользоваться понятиями «эксплуатация», «индивидуальность как суппорты социальных отношений», «классовые индивидуальности». Сама теория «товарного фетишизма» в первом томе «Капитала»

стала остатком прежнего ненаучного антропологического крена, экивоком и заигрыванием с гегельянщиной. Второй формой марксизма — зрелого и научного, где отсутствует проблематика личности, — стали подготовительные рукописи к «Капиталу» и последующие труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Встать на точку зрения признания марксизмом трудов раннего Маркса — значит стать последователем Р. Гароди, отвергнутого за ревизионизм ФКП еще в 1966 г. и завершающего свои дни в облики модернизированного мусульманина. Перестройка СССР начиналась с крена в рассуждения об общечеловеческих ценностях, личности, ее новом мышлении и о правах человека, использованных западными спецслужбами и манипулируемыми ими дисидентскими группами.

Мысль о том, что классовая борьба рабочих приведет к свержению господства буржуазии и власть возьмет в руки пролетариат, потрясает мир до сих пор, а процесс формирования пролетариата в класс и завоевание им политической власти может стать смыслом жизни передовой интеллигенции. Западные — историцистская (А. Грамши) и структуралистская (группа Л. Альтюсера) — версии марксизма в XX в. настаивали на том, что диктатура осуществляется через гегемонию класса, через идеологические аппараты государства. Сталинизм подорвал саму веру в марксистский проект. Вспомним, что замена диктатуры пролетариата диктатурой номенклатуры, разоблачение культа личности и его последствий XX съездом КПСС поставили левых интеллектуалов Запада, особенно в Италии и Франции, в трудное положение: трудно было противостоять тогдашнему гуманистическому экзистенциалистскому «прибою» и иным формам штурма марксизма буржуазной идеологией.

4. История XX века показывает, что в условиях десталинизации, когда проблемы морали и политики выходят на первый план, начинает господствовать идеология молодого Маркса. Она может временно заменять теорию, отвергая догматизм сталинизма. Однако XX съезд КПСС в докладе Н. С. Хрущева, псевдомарксистски объяснив нарушения социалистической законности и отнеся культ личности к надстройке, внедрил «сердце буржуазной идеологии» (гуманизм) в рабочее движение и в обновление социализма, что и заставляет творческих марксистов прибегнуть к испытанному оружию марксизма — философии. Сталинские преступления — это не отклонения

и деформации социализма, но продукт продолжающейся классовой борьбы. Необходимо преобразование практики масс в философские тезисы. Центральная задача здесь — критика гуманизма, ликвидация кантианского наследия путем устранения понятия субъекта. Именно поэтому вслед за удалением ревизионистской модели гуманизма из марксистской теории должно последовать ее выбрасывание из практики.

Появление в СССР в результате передачи германскими социал-демократами рукописей раннего Маркса (у нас они были изданы в 1956 г.) совпало по времени с разоблачением культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Получилось, что ни Ленин, ни Сталин не были знакомы с ранним Марксом, а более поздняя проблематика культа личности прямо вытекает из гуманистической тематики раннего марксизма.

Гуманистический перелом в общественных науках привел к появлению марксистов, исходивших в своих построениях из тезиса о тождестве личности и общественных отношений. Такая радикальная социологизация образа человека призывала к изучению потребностей человека и провозглашала вслед за «Рукописями» грядущее торжество наиболее полного удовлетворения растущих потребностей советского народа и всесторонне развитой личности. Вся хрущевско-горбачевская перестройка исходила из необходимости демократизации для построения «социализма с человеческим лицом» и потому была целиком навеяна работами раннего Маркса. По отношению к образу социализма позднего Маркса—Ленина—Сталина такая перестройка объективно была ревизионизмом, а ее деятелями — ренегатами.

Именно ранний Маркс был объявлен подлинным в короткое время хрущевской оттепели и горбачевской «катастрофки» (термин А. А. Зиновьева). В результате в СССР во второй половине XX в. восторжествовал ранний Маркс, которого официально по аналогии с лукачевским образом «молодого Гегеля» стали называть «молодым Марксом». Именно идеи молодого Маркса определили вектор перестройки (вдохновили массы на демократическое дымовое прикрытие бюрократической революции аппарата) и привели в конце XX в. к формированию системы сталинизма, но без Сталина. Новая перестройка в России и в странах Евразии неизбежно будет строиться на проблематике личности и прав абстрактного человека.

1. Дугин А. Г. Евразийский путь как национальная идея. М.: Арктогея-Центр, 2002.

СООТНОШЕНИЕ ВОСХОДЯЩИХ И НИСХОДЯЩИХ ФОРМ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА ИДЕОЛОГИИ

УДК 1

В.А. ЖИЛИНА

Главная особенность социального бытия среди других типов бытия — обязательное снятие человека в качестве субъекта. Человек в самом общем понимании есть культура. Поэтому анализ социального бытия неизбежно означает погружение в поле культуры. Отсюда предельность понимания субъектности бытия — рассмотрение человека как носителя культуры, воплощающей собственно человеческий способ существования.

В самом общем плане субъект как характеристика человека аккумулирует все, чем способен быть человек и, соответственно, что он может сделать. И если трансцендентальный субъект классической философии предельно обобщает возможности духа человека, то неклассическая философия старается совместить в субъекте общее с уникальным. Экзистенциально полно структурирует субъекта герменевтическая школа. Здесь под субъектом понимают как минимум четыре ипостаси человека: субъекта речи, субъекта рассказа, субъекта действия и субъекта ответственности [1]. Первый уровень субъекта позволяет человеку обозначить себя в мире (при учете всех отличий от животного мира). Второй — характеризует человека как автора собственной жизни. Третий — предполагает активное вмешательство человека в мир и собственную жизнь. Четвертый — это возможность рефлексии над собственным бытием.

Исторически детерминированная группа как совокупность субъектов идеологии своей экзистенцией раскрывает формальность бытия идеологических процессов.

Субъект идеологии вырастает из следующего. Вмешательство в собственную жизнь и мир представляет собой не что иное, как целостное разумное конструирование человеком собственной среды обитания. Всякая деятельность в своей сути предметна. Именно развитие обособления предмета деятельности одновременно с закреплением основных способов овладения ими и составляют основные характеристики субъекта. Следовательно, субъект ответственности в предпринятом анализе будет предполагать сознательную соотнесенность собственной уникальности с общими закономерностями уникальности мира.

Одновременно субъект идеологии может и должен быть обозначен именно как «группа», так как деятельность и есть своеобразное субстанционально конституирующее начало социального и идеального бытия. Тогда исторически детерминированная группа вводится для раскрытия субъектной грани бытия идеологии не только как дань традиции. Ее определенность подчеркивает целостность и уникальность бытия человека и одновременно определяет его неразрывную связь со всеми другими типами бытия. Содержательно субъект ответственности детерминирован тем фактом, что человек — единственное существо, знающее, что оно конечно, и одновременно постоянно стремящееся к вечности. Формально — тем, что данная характеристика субъекта идеологии в определенной степени сама выступает способом реализации трех предыдущих. Таким образом, очевидно, что в условном структурировании субъекта в основе лежит онтологический процесс «опредмечивания — распрепредмечивания».

Поэтому на всех этапах развития субъект предстает единым в своих проявлениях, которые подвижны и периодически сменяют друг друга в качестве доминирующих факторов. Такое понимание субъекта идеологии может служить реальным основанием многих направлений исследования социального бытия: оно способно по-иному представить течение истории, развитие культуры, цивилизации. Оно свободно от узости научных подходов к человеку и одновременно с этим далеко от привычно рационального философского упрощения человеческого бытия. Снятие в субъекте идеологии «группы» фактически являет «общественное» в универсальном значении, тем самым реально закрепляет собой общность «человеческого» в человеке. Многогранность «групп» пересекающихся в единичном субъекте детерминирует свойства общества через эти взаимодействия. Последнее предопределяет неравномерность процессов разворачивания экзистенциальных характеристик субъекта. Специфика конкретного проявления атрибутивности идеологии, в свою очередь, во многом зависит от их взаимодействия.

Если, например, обратиться к истории философии, то традиционное рассмотрение ее развития сугубо внутри философского знания может не совпадать с анализом, в основании которого лежит именно идеологический субъект. Например, общепринятая оценка космоцентризма ранней философии как созерцательного отношения к миру. Неслучайно вводимое здесь понятие «теория» и означает созерцание. Созерцание, в свою очередь, предполагает определенную пассивность, ограниченность «я» от мира, что фактически однозначно свидетельствует о доминировании субъекта речи. Причем последнее хорошо вписывается в общепринятый научный подход, когда формирование речи выступает необходимым условием самого становления человека. А в философии, казалось бы, об этом свидетельствует учение об идеях Платона. На самом деле, на наш взгляд, во всей рабовладельческой философии в субъектном воплощении идеологии происходит акцентирование субъекта действия. Это достаточно четко прослеживается и в ее содержании и отвечает простой логике вещей: только развивая собственную деятельность, человек получает возможность узреть собственную уникальность в этом мире. При допущении такого доминирования субъекта действия, в свою очередь, становится понятным, почему при принципиальном отличии восточная и европейская философия в сущностном осмыслении мира имеют множество общих черт. «Исправление имен» Конфуция наряду с признанием доминанты прошлого над настоящим, казалось бы, должно настраивать на созерцательный лад в отношении мира и собственного бытия. Но неслучайно само изложение учения Конфуций намеренно делает неотъемлемым от собственной жизни, подчеркивая ее кочевой характер. «Жэнь» как человеческое в самом человеке разворачивается через дорогу к благородному мужу. Об активно деятельном отношении к себе и миру и свидетельствует определенный культ «ли» в конфуцианстве. А вот субъект речи, рассказа и ответственности здесь только обозначены незначительными штрихами. Заметим, что здесь еще нет и появившегося позднее общественного субъекта. И в афоризмах, и в притчах Конфуция обращение идет к индивидуальному человеку. Однако значим не он, а родовое положение человечества

в целом. И это не свидетельствует о противоречивости системы, непоследовательности учения Конфуция. Это является закономерным проявлением состояния идеологического субъекта в его «групповом» аспекте. Основной принцип другой известной восточной философской системы – даосизма – «у-вэй» заставляет изначально предположить созерцательность как основное разворачивание «совершенномудрия». Но гармония, обусловленная дао, предполагает культ движения, и тот из людей его претворяет в собственном бытии, кто достиг в этой области совершенства: двигаться подобно листу с дерева, не затрагивая никаких граней мира. Кроме того, деятельность полностью предметна, так как без постижения собственной предметности она не будет собственно деятельностью. Но в остальном: переход от собственного сознания к реальности мира тождествен переходу от мира к сознанию. И субъект, действуя, не может четко определить, что есть он. При этом именно в момент действия (предметность сна) субъект чувствует определенность «я». А в момент действительного созерцания определенность пропадает, она предстает как необходимая предзаданность. То есть получается, что в момент сна человек имеет дело с чистым сознанием, в котором нет ни бабочки, ни Чжоу. В непробужденном (созерцание действительности без осознанного «я») между Чжоу и бабочкой пропасть. И только в просветленном (итог действия) Чжоу – это Чжоу. И в греческой традиции теория – не столько отвлеченное созерцание, сколько предмет видения мира, к которому направлен человек. Логос и миф живут единой жизнью. Восходящее развитие демонстрируют собой закономерности Логоса. Поглощенность человека мифологией проявит себя в нисходящем аспекте развития социального бытия.

Существующие формы искусства вбирают в себя диалектику этих двух направлений развития. Искусство тем значимо для человека, что позволяет через единожды смоделированную ситуацию прожить, почувствовать множество жизней в экзистенциальной данности одной. Развитие неопределенности человека в незавершенности его бытия, в доминировании активности по отношению к миру имеет нисходящую характеристику, а в определении собственного «я» через идеологического субъекта – восходящую.

1. Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4.

СТИЛИ ФИЛОСОФСКОГО МЫСЛЕТВОРЧЕСТВА И ПОИСК СУБЪЕКТОМ СВОЕЙ ФИЛОСОФСКОЙ СТЕЗИ «ПОВЕРХ ИХ РАЗМЕЖЕВАНИЯ»

УДК 1

В.В. БАРКОВА, В.И. ЛИПСКИЙ, Т.В. НИКАНОРОВА

«Живая плоть» нарративов, дискурсов, философских рефлексий, начиная с античных софистов и Сократа, постоянно влекли к себе талантливых личностей, способных не только на публичное высказывание собственных способов осмысления действительности, общества, человека и его места в мире, но и отражение своих мыслей в разнообразных формах и стилях философского мыслетворчества. Время сохранило в памяти культуры имена этих мыслителей: Аристотель, Зенон, Парменид, Пифагор, Платон, Фалес и т.д.

В эпоху Средневековья философское мыслетворчество, являя свет естественного, но смертного разума, сосредоточило внимание на дозволенных Церковью темах в рамках канонического мышления: комментировании текстов Библии, размышлений отцов Церкви. Однако оно находило «обходные пути» реализации своего потенциала, заявляя его в комментариях к переводной литературе с арабского, иврита, в герменевтических программах А. Кентерберийского, Ф. Аквинского, П. Расцелина, П. Абеляра. Однако их смысловые интерпретации, нарративы, дискурсы выстраивались теологами в тот логико-смысловой порядок, который был направлен на оправдание «лестницы бытия», созданного Богом. Такой стиль мыслетворчества назывался «спасением явлений». Фома Аквинский, рассуждая по поводу подобных методологических конструкций, оправдывал их существование тем, что первой философией является знание истины не какой угодно, а той, которая есть источник всякой истины. Началом же всякой истины есть Бог.

В Новое время философское мыслетворчество устремилось к изучению естественно-научных конструкций миробытия. Осознание значимости коперниканской революции, достижений Галилея, Ньютона, Кеплера привело к переосмыслению места и роли человека в объективных закономерностях природного развития. Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Спиноза, Герберт, И. Кант, Гольбах, Гельвеций и др. стали наращивать усилия в поиске общезначимых истин, применимых к осмыслению бытия во всех ипостасях

его явлений. В «Пролегоменах, ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука» И. Кант высказывает мысль о том, что философия должна оставаться «хранительницей наук». Гегель разделы «Энциклопедии философских наук» представил как особые философские науки. «Ветвящийся» при этом характер философского мыслетворчества стимулировал развитие классических, логико-рационалистических традиций философствования, получивших воплощение в неоплатонизме, неоаристотелизме, картезианстве, кантианстве, шеллингианстве, гегельянстве, марксизме и т.д. Но чем активнее классическое философское мыслетворчество сосредотачивало внимание на исследовании социальной жизни, тем интенсивнее в нем «прорастали» некие, не соответствующие его установкам, но, связанные с природой человека и его самопознанием тенденции и парадигмы. Их даже по-началу было трудно уловить «в сети понимающего слова» (С. Франк). «Прорезавшиеся» аспекты мировидения демонстрировали способность «высвечивать» такие социокультурные ценности человеческого бытия, значимость изучения которых осознавалась не только «философским сообществом», но и специалистами других сфер познания, открывая путь к постижению уникального мира личностных переживаний человека «в его бытие — пути». Речь идет о феноменологии, герменевтике, понимающей социологии, онтопедагогике, и т.п. Эти аспекты человекопознания «обнажали» сущностные конструкты жизненного мира человека, неповторимые по своей значимости смыслы, ценности, идеалы.

В античные времена уже были «нащупаны» стези этих стилей философской деятельности и особенности языковых форм их презентирования. Философская мысль, «вкусив» в материнском религиозно-мифологическом лоне нектар из метафорических способов мыслевыражения, генетически «унаследовала» матрицы этого стиля рассуждений, но теперь уже для выражения собственного строя мысли. Как это было у Ксенофана и Парменида, Платона и Лукреция Кара, в письмах Эпикура

и Сенеки. И. Н. Сиземская подметила, что художественно-образный стиль философского мыслетворчества в целом создал качественно иные механизмы мирозерцания и миропонимания. Сила мышления здесь, приумножаясь силой человеческого воображения, наполняет философское знание о мире и человеке богатством, не охватываемым умом, «жизненных окраин» мировоззрения. Застывшие реалии-конвенции логико-рационалистического стиля философствования подвергаются в нем рефлексивной «переплавке», приобретая такую смысловую многосложность, которая «подвигает» философствующий разум становиться «прорицающим» разумом. Герменевтически истолковывать метаморфозы развития Вселенной, природы, человеческого «Я», которые способны обрести реальность при условиях, отсутствующих непосредственно «здесь и сейчас». Интуитивные мыслеобразы воспринимаются как «знаки» чего-то важного, сокровенного, ранее непостижимого, прятавшегося в глубинах мысли и духа. Не случайно великий теоретик немецкой классической философии Гегель находил в трудах Софокла, Аристофана, Шекспира, даже Дидро воплощение и полное подтверждение некоторых своих идей и активно опирался на их труды в «Феноменологии духа». Закончил же он это самое философское из всех философских произведений стихами Шиллера.

Художественно-образные стили мыслетворчества, став «визитной карточкой» новых философских течений, «проросли» в персонализме, философии жизни, экзистенциализме, отечественной религиозной философии, феноменологии и т.д. Разнообразные смысловые компрессии, заложенные в художественно-образном стиле философского дискурса, позволили найти «общий язык» представителям различных философских направлений, исповедующих подчас противоположные мировоззренческие позиции, определить общие «философские концептуальные каркасы» позитивизму и экзистенциализму (Сартр, Камю, Ясперс), разнообразным теоретическим синтезам психоанализа с марксизмом (Э. Фромм), неотрейдизму с социологией (Маркузе) и т.д. «Озвучивая» разноплановость путей человеческого самосознания, этот стиль философствования позволяет осмысливать всю полноту переживаний бытия в его противоречивой целостности. Секрет рождения целой гаммы стилей философского мыслетворчества кроется даже не в предмете рефлексии, а в способе отношения субъекта

философствования к бытию, манере «означивания» им своих убеждений, мировоззренческих позиций. К.А. Свасьян писал, что мыслить вещи, явления, события – значит наделять их собственным «Я», которое, не переставая быть моим «Я», становится в них их смыслом и сущностью.

Используя максимальный объем культурного опыта человечества в качестве открытого поля для деконструкции различных культурных традиций любой стили философского мыслетворчества всегда оставляет «следы» в пространстве мысли, доступные апроприации, тем самым закладывая прецедент, утверждающий его право постоянно изменять форму собственной презентации. В этой связи логико-рационалистические, художественно-образные, религиозно-мистические, синтаксические, аналитические, деструктивные и т.п. стили философского мыслетворчества можно рассматривать как различные способы презентирования философского знания. Знания, отражающего квинтэссенцию онтологических и гносеологических вопрошаний человека в идеалистических, материалистических, дуалистических, религиозных, плюралистических и т.д. системах миропонимания.

В недрах «доосевого» времени «зародилась» и такая форма художественно-образного осмысления реальности бытия, как фольклор. Трансформировавшись из способа языкового мышления в философскую мыслеформу, он стал незаменимым философским средством констатации опытов быстротекущей жизни. Это пословицы, поговорки, паремии, притчи и т.д. Древнейшим способом презентирования философского мыслетворчества посредством художественно-образного стиля размышлений является афористика. О ее философских потенциях можно судить по сочинениям Цицерона, Сенеки, Сократа, Конфуция, Тертуллиана, Ф. Бэкона, Рабле, Ж. Лакана, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, У. Шекспира, Б. Паскаля, М. Монтеня, С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, В. Тютчева. Смысловая динамика ее ментальных конструктов, благодаря сжатию информации до ядерного состояния, позволяет ей «фонтанировать» смысловой многослойностью, метафоричностью, лаконичностью, сентенциозностью, парадоксальностью. А. Белый определял ценность философской афористики тем, что она позволяет мгновенно окунуть любую направленность горизонта человеческого развития, найти и помочь открыть дверь в мир человеку там, где автор лишь

попытался расставить вехи смыслообразов. В доэевые времена сформировался и иконический стиль философского мыслетворчества. Его корневая система обнаруживается не только в античной, но и средневековой мифологии, античной математике, в философских рассуждениях Архимеда, Гиппарха, Филалая, Пифагора, Платона. П. А. Флоренский задумывал создание словаря иконических знаков-символов с «прорисовкой» их смысловых значений: от точки до сложных фигур и конфигураций. Философское художественно-образное мыслетворчество обнаруживает себя даже в «поступочных» формах. Жизнь Демокрита, киников, движение дервишей, хиппи, саньясинов, бессловесное философствование исихастов – своей жизнью они демонстрировали реальность ценностных норм и смыслов своего бытия. Их молчание, немота были не менее существенны, чем собственно речь (Бибихин).

Являясь сложными, открытыми, самоорганизующимися системами, стили философского мыслетворчества исторически реализуют свое бытие как критико-рефлексивные процессы осмысления экзистенциальных состояний бытия человека. Каждый из них несет на себе «печать» своих создателей, «следы» темпоральности времени, давших возможность им «стать на ноги»: платонический, эпикурейский, схоластический, стоический, Спинозиский, картезианский, кантианский и т. д. претендуя своими конфигурациями значений выставить «напоказ» родовую истину человеческого бытия в мире и «свои» способы ее познания. В этом плане интерес представляет высказывание Дерриды о том, что философское мыслетворчество и способы его презентирования рождаются «на границах философии», т. е. вне, «поверх» исторически обретенных межований. Это подводит нас к мысли о том, что стили философского мыслетворчества исторически не развиваются изолированно друг от друга. В пространственно-временном континууме философского мыслетворчества они образуют диалектически сложную, но целостную вязь концептуальных цепочек переплетения. Здесь каждое звено пересекается с близлежащим, но при этом может не иметь непосредственных связей с другими, может никак к ним не относиться либо иметь сложно опосредованные переходы. Например, переход от позитивизма к экзистенциализму без опосредующей роли феноменологии был бы практически невозможен.

«Различение», по оценке Делеза, становится подлинным началом новых аспектов

философской рефлексии и способов её стилизованного мыслетворчества. «Предметные поля» в этом случае обозначаются не констатацией наличия, а через обнаружение отсутствия необходимого порядка и его конструкторов там, где это философствующий разум ожидал найти. По сути, получается, что не парадигмы, не исследовательские программы как теоретические идеализации, используемые исключительно на уровне методических удобств, а стили философствования могут претендовать на роль методологических «фонарей», ориентирующих мыслетворчество философствующего разума в «экзистенциальном потоке реки времени». Они не оторваны от онтологических оснований человеческой бытийности. Они вбирают «в себя все» и, подобно ленте Мебиуса, у которой нет внешнего и внутреннего, позволяют ощутить и выразить многоликость, многомерность, многовекторность, разнонаправленность и непредсказуемость жизненных сюжетов человеческого бытия в его познавательной активности.

Особенности развития постнеклассического философского мыслетворчества с его разнообразными пластами рефлексий, практик миропонимания, «разрывающих» границы между философскими школами и мировоззренческими системами, создали прецедент для разговоров о «кризисе» философского мыслетворчества. Его обвиняют в подмене философской проблематики игрой мыслетехник, смешении стилей философствования, видов и форм познания, излишней метафоричности, отсутствии логической надежности и достоверности в объяснении и комментировании тех или иных мировоззренческих ситуаций. С точки зрения Ж. Келле постнеклассический «конструктивизм» формирует такой тип мировоззрения, который, «надстраиваясь» над матричными основами философского знания, подменяет собой философские направления и системы, разворачивая философскую логику не на определение проблемы «что такое познание», а на вопрос, какую практическую ценность оно представляет для человека. Последнее делает подобные «творческие искания» несовместимыми не только с какой-то конкретной системой философских взглядов (что допустимо), но со всей историей философии в целом.

Почему современные стили презентирования философского мыслетворчества вызывают негативные оценки? Во-первых, ими был поставлен вопрос о том, может ли философское мыслетворчество претендовать на роль научного знания? Большинство

современных авторов, рассматривая его как интеллектуально-духовный способ миропознания полагают, что философское мыслетворчество не способно быть наукой в точном смысле этого термина – в смысле science. Со времен Р. Декарта философская мысль увлекалась развитием наукообразных стилей мышления во всех ипостасях, логикой доказательств, созданием «жестких» конструкций миробытия. Классическая философская традиция, по мнению Алейник Р. М., Маркова Л. А., Механиковой Е. А. и т. д., «предала забвению» изучение смыслополагающих аспектов нравственной стороны деятельности сознания. По словам Р. Сафрански, современные стили философского мыслетворчества «развернули» человека к его душе, сомнениям, самопознанию «себя самого в себе самом», побуждая его всматриваться в реальное бытие, открывать его для себя, других, мира в целом. Получать возможность наслаждаться феноменом своего присутствия в нем. Взламывать повседневность, открывать ее тайны и новые горизонты в индивидуальном бытии каждого. Во-вторых, языковые формы классических философов превратились со временем в «застывшую языковую картину мира». Они оказались не способными озвучивать современные тенденции философских размышлений о модусах человеческого бытия. Устав от отвлеченности классического мета-языка, философствующий разум стал освобождаться от безжизненных семиотических концептов. Искать иные языковые формы смысловыражения, иные философемы, в которых не потеряны адекватные связи между образом мира и истолкованием этого образа в языке, в слове и его смыслах, как это уже сделали в своем творчестве С. Кьеркегор, Ф. Ницше, А. Бергсон, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, М. Мерло – Понти, Г. Марсель и т. д. Философствующий разум, начиная с античной эпохи, постоянно вводил новые семантические поля с помощью новых слов или наполняя новым смыслом старые: «идея» у Платона, «бытие» у Парменида, «вещь в себе» у И. Канта. «Диалектика» и «снятие» у Г. В. Ф. Гегеля. «Позитивизм» у О. Конта. «Сверхчеловек» у Ф. Ницше» и т. д. Это освобождало мысль из плена повседневного языка и предрассудков его употребления здравым смыслом. Слово, введенное в языковой оборот философской мысли, становилось наилучшим хранителем смысловой информации. Ж. Делез и Ф. Гваттари, рассуждая об особенностях философского языка, синтезе в нем новых концептов и понятий, отмечали, что

философские концепты не ждут нас готовыми, наподобие небесных тел. Их должно изобретать, изготавливать, творить, и без подписи сотворившего они ничто. Проходя через множество ступеней доказательства, они становятся печатью бессмертия своего автора, нестирающимся следом его пребывания на философском Олимпе. Новые понятия «подвигают» практику философствования к «переопределению» сложившихся критериев «философичности»: целей, проблематики, предмета мыслетворчества и т. д.

Признав истинной, вслед за В. Г. Гегелем, мысль о том, что философское мыслетворчество является мировоззренческим зеркалом, проходящих чередой эпох, следует принять во внимание и то, что оборотной стороной этого обстоятельства становится признание того факта, что, отражая мировоззренческие изменения в ликах эпох, оно само развивается, т. е. находится в динамике. Приращение философских знаний, изменение приоритетов, таким образом, процесс неизбежный, дающий возможность развивать иные способы прочтения мира. Поэтому за рассуждениями о «конце» философии, «письмах в развалинах» нужно увидеть образное выражение потребности пересмотра тех теоретических очевидностей, которые, оформляя наше сознание, отдалили нас от реальности, оставив бытие в прогрессирующем забвении. Вопрос же заключается в ином – где та грань, за которой изменения не будут способствовать разрушению «тела и духа» философии как социокультурного феномена, в котором осуществляют свое личностное развитие философствующие субъекты? Исторически взаимоотношения между стилями философского мыслетворчества, презентующими сосуществующие в едином целом мировоззренческие концепты, осуществлялось в диалектическом единстве и диалогическом конструктивизме. Противостояния между ними способны, с нашей точки зрения, возникнуть лишь при условии, когда намечается отказ от полноты параметров образа обсуждаемой темы, за «границами» которой начинается хаос точек презрения к реальности, презрения такой же силы, с какой каждый стиль способен претендовать на единственность и власть, заявлять о своей единственности, власти своей точки зрения. Хайдеггер отмечал, что философское мыслетворчество, представляя личностное усилие отдельного индивидуума, остается уникальной гранью жизни человечества, поскольку в точке пересечения всех актов онтологических

и гносеологических вопрошаний философаствующего разума находится Человек. Он «пребывает» в этом фокусе не только как часть бытия, но и как его сущностно-проективная ипостась, точка роста, как главное действующее лицо. В. Д. Губин писал, что создавая в себе душевным напряжением подлинное переживание бытия, философаствующий субъект вглядывается в сущность внутренне данного содержания переживаний. При этом он осуществляет своеобразное «установление» пережитого с той соразмерностью, которая открывается ему в бытии и которая побуждает сказать об этом другим. Жажда диалога, желание быть услышанным и дополненным другими выводят его мыследеятельность за пределы субъективного самоистолкования им опыта трансцендирования над собственным сознанием.

Самоосознание «самого себя в себе самом» является тем фундаментом, на котором индивидуум выстраивает свои ценностно-смысловые и познавательно-деятельные отношения с миром природы и общества. Однако для осознания самого себя в качестве субъекта, имеющего внутреннюю потребность и устремленность заниматься философским мыслетворчеством, мало иметь даже собственный «жизненный проект бытия». Надо иметь определенный уровень личностного развития, который задается приобретенным опытом разумности (И. Кант) и который проявляет себя как степень осознания меры и глубины ответственности человека за себя и других. Ведь можно жить ответственно, осознавать все происходящее вокруг тебя, но бытием — во времени малом, а можно — бытием — во времени большом. Личность, выбравшая философское мыслетворчество в качестве матрицы для развития своих родовых сил, должна извлечь из «закромов» своего духовного мира такие стержневые его конструкции, которые, добавляясь к разуму, ввели бы «особое измерение» в опыт ее бытийности. Это открытость миру, познанию, одержимость жаждой знаний о том, что есть, как по ту, так и в посюстороннем мире. Личность, определяющая свое философское мышление и «овнешняя» его, не может довольствоваться выстраиванием его как все: по традиции или исходя из общепринятой и общезначимой реальности. Она выстраивает его на основе свободного выбора предельных

оснований её осуществления. Руководствуясь свободным выбором мировоззренческих принципов и позиций, она выстраивает внутренне согласованную систему взглядов, выражающих осознанную мотивацию её мыследеятельности и поступков. Если ее «Я» и мир вокруг перестают отвечать сделанным ею смысложизненным выборам и ценностным ориентациям в силу эволюции личности, то она решительно должна искать в себе силы поменять и то, и другое. И. Кант советовал личности, имеющей мужество пользоваться своим умом, применять его свободно и оригинально, а не рабски подражательно. Уметь находить в «предметных полях» философского мыслетворчества terra incognita — «неозвученные» аспекты философских вопрошаний к миру, наличие которых только «угадывается» на «границах» разных областей философского знания, вскрывает фундаментальный гештальт, семантико-аксиологический стержень философской ментальности в обосновывающем себя мышлении субъекта. Субъекту философствования, «овнешнивающему» свое миропонимание, жизнь дает огромную палитру возможностей его «бытия-в-пути» на высоты философских ристалищ. Чтобы состояться субъектом философского мыслетворчества, необходимо постоянно реализовать заповеди философского развития: «включать» в личную историю жизнебытия новые практики и опыты философствования, новые представления о реальности. Не «замыкаться» на результатах и усилиях только личностного философского мыслетворчества. Ведь «выпуская» свое философствование на свободу, субъект философствования должен понимать, что главной целью его мыслетворчества является не текст, не звуки речи, а другой человек, отзывавшийся на его голос. Без его ответа и голос философаствующего разума всего лишь «глас в пустыне». Без его смысла он и свой не найдёт. Это всегда стимулирует философаствующий разум держать напряжение мысли. Вслушиваться в структурные сдвиги времени, анализировать его вызовы, позиционируя себя в поле существующих точек зрения. Реализация этих условий делает возможной «встречу» экзистенционального, личностного опыта философствования с мировой философской культурой и обретение субъектом своего стиля философствования.

1. Борисов С. В. Эпистемология наивного философствования [Текст] / С. В. Борисов. М., 2007.
2. Библихин В. В. Язык философии. М., 1993.

ФИЛОСОФИЯ КОНФЛИКТА КАК МАТРИЦА РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

УДК 1

К.М. ОЛЬХОВИКОВ

Потребность в философии возникает тогда, когда сила единения исчезает из жизни людей, когда противоречия утрачивают свою живую взаимосвязь и взаимозависимость и принимают независимую форму.
Георг Вильгельм Фридрих ГЕГЕЛЬ

Неустранимость различий и столкновений интересов превращает взаимную терпимость в аксиому и неустранимый вопрос социальной жизни. Как утвердить себя, не отказывая в праве на существование другим, и не отказаться при этом от своих смыслообразующих целей и ценностных ориентаций? Ответ в духе конструктивного оптимизма неизбежно сталкивается с нетривиальной проблемой совместимости культурного релятивизма, следующего из терпимости к другим образам жизни, и нравственного абсолютизма, утверждающего аксиоматическую ценность культурных универсалий. Измерение этих вопросов в ракурсе возможности/невозможности религиозной толерантности прочитывается у классиков социологии, по-разному относившихся к религии.

В арсенале современной социологии религии доминируют три основных парадигмы, восходящие к Макс Веберу, Эмилю Дюркгейму, Карлу Марксу. Это совершенно разные картины социальной реальности, которые способны провоцировать разные по фактологическому охвату модели религиозной толерантности. Отношения между этими моделями обычно привлекают внимание религиоведов, в основном, в плане их несовместимости. Однако и не только в общесоциологическом духе полипарадигмального мышления эти классические по своему происхождению модели оказались совмещенными в рамках неклассической по своей сути «философии конфликта». Это своеобразная матрица общенаучного разговора о религии, или «система координат» методологического выбора, с которым сталкивается всякое исследование религии. При этом происходит рефлексивный возврат к критическому пониманию Разума в гегелевской философии. Достаточно известна своей яркостью трактовка социальной функции диалектики как философии конфликта, Гербертом Маркузе в книге «Разум и революция». Причем, эта

философия конфликта трактуется через непосредственное «вырастание» из богословских установок гегелевской мысли.

Путем последовательного сравнения трех классических парадигм социологии религии попытаемся показать, что всякая неклассическая (современная, актуальная) модель религиозной толерантности производна от этих парадигм и представляет собой вариативную интерпретацию философии конфликта. В определенном смысле это «операционализация» философии через раскрытие концептуальных моментов социологических принципов (принципов фактологического знания по своей сути). Здесь уместна ссылка на Т. Парсонса (испытавшего влияние П. Бриджмена, о чем он говорит в работе «О структуре социального действия»), продемонстрировавшего адекватную «переводимость» общих принципов операционализма в область построения социологических схем (моделей, фреймов). Главное требование — чтобы факты добывались путем ясно определенной операции. При этом список научно приемлемых операций остается открытым. Представляется, что такая толерантность методологии задает достойный образ рассмотрения религиозной толерантности.

М. Вебер вводит религиозное вероучение, а именно протестантскую этику, в число предпосылок и оснований современного капиталистического общества. Во многом это ответ К. Марксу, ответ, ограничивающий значимость экономического детерминизма. В основе экономического поведения уже заложены культурные ценности и субъективные мотивы, а классовая структура общества может рассматриваться как социальное независимое образование, — прежде всего благодаря формированию классовых субкультур. Разные мировые религии дают разные образы хозяйственной жизни, но общий знаменатель их становления связан с процессами рационализации, секуляризации, модернизации, наиболее последовательно выраженными в протестантизме. Даже учитывая критическую недооценку роли потребительства (консюмеризма) по сравнению с трудолюбием (индустриализмом) в росте социальных институтов современной западной цивилизации, следует признать, что

Вебер дает «рабочую» модель, относящуюся одновременно к предыстории современного секуляризма и религиозной толерантности, исчерпывая полную меру их возможной взаимосвязи. Целью исследований классика было настоящее общество, но, в немалой степени благодаря своей «чудовищной эрудиции», он спровоцировал восприятие достигнутых им результатов в качестве универсальных принципов становления религиозной жизни. Последующая специализация обществоведов и научное разделение труда затруднили конкуренцию с Вебером. Современные социологи фактически впадают в парадокс, используя веберовскую модель в качестве прототипа пройденных этапов религиозной жизни.

Э. Дюркгейм развивался как исследователь от позитивизма Огюста Конта, через выработку собственной версии социологизма, — к обоснованию новой методологии изучения примитивных религий. Так возникла точка опоры разраставшейся в этнографических исследованиях французской школы структурализма. Во многом это была идеализация религиозной жизни в качестве архаичной «политической машины» (если здесь позволительно употребить термин Роберта Мертона). Соблазн восприятия всякой социальной реальности через религиозноподобие довольно быстро перекинулся на исследования современных обществ. Строгая, сухая, почти атеистическая трактовка примитивных религий с позиций социологизма на деле стала превращаться в повод для умеренного социального мифотворчества. Уход от догматического позитивизма Конта вызвал ощущения романтического обновления в самой сути социологизма — в критической точности описания социальных фактов, включающих в себя и область религиозной жизни. Современные социологи еще более парадоксальны в многочисленных, почти расхожих обращениях к дюркгеймовской модели в качестве базисной идеализации современной религиозной жизни.

К. Маркс является классиком социологии и отцом-основателем макросоциологической парадигмы социального конфликта. Религия подвергается измерению с позиций социальной реальности: отчуждения, идеологического отражения базисных отношений (инфраструктуры), фетишизации институциональных элементов надстройки (суперструктуры). В каком-то смысле К. Маркс — «более древний» исследователь религии по сравнению с Вебером и Дюркгеймом. Более того, он не только говорит на языке немецкой философии Духа, объявляя ее исторически

исчерпанной, но и активно игнорирует современную ему социологию позитивизма. И все-таки модель религиозной жизни по Марксу — это логически более поздний «слой» становления моделей религиозной толерантности.

Разумеется, при постановке марксовых идей и решений в проблемное поле современной социологии религии не избежать полемических столкновений с образом «опиума». По этому поводу представляются уместными следующие соображения. Можно ли рассматривать последовательную в своей научной честности критику в качестве варианта проявления толерантности и апробации ее принципов? Во всяком случае, как минимум — это заинтересованное отрицание, равнозначное доказательству «от противного», как максимум — это «конфликтная» парадигма толерантности, где происходит «когеренция» экстремально поляризованных позиций и интересов, которые тем самым «нуждаются» друг в друге. Причем, следуя аргументации марксистов, мы неизбежно возвращаемся к гегелевской диалектике, где матрица конфликта выражена в вербально очищенной форме. Но эта философская рафинированность лишена социологической релевантности, а любой социально-институциональный анализ религии, в том числе и с точки зрения толерантности, предполагает независимость фактологических и образных интерпретаций. Таким образом, Маркс — еще одно необходимое опосредующее звено в понимании толерантности через конфликт, где философская установка критического отношения разума к действительности перерастает в социально-этические интуиции, логически дополняющие парадоксально воспринимаемые модели Вебера и Дюркгейма. Парадокс Маркса в том, что он тем самым остается «закрытым» классиком буржуазной социологии религии.

В виде этих трех социологических моделей религии современные исследователи получают стратегии выбора способов аргументации, последовательности обоснования принципов и целей, акцентов трактовки самого проблемного поля религиозной терпимости и нетерпимости. Эти классические варианты получили достаточное современное развитие и признание. Однако представляется возможным обосновать их эвристическое совпадение в рамках философии конфликта, — и эта возможность далека от общепризнанности. Попытаемся восполнить этот пробел. Для этой процедуры представляется наиболее уместным метод мысленного эксперимента. Предварительная

интерпретация этих моделей будет нацелена на предельное обобщение, выявляющее инвариантное понимание религиозной толерантности. Далее попытаемся синтезировать полученные основные принципы трех моделей в рамках единого смыслообразного пространства. Синтетические положения уместно сравнить с ключевыми моментами критической теории Г. Маркузе.

1. Религиозная модель по Макс Веберу:

- сближение моральной и религиозной ответственности;
- совпадение протестантской трудовой этики и потребностей развития капиталистического общества;
- самоценность религиозного мировоззрения, тем не менее, являющегося частью общей картины поведения людей в обществе;
- протестантизм, будучи антитрадиционной религией (первоначально в сравнении с католицизмом), становится моделью анализа, в том числе и традиционных религий;
- религиозно-этические принципы разных вероучений сравнимы по единому критерию, – степени рационализации экономической деятельности;
- религиозная жизнь – наиболее последовательное воплощение смысла социальных действий людей;
- мотивация индивидов во всех сферах жизни так или иначе религиозно значима;
- процесс рационализации религии связан с относительным вытеснением ритуальных, обрядовых, культовых начал и ростом значения этико-догматических моментов;
- классификация мировых религиозно-этических систем определяется их главным носителем – социальным слоем;
- потребность в спасении – систематическое следствие рационализации социальной жизни;
- наряду с активным этическим действием путем спасения также остается мистическое созерцание;
- спасение через собственные действия менее продуктивно догматически, чем спасение через посредника;
- догматические обоснования спасения через посредника (веру, предопределение, принадлежность к церкви) порождают конфессиональную несовместимость;
- анализ внешних связей религии выводит на общество как вероятную целостность жизни.

1.1 Образ толерантности, выводимый из модели Вебера:

Сущность религии раскрывается в процессе секуляризации (вследствие идеализации протестантизма). При этом рационализация

спасения сосуществует с мистической спонтанностью. Общая картина религиозной жизни – это социальный плюрализм взаимной критики догм и стремление каждого субъекта религиозной веры к успешному распространению своего учения.

2. Религиозная модель по Эмилю Дюркгейму:

- религия имеет глубокую общественную детерминацию и функциональные последствия для общества в целом;
- религия – важнейший элемент коллективного сознания, воплощающий представление о социальной реальности;
- религия – один из инструментов социальности как добровольного самопринуждения индивидов;
- сакральное воплощается в верованиях и обрядах, по преимуществу запретительных, всегда отражает некоторые значимые социальные объекты;
- социальные контексты «размыкают» внутренний догматизм религии;
- главный компонент религии – коллективное отправление обрядов;
- основные функции религии направлены на укрепление социальной солидарности, и в этом смысле религия параллельна морали;
- религия, так или иначе, сбалансирована функционально, укрепляя единство верующих, передавая социальное наследие новым поколениям, вызывая чувство эйфории, укрепляя дисциплину через социальный контроль;
- символическая система религии гарантирует прежде всего социальную интеграцию и культурную традицию;
- личность соединяется с обществом через религию и мораль как относительно самостоятельные факторы;
- необходим публичный контроль за влиянием клерикалов на образовательную сферу, т.е. отделение церкви от государства и школы от церкви;
- совокупность верований, образующих автономную систему коллективного сознания, необходимо поддерживать на уровне, способном уравновесить избыток индивидуализма в современных обществах;
- общество священно и является Богом в смысле превосходства над индивидами, т.е. религия укоренена в социальных отношениях, прежде всего – ассоциациях, и связана с качественной автономностью социальной жизни как процесса деятельности;
- психический тип общества не сводим к материальным основам жизни, а религиозная жизнь – важный, но не единственный фактор общего сознания.

2.1 Образ толерантности, выводимый из модели Дюркгейма:

Религия максимально, но внешним образом, сближается с моралью. Игнорирование важности догматического момента приводит к своеобразной инвариантности гражданской религии. Относительная свобода социальной жизни от экономических детерминант заставляет видеть в религии экзальтацию социального начала, от которого производна и хозяйственная жизнь. Религия — часть пути личности к обществу и своеобразная идеологическая цель пути индивида к добровольному самопринуждению.

3. Религиозная модель по Карлу Марксу:

— системы веры и мысли — всегда продукт своей эпохи;

— религия — один из аспектов социального целого и не может рассматриваться обособленно, а лишь в рамках развивающейся совокупности социальной жизни;

— религия — одна из институциональных сфер капиталистического общества, отмеченных отчуждением, при этом различные аспекты отчуждения взаимосвязаны;

— товарный фетишизм — основной фактор экономической детерминации других форм отчуждения, наиболее чистая форма подчинения человека им самим созданными силами;

— господствующие идеи каждой эпохи — идеи господствующих классов, т.е. религиозные идеи — яркий пример «обратного» влияния надстройки на базис;

— религия — фантастическое отражение внешних сил;

— монотеизм — осуществленное единство природных и социальных атрибутов могущества;

— сознательный планомерный контроль — условие исчезновения религии;

— религиозное отчуждение — следствие действительного отчуждения;

— религия исчезает как иллюзия счастья перед лицом действительного счастья;

— развитие социализма и воспитание — основные факторы исчезновения религии;

— критика религии — атрибут прогрессивной общественной мысли;

— религиозная мистика — симптом отсутствия прозрачных и разумных связей между людьми и между людьми и природой;

— культ абстрактного человека обусловлен отношениями товарного производства.

3.1 Образ толерантности, выводимый из модели Маркса:

Некоторое сходство с моделью Дюркгейма исчерпывается тенденцией растворения религиозного в социальном как более

многоаспектным явлении. Функция религии в общении и жизнедеятельности индивидов имеет совершенно противоположный интеграции вектор — это неподлинный критицизм, т.е. иллюзорный конфликтоген и «опиум» одновременно, фантастическое совпадение «вздохов угнетенной твари» и идеологических интересов господствующих классов. Поскольку цель революционной практики — освобождение подлинного человека через преобразование его мира, то «критическая матрица» диалектики высвобождает подлинную социальную этику сотрудничества из идеологического культа абстрактного человека. Религия всеядна благодаря универсальности товарного фетишизма, представляет собой экзальтацию социального отчуждения (толерантность со знаком минус), а коммунистический идеал гармонии сущностных сил человека — позитив (подлинная толерантность) и критический вывод из диалектического «развенчания» религии.

4. Основные синтетические принципы моделей Вебера, Дюркгейма, Маркса:

— религиозное, моральное, социальное представляют в своих внутренних связях отношения взаимного подобия (параллелизм, частичное совпадение элементов, конгруэнтность ценностных приоритетов, целей, значений);

— этико-догматическое, ритуально-обрядово-культовое, мистико-созерцательное, рационально-сотериологическое содержания и проявления религий непосредственно связаны с процессом социокультурной эволюции, более того, являются ее значимо опосредующими системами, задающими критерии рассмотрения этой эволюции;

— социокультурная эволюция в основном понимается как вызревание рационализации социальной жизни (при этом возникают и варианты социально-идеологической революции), т.е. как процессы гармонизации, устраняющие экстремальные противоречия и их проявления в образах нетерпимости;

— недвусмысленное ослабление социально-институционального влияния религии на различные сферы жизни современных обществ, тем не менее, не приводит к «сужению» ее потенциального и реального влияния, — возникает вариант «кибернетического» принципа, когда более слабая энергетическая, но более сложная и вариативная подсистема неизбежно начинает управлять более мощными, но и более грубо устроенными подсистемами;

— главный антипод позитивного влияния религии в современных обществах — рост индивидуализма, при этом главная

социальная заслуга религии — нацеленность на интеграцию и социальную солидарность, а главная социальная слабость — фиксация на «иллюзорной коллективности»;

— идея спасения, представленная в религиозном сознании, оправдана постольку, поскольку нечто подобное достижимо посюсторонним образом в устройении социальной жизни на гармонических началах, совмещающих конфликтное единство критичности и толерантности.

5. Основные особенности гегелевской трактовки Духа, релевантные синтетическим принципам моделей Вебера, Дюркгейма, Маркса:

— «параллельная» эволюция религиозной и социальной жизни, т.е. рассмотрение стадий духовной истории через иудаизм, античность, христианство, лютеранство (генетическое «выстраивание» разнопорядковых явлений);

— «религиозный социологизм», т.е. идея приобретает важнейшие характеристики Бога в исторических образах культуры;

— «амбивалентный критицизм» как подлинная альтернатива религии, инкорпорирующая ее, т.е. Дух просыпается в человеке к самосознанию в виде языка, но Дух и язык обречены на качественную «ломку», осуществление противоречия как внутреннего импульса развития.

6. Ключевые моменты гегелевской философии конфликта, представленные в критической теории Маркузе:

— общая нацеленность на выяснение истинной связи между индивидом и государством;

— «народный дух» — не мистическая или метафизическая сущность, а единство природных, технических, экономических, нравственных, интеллектуальных условий развития народа;

— утрата свободы и единства — основная причина конфликтов современной эпохи;

— поскольку философия выполняет роль окончательной формы человеческого знания, она проясняет и социально-религиозные принципы общения, конкретизируя их смысл

через исчерпание противоречий в направлении возможного единения людей;

— диалектика — осмысление противоречивой структуры реальности, принимаемой здоровым смыслом за ее окончательную сущность, следовательно, социальное мышление — всегда применение диалектики как философии конфликта;

— Дух становится единственной областью свободы и разума, поскольку в мире господствуют анархия и рабство.

7. Общие выводы относительно совместимости инварианта религиозной толерантности и философии конфликта:

— религиозная толерантность — основное «фоновое» понятие социального функционирования государства и отношения индивидов к социальным институтам, выражающее соизмеримость разных образов жизни и их нравственных регулятивов, конкретизирующих формы свободного поведения;

— социальные конфликты — посюстороннее условие, но не причина религиозной нетерпимости, при этом этико-догматическая сублимация вероучений неизбежно приводит к их рациональной соизмеримости, где сохраняющееся многообразие Духа противостоит однообразию индивидуализма массовой культуры;

— свободное единство индивидов, групп, общностей, обществ, человечества остается проблематичным, но превращает публично ослабленные религии в необходимое функциональное условие выживания человеческого рода;

— теологическая эрудиция и теологическая критика становятся актуально необходимой составляющей современной светской культуры и ее оптимистической перспективы, поскольку задействуют философию конфликта в качестве матрицы свободного единения, «раздвигающего» горизонты повседневности.

Религиозная толерантность имеет смысл лишь в многообразии востребующих ее социальных контекстов и возобновимости разноуровневых конфликтных ситуаций, неизбежных спутников продолжения социокультурной эволюции.

ОБРАЗ СССР В КАНАДСКОЙ ПРЕССЕ 1945–1946 гг.

УДК 947.086

М.Н. ПОТЁМКИНА

Канада входит сегодня в семёрку наиболее развитых стран мира. Она имеет высокий уровень экономического развития и социального благополучия. Традиционно на экономику Канады оказывали влияние два фактора: наличие богатых природных ресурсов и соседство с США. Внешняя политика Канады имеет ярко выраженный глобальный характер. Отличительной чертой внешнеполитического курса канадского правительства является приверженность многосторонним подходам в решении международных конфликтов преимущественно мирными методами.

Проблема «образа» относительно нова для историков. Классически образ страны или народа – это исследовательское поле для психологов и социологов [14]. Интересные исследования в этом направлении развернул в 90-е гг. фонд «Общественное мнение» [16]. Исторический аспект проблемы образов и стереотипов сложен для изучения трудностью и разпылённостью источниковой базы. Историки, разрабатывая тематику образов в международных отношениях, часто уходят в описание дипломатических отношений между странами. Наиболее популярными темами остаются «образ врага» и «образ союзника».

Образ – формируемое в человеческом сознании представление об объекте, лишь приблизительно соответствующем реальному в силу субъективного восприятия действительности через разные каналы связи человека с миром [15]. Одним из таких каналов являются разнообразные средства массовой информации. В середине XX века, пожалуй, первой по силе воздействия на сознание для большинства людей в развитых странах мира была периодическая печать. Именно на основе информации, поступающей со страниц газетных и журнальных изданий, люди формировали свои представления о других странах. В условиях «железного занавеса» участие личных впечатлений от поездок в СССР сводилось практически к нулю. В процессе создания «образа СССР» для жителей Канады имели место дополнительные сложности: принадлежность к разным моделям развития, географическая отдалённость, влияние США на все сферы жизни канадской действительности и др.

Вторая мировая война способствовала развитию сотрудничества стран антигитлеровской коалиции и росту авторитета СССР на международной арене. В связи с этим период 1945–1946 гг., знаменовавший собой переход от войны к мирной жизни, представляет особый исследовательский интерес в плане трансформации восприятия СССР в мире. Канадское общество начало открывать для себя «далёкую и непонятную Россию», опираясь почти исключительно на материалы, публикуемые в периодической печати. Особо отметим, что образ, формируемый периодической печатью, только частично совпадал как с реальностью, так с образом, существовавшим в обыденном сознании людей.

Характеризуя канадскую прессу 1940-х гг., следует отметить, что в Канаде не существовало чисто правительственной печати. Как правило, газеты следовали партийной ориентации, хотя часто выступали под ярлыком «независимой прессы». К либеральным газетам условно можно отнести: «Торонто Дейли Стар», «Оттава Ситизен», «Ля Пресс» (Монреаль) и др., к консервативно-правым изданиям – «Виннипег фри пресс», «Глоб энд Мейл», «Оттава Джорнэл», «Газетт» (Монреаль) и др. Тональность подачи материала зависела от политической ориентации печатного издания. На степень объективности оказывали влияние прежде всего источник информации и цель её подачи. Въезд иностранных журналистов в СССР был строго лимитирован, их передвижения контролировались советским руководством, многое зависело и от личных качеств самих корреспондентов. Одним из аккредитованных в Москве был канадский журналист Раймонд Артур Дэвис, представлявший газету «Торонто стар». За годы работы в СССР он сумел наладить деловые благожелательные отношения с руководством Министерства иностранных дел СССР. По возвращении в Канаду в январе 1945 г. Дэвис прислал в Москву телеграмму следующего содержания: «Желаю вашему народу победы в настоящем году. Тысячи людей на 50 митингах (речь идёт о выступлениях Дэвида) выражали уважение к вашей стране, интерес к ней, надежду на общую победу над врагом» [13].

Анализ канадской прессы 1945–1946 гг. позволил выделить наиболее обсуждаемые

темы, касающиеся Советского Союза: оценки политического режима, уровень жизни советских людей, возможности создания атомной бомбы, политика на оккупированных зонах Германии, вопрос о наказании нацистских преступников, наука и культурная жизнь в СССР, российская ментальность.

Конечно, пресса транслировала официальную позицию канадского правительства на перспективы канадско-российских отношений. После выборов в канадский парламент, прошедших в июле 1945 г., канадские газеты опубликовали заявление лидера Либеральной партии Маккензи Кинга: «Канада, подобно СССР, трансконтинентальная и арктическая нация. Мы полагаем, что общие интересы решения обоюдных проблем являются основой для дружественных взаимоотношений с СССР на будущие годы» [1].

Многие канадские периодические издания напечатали высказывания канадского посла в СССР Д. Уилгресса, озвученные во время его пребывания в Оттаве на конференции в Сан-Франциско: «До войны в Канаде было мало что известно о Советском Союзе. После Второй мировой войны Советский Союз значительно вырос, стал великой державой, и долгом каждого канадца является необходимость узнать о действительной жизни, о росте и могуществе этого государства» [2].

В то же самое время много места канадские периодические издания уделяли так называемой «коммунистической опасности».

Значительная часть канадского общества традиционно воспринимали Россию (СССР) как агрессивное милитаризованное недемократическое государство. Согласно опросам Института общественного мнения, проведённым в Канаде в 1946 г., на вопрос о намерениях Советского Союза большинство респондентов ответило, что «экспансионистские планы русских представляют собой угрозу международному миру». Общее количество неблагоприятных ответов составило 52 % и распределилось следующим образом: 21 % опрошенных заявило, что СССР стремится обеспечить превосходство своей мощи; 15 % – что СССР стремится к экспансии; 8 % – что «коммунизм стремится к мировому господству»; 5 % – что «СССР готовится к войне» и т. п. Доля благожелательных ответов составила 17 %, остальные респонденты заняли нейтральную позицию [12].

Крайне жёсткие оценки существовавшего в СССР политического режима декларировала газета «Телеграм» из Торонто в своей статье от 21 июля 1945 г.: «Советский Союз представляет собой абсолютную беспощадную

диктатуру, управляющую с помощью террора и контролирующую с помощью пропаганды» [9].

Любопытно, что в канадской прессе превалировало мнение о том, что истоки агрессивной политики СССР следует искать не столько в коммунистических идеологических постулатах, сколько в российской ментальности. Так, газета «Газетт» (Монреаль) писала в ноябре 1945 г.: «С начала революции мир рассматривал СССР как страну огромной мощи, загадочную по своим мотивам и опасную по своему влиянию. В настоящее время мощь Советского Союза вызывает трепет, его мотивы – недоумение, его влияние – беспокойство. Сегодня отношения между Советским Союзом и демократиями находятся в самом критическом состоянии. Демократические страны сталкиваются с дипломатией, носящей в большей степени русский, чем коммунистический характер». Автор статьи подчёркивал, что Россия всегда подозрительно относилась к Европе и всегда стремилась к захвату территорий, и в этом смысле «нынешняя линия советской дипломатии является типично русской» [11].

Осенью 1945 г. в центре внимания всей канадской печати оказался вопрос об атомном оружии. Это было связано с применением атомного оружия Соединёнными Штатами Америки против Японии. Масла в огонь подлили заявления советского руководства о том, что в Советском Союзе «знают секрет производства атомной бомбы». Публикации в канадской прессе выражали опасения и сомнения одновременно: «России понадобятся, возможно, годы на то, чтобы узнать этот секрет» [11].

Обсуждая советскую политику на оккупированной территории Германии, газета «Глоб энд мейл» пыталась давать советы: «русские должны прекратить грабежи, воздержаться от конфискации немецкой собственности и подождать получения репараций» [10].

Актуальным сразу после окончания Второй мировой войны был вопрос о наказании нацистских преступников. Активная полемика велась на эту тему и в канадской прессе. Обсуждая судьбу лидера бывшей канадской фашистской «Партии национального единства» Арканда, газета «Стар» (Монреаль) призвала последовать опыту Советского Союза в деле проведения судов над своими государственными преступниками. «Нельзя ожидать, чтобы защита нацистских преступников простиралась дальше их просьб о помиловании на том основании, что они были исполнителями приказа. ...Русские знают, по какому пути следовать, и не позволят лживым чувствам

воспрепятствовать им» [7]. Заметим, что в итоге канадское правительство не только проявило лояльность в решении этого вопроса, но и позволило некоторым бывшим нацистским преступникам и их пособникам выехать из Европы в Канаду на постоянное местожительство.

Очень мало канадцев имели возможность побывать в СССР и поделиться своими впечатлениями о повседневной жизни советских людей. Этим объясняются многочисленные интервью, взятые канадскими журналистами у группы канадских учёных, побывавших на юбилейной сессии Академии Наук СССР в 1945 г. (в частности, профессор гистологии Макгильского университета в Монреале Ганс Селье и руководитель факультета политологии Торонтского университета доктор Гарольд Иннес). Канадские учёные, как писала газета «Торонто дейли стар» от 7 июля 1945 г., отметили дружелюбность и гостеприимство русских: «Русские исключительно дружелюбные люди, которые бесконечно заботились о том, чтобы мы были хорошо устроены» [3].

Профессор Селье впервые посетил СССР в 1935 г. в качестве делегата Международного съезда физиологов. В своих интервью он сравнивал свои впечатления от двух поездок и отмечал большие изменения в жизни и настроениях советского народа: «Отмечая уверенность советских граждан в своих силах и стремление к установлению сотрудничества со всеми народами мира, он заявил, что в 1935 г. русских людей тяготила мысль о том, что они ещё должны проявить себя в глазах внешнего мира. Сейчас они уверены в себе, знают свою силу и обладают огромной верой в своё будущее. Однако они свободны от дешёвой и хвастливой надменности» [4]. Затронул Селье и вопрос об уровне жизни советских людей: «В России ощущается

недостаток во многом... Хотя люди одеты просто по нашим понятиям, но они одеты лучше, чем 10 лет тому назад... На пути из Москвы в Ленинград я жадно смотрел из окна, пытаясь найти неповреждённый мост или дом. Я не нашёл ни одного. Напротив, я видел целые города и деревни, сровненные с землёй». В интервью газете «Ивнинг ситизен» профессор Селье привёл достаточно экстравагантный пример, характеризующий материальные трудности советских людей: «Русские люди сильно нуждаются в золоте на коронки для зубов...» [6]. Селье даже похвастался своей предприимчивостью: «Воспользовавшись ситуацией нехватки одежды в СССР, я обменял пару брюк на 2 ценных гобелена семнадцатого века» [8].

Канадские учёные высоко оценили уровень образования, религиозной свободы и были восхищены театральным искусством в СССР. Общаясь с российскими академиками, Селье вынес впечатление, что «у русских почти религиозное восхищение перед наукой и вера в неё. ...В России академики занимают очень высокое положение. Они получают прекрасную плату, бесплатный проезд повсюду и другие социальные привилегии, которыми в Канаде пользуются только члены правительства» [5].

Таким образом, сотрудничество антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны способствовало пробуждению в Канаде интереса к СССР и жизни советских людей, что отразилось на количестве и качестве публикаций в канадской прессе. «Образ СССР», начавший формироваться в 1940-е гг. носил противоречивый, мозаичный и искажённый характер. Появление негативных материалов о Советском Союзе в 1946 г. отражало общемировую тенденцию перехода к конфронтации начала «холодной войны».

1. Архив внешней политики РФ. Ф.056. Оп. 30. Папка 82. Д.20. Л.120.
2. Архив внешней политики РФ. Ф.56. Оп. 2а. Папка 1. Д.9. Л.143.
3. Архив внешней политики РФ. Ф.56. Оп. 2а. Папка 1. Д.9. Л.169.
4. Архив внешней политики РФ. Ф.56. Оп. 2а. Папка 1. Д.9. Л.171.
5. Архив внешней политики РФ. Ф.56. Оп. 2а. Папка 1. Д.9. Л.173.
6. Архив внешней политики РФ. Ф.56. Оп. 2а. Папка 1. Д.9. Л.180.
7. Архив внешней политики РФ. Ф.56 б. Оп. 1. Папка 6. Д.37. Л.25.
8. Архив внешней политики РФ. Ф.56 б. Оп. 1. Папка 6. Д.37. Л.31.
9. Архив внешней политики РФ. Ф.56 б. Оп. 1. Папка 6. Д.37. Л.43.
10. Архив внешней политики РФ. Ф.56 б. Оп. 1. Папка 6. Д.37. Л.52.
11. Архив внешней политики РФ. Ф.56 б. Оп. 1. Папка 6. Д.37. Л.74.
12. Архив внешней политики РФ. Ф.56 б. Оп. 9. Папка 126. Д.229. Л.21.
13. Архив внешней политики РФ. Ф.56 б. Оп. 30. Папка 83. Д.28. Л.1.
14. Боронов А. О., Павленко В. Н. Этническая психология. СПб., 1994.
15. Егорова-Гантман Е., Плешанов К. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // МЭиМО 1998. № 12.
16. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / под ред. Колосова В. А. – М., 2003.

СПЕЦИФИКА НАРОДНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ «ВАКУУМА ВЛАСТИ» 1917–1921 ГОДОВ*

УДК 316.754.4 + 304.444

Т.И. ТРОШИНА

Изучая социальное явление, следует учитывать исторический опыт породившего его общества. Формы самоорганизации и способы социального самосохранения, применяемые локальными социумами в условиях ослабления государственного контроля и усиления общественной аномии, представляют интерес и для современной практики. Целью исследования, положенного в основу данной статьи, является рассмотрение форм сохранения внутренней солидарности, применяемых населением северных губерний Европейской России в 1918–1921 годы как реакция на ослабление и изменение контрольных функций государственной власти в условиях революционного безвластия.

Организация социальной жизни в огромной по размерам и слабонаселенной России существенно отличалась от европейской практики, в связи с чем феномен «обычного права» в различных региональных вариантах привлекал и продолжает привлекать внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. [см.: 16, 26, 22, 30]. Даже в настоящее время способы самоорганизации населения на основе обычая не рассматриваются только в этнографическом ракурсе, являясь объектом исследования социологов [например: 12, 27] и специалистов в области юридической антропологии [28].

Отношение к этой стороне народной жизни традиционно варьируется — от признания проявлений «дикости» и сохранения архаичных социальных форм до их идеализации. Выходя за пределы частных проявлений общественных отношений в сохранении «обычного права», которое поддерживалось в дореволюционную эпоху и государством как удобный способ управления населением, проживающем прежде всего в отдаленных населенных пунктах, начинают видеть причину исторического пути России в XX веке. Так, по мнению американского историка Р. Пайпса, существовавшая система способствовала локализации населения, не сформировала переходных форм, и в результате, в условиях революции, когда разрушилась государственная машина, «снизу» не поднялись

силы, которые могли бы заполнить возникший «вакуум власти» [18, с. 22].

В рамках историко-антропологического изучения русской революции интерес к формам традиционного социального контроля актуализировался в двух направлениях. Их рассматривают в связи с распространением представлений о справедливости, свойственных организованным на принципах солидарности локальным социумам, на широкие слои населения (нередко приобретая черты революционного насилия) [3, 15, 29]. С другой стороны, интерес к ним возникает при объяснении самосохранительных механизмов, которые были задействованы в локальных социумах, стремившихся к изоляции от внешнего мира [26, 30].

С точки зрения автора статьи, на первом этапе революционного безвластия у населения удаленных от центра районов было стремление создать некий правовой симбиоз, включающий как рудименты «обычного права», так и приобретенные в предшествующий период знания об устройстве власти.

Сформулированную проблему следует рассматривать в широком историческом контексте, включающем как относительно длительный период XVIII–XIX века, когда сформировались и приобрели относительно стабильные формы взаимоотношения народа и государственной власти, так и собственно революционную эпоху, которая оказалась наполненной различными политическими, экономическими, социальными и культурными процессами, создававшими в своей совокупности напряжение в отношениях населения к различным способам подчинения правовым нормам.

Региональный аспект исследуемой проблемы связан с тем, что северные территории Европейской России имели культурно-антропологическую, социально-историческую, политическую и хозяйственно-экономическую специфику. Местному населению были свойственны тесные внутриобщинные связи и менее прочные межобщинные, что усугублялось огромными расстояниями и бездорожьем. В результате, здесь продолжали воспроизводиться

* Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РГНФ (проект № 10–01–48102 а/С).

традиционные нормы социального контроля, что происходило в условиях одновременного подчинения населения государственным законам и собственным правовым нормам («обычному праву»).

Между властью и жителями отдаленных поселений был достигнут своеобразный консенсус, в результате чего локальные социумы (так будем называть отдельно проживающие и в какой-то степени самоуправляющиеся общины — как сельские, так и городские) передали центральной власти ряд своих прав по выявлению нарушителей закона, по определению степени вины и назначению наказания. Это предполагало не только признание права государства наказывать тех, кто в глазах населения преступником не являлся, но и отказ от традиционных форм наказания (самосудов) в отношении личностей, признаваемых локальным обществом преступниками. Со своей стороны, государство брало на себя обязанность вывести из общества подобных личностей, которые с точки зрения государственного права закона не преступали. С этой целью в различные исторические периоды применялись такие формы, как ссылка и высылка «по приказам обществ», «отдача в солдаты» и проч.

Государство не могло полностью игнорировать традиционные формы социального контроля, с помощью которых можно было сдерживать от проявлений антиобщественного поведения определенную часть потенциальных преступников. С разрешения властей волостные и сельские суды имели право применять традиционные формы наказания, например, телесные, по приговору сельских сходов. В основном «пороли» «за неуплату податей вследствие лености и дурного поведения»; «наказывали иногда телесно и за “распутную и нетрезвую или развратную жизнь”, с внушением, “чтобы на будущее время вел жизнь трезвую и нерасточительную, и к хозяйству был радив”». Телесные наказания «иногда применялись в случае краж и нанесения оскорбления действием, а также за появление в общественных местах в пьяном виде и за непристойности» — например, за брань, за “разные скверно-матерные слова и ругательства” [17, с. 499–501].

Унижительные наказания налагались по решению местных органов власти, поэтому и для населения, и для государственной власти имели законную силу. Однако вся чаще встречались случаи жалоб «опороченных» крестьян в официальные органы, поскольку де-юре эта практика входила в противоречие с официальной системой судопроизводства и исполнения наказаний. Опротестовывая наказание, обычно ссылались на предвзятость судей, которых обвиняли в кумовстве, взяточничестве и прочих неблагоприятных поступках. Такие жалобы обычно

давали начало бесконечным разбирательствам, и в результате волостные суды перестали применять подобные наказания; по крайней мере, с начала XX века сведений об этом в источниках встречается все меньше. Если подобные наказания и осуществлялись, то решение о них принимались на сходах, поскольку предполагалось, что «со всем миром» наказанный судиться не станет, хотя бы из страха перед однообщинниками. Формами давления на потенциального жалобщика могли быть угрозы порчи имущества и даже лишения жизни. Эти угрозы имели вполне реальные основания, поскольку малолюдные и сплоченные общества могли осуществить их по принципу «круговой поруки», маскируя под несчастный случай. В таких обстоятельствах подвергнутый наказанию член общины уже не рисковал обращаться в вышестоящие инстанции.

Подобное групповое давление стало широко применяться уже в начальный период революционной эпохи в России — в 1905–1907 годы. В условиях демонстративных противоправных действий общепринятой стала практика принуждения членов своего коллектива, своей общины к участию в них под угрозами «разрушить дома» или «положить голову под корни деревьев» [5].

Органы местного самоуправления, даже выполняя свои судебные функции в рамках «обычного права», чаще применяли одобряемые государственными институтами формы наказания, например, арест. Кроме унижения, такое наказание имело значение штрафа, поскольку работника отрывали от хозяйства. Арест применялся и во время крестьянских волнений — но не столько в качестве наказания, сколько для изоляции отказывающихся от участия в коллективных противоправных действиях лиц, чтобы не дать им возможности сообщить о происходящем властям и вызвать тем самым карательные отряды.

Итак, в начале XX века наблюдалось своеобразное явление: в условиях социальной и культурной модернизации все новые массы людей включались в расширенное общество, а, следовательно, и подчинялись общим законам. При этом в локальных социумах происходили случаи применения традиционных форм наказания, в том числе не одобряемых государственной властью. Поскольку наказания, налагаемые в соответствии с «обычным правом», нередко отменялись вышестоящими инстанциями, они все чаще осуществлялись в форме «самосудов».

Революционная эпоха, в которую население отдельных районов России с той или иной долей активности стало вступать с 1905 года, в значительной степени способствовала ослаблению центральной власти; государственное право уже не могло замещать механизм социального контроля, который к тому времени подвергся

эрозии в результате индивидуализации личности. В этот период происходил рост маргинализации и люмпенизации населения, утрата частью его традиционных ценностей; усиливалась имущественная дифференциация, наметилось общее падение благосостояния населения, усиливалась радикализация всех сторон жизни. Одновременно происходило резкое ослабление социального контроля. На первых порах это выразилось в нарушении «договора» с государством, но внутригруппового конфликта в период Революции 1905–07 годов еще не произошло. Например, проявления правового нигилизма (порубки и поджоги казенных лесов, различные формы пассивного сопротивления распоряжениям властей) происходили коллективно – всей деревней, а на малолюдных северных территориях нередко целой волостью.

Второй пик русской революции пришелся на 1917–1919 годы. С одной стороны, ему предшествовал активный период модернизации, а с другой, он совпал со значительным понижением народного благосостояния, вызванным Первой мировой войной. В результате трагического совмещения этих обстоятельств возник уже внутриобщинный конфликт. Отдаленные поселения, которые в состоянии были поддерживать традиционный порядок с помощью социального контроля, оказались переполнены культурными «отщепенцами». Первой волной стало массовое возвращение осенью 1917 – весной 1918 г. дезертиров и демобилизованных солдат. Многие из них оказались носителями разрушительных для традиционного общества настроений: произошло наслоение свойственных им в силу возраста, а также солдатского «статуса» проявлений молодежной культуры, распушенности, которой отличалась солдатская масса во время беспорядочной демобилизации 1917-го года, вульгаризированных социалистических идей.

Вторая волна пришла на 1918–1919 годы: в отвергнувшую когда-то среду стали возвращаться девиантные личности. Ими были не только освобожденные революцией из тюрем, с каторги и ссылки преступные элементы. «Чужими» для живущих в соответствии с традицией общин стали и те, кто продвинулся по социальной лестнице (голод и террор в городах заставил вернуться разбогатевших или перешедших в другие социальные группы благодаря полученному образованию земляков), и те, кто искал «легкого хлеба» на городских фабричных работах.

Общество не готово было справиться с таким количеством социальных отщепенцев, не признающих и даже презирающих «обычное» право. Деревня оказалась буквально наводнена личностями, которые воспринимались как правонарушители и традиционной культурой, и дореволюционным государственным законом.

Кроме этого, резкая социальная мобильность, которой подвергались в 1910-е годы большие массы населения (солдаты, рабочие, учащиеся), способствовала ослаблению внутриличностных сдерживающих механизмов, свойственных носителям традиционной культуры, без замены на осознанное подчинение закону. К этому следует добавить резкое обеднение населения на последнем этапе войны, что подталкивало многих людей к воровству необходимого для поддержания их жизнедеятельности. Мотивом такого поведения могло быть и «всплывшее» из подсознания понимание своего права на общественное вспомоществование, признаваемое в традиционной культуре.

Судя по архивным документам и этнографической информации, среди населения отдаленных местностей вплоть до начала XX века продолжали существовать архаичные традиции общественного «прокормления» нуждающихся; были случаи, когда на законные требования вернуть торговцу деньги за взятые в долг продукты, крестьянин, уверенный в своей правоте, оправдывался тем, что «средств для этого не имеет»; встречались коллективные требования раздела продовольственных запасов деревенского торговца, в случае признания общественной потребности в этом. Состояние относительного народного благополучия позволяло обществу к подобным призывам «делиться» относиться вполне благосклонно. Однако Первая мировая война резко понизила уровень благополучия; количество нуждающихся становилось критическим. В условиях беззакония и безнаказанности начавшейся революции социальный контроль перестал быть сдерживающим механизмом, и резкое понижение благосостояния населения способствовало распространению воровства и грабежей [см.: 1, 21]. Для борьбы с такими преступниками в обществах были реанимированы «посрамительные» наказания в виде «вождения» вора по окрестным деревням «на показ», принуждения его к покаянию перед «обществом» и возвращению украденных вещей [см.: 9, л. 3–5; 19, 23]. По отношению к рецидивистам применялись более жесткие меры – коллективные избиения и даже казни по решению схода, при этом «общество» брало на себя все социальные обязательства казенных, включая содержание малых детей и престарелых родителей [см.: 9, л. 10; 10; 11; 13, 23; 25].

Однако грабежи и воровство нередко принимали коллективные формы. На первом этапе революции (в 1917 и первой половине 1918 годов) они выражались в грабежах помещичьих усадеб, насильственном изъятии земли и других материальных ценностей у церкви и монастырей, у торговцев, предпринимателей, зажиточных крестьян. Со стороны такие

действия населения производили впечатлительные стихийных выплесков, но за ними присутствовала достаточно жесткая организация, построенная на архаичных принципах социальной солидарности, поскольку подобные самоуправления были основаны на «обычном» праве. Уже на первом этапе революционной эпохи современники отмечали у крестьян стремление «оформить бесчинства», производившиеся в деревнях, составлением протоколов [1], на основании которых и осуществлялись различные «насилия» в форме конфискации (церковного и монастырского имущества, земли, находящейся в собственности у крестьян, имущества и наделов у вышедших в другие селения замуж женщин) и выселения или лишения имущества «примаков», то есть крестьян других обществ, вошедших «на хозяйство» в качестве зятя или усыновленного. Подобные мероприятия осуществлялись «всемирно» (т. е. коллективно). Нередко в них принимали участие представители местной власти и даже священники. Тем самым придавалась легитимность происходящему и осуществлялся определенный контроль за тем, чтобы не происходило «безобразий». Уездная и губернская власть в таких случаях «безмолствовала»: она либо не имела сил противостоять реализации архаичного понимания справедливости, либо видела в подобных массовых проявлениях факты революционных «экспроприаций».

На втором этапе, летом 1918 года, когда имущество «чужих» было передано, стали возникать конфликты между жителями соседних деревень, а в больших селах — и между общинами. Последние случаи могли нарушить внутреннюю солидарность, поэтому против них были направлены усилия самого населения. Для наведения «порядка» внутри обществ создавались даже своего рода «карательные отряды». Так, в Тотемском уезде Вологодской губернии «несколько жителей, имена которых местное терроризированное население не называет», получили разрешение сельского схода «производить казни над порочными, по их мнению, лицами общества и тем самым навести порядок» [13].

Нередко непосредственное участие в экзекуциях принимали милиционеры и другие представители власти, которые должны были находиться на страже закона. Так, начальник милиции Сольвычегодского уезда Вологодской губернии обвинялся в том, что коллективные наказания происходили при его молчаливом согласии; он «не только не принял всех зависящих от него мер к предотвращению самосуда в Семеновской волости, а своими словами и действиями способствовал его осуществлению, в результате чего были смерть и массовые

истязания» приговоренных к таким наказаниям общим сходом [9, л. 3–5]. Видимо, «на местах» такая форма социальной защиты признавалась справедливой и представителями власти.

На этапе создания местных органов советской власти в каждом районе она оформлялась в зависимости от того, как ее понимало население и активисты. Отдельные местности стремились жить «по-старому», в других было желание максимально точно соблюдать декреты и указы новой власти. Однако разрушение старой государственной машины — а она на нижнем уровне общества разрушалась с большим азартом, чем на верхних [18, с. 22], где ее первоначально пытались лишь перестроить под новые задачи, — привело к возникновению «вакуума» закона. Поэтому даже большевистски настроенные местные власти стремились к определенному законотворчеству, с целью предотвращения самосудов, самоуправления в отношении казенной, общественной или частной собственности, которые нарушали внутриобщинную солидарность и разрывали и без того слабые межобщинные связи. На уровне уездов и даже волостей, не дожидаясь распоряжения «сверху», разрабатывались «кодексы законов», представлявшие собой своего рода сплав «обычного права», сохранившегося в коллективной памяти, и каких-то представлений о том, какой должна быть легитимная власть, по каким законам должно жить население.

В воспоминаниях жителя Борецкой волости Шенкурского уезда Архангельской губернии [7, д. 660], относящихся к 1918 году, констатировалось: «Законов не было, и мы решили ввести свои». Чтобы бороться с проявлениями неодобряемого поведения, вызванными как общим понижением экономического положения населения, так и «наводнением» деревень всевозможным «пришлым людом» и асоциальными личностями, что проявлялось в «кражах, пьянстве, буйстве», была реанимирована практика общеволостных судов, а именно, вместо коллективных судилищ избирался «трибунал», состоящий из трех судей. Однако встал вопрос о формах наказания. Революция акцентировала внимание на «свободе личности», поэтому применять телесные наказания было не в духе времени. Такое веское наказание, как заключение под арест, которое для крестьян было особенно тяжелым, поскольку отвлекало от хозяйственных дел, для «хулиганов» и «буйствующих» было совершенно бесполезным. Поэтому наказания провинившимся применялись «позорящие» — например, «провести по волости с доской “я вор” или “я хулиган”». Одновременно волостной совет решил проблему «вакуума» государственных норм путем выработки собственного «свода законов»,

который легализовал право волостной власти на применение и весьма жестких наказаний. Так, за «контрреволюцию» полагался «расстрел».

Разработанный и принятый членами волостного совета «свод законов» был размножен и разослан по деревням для обсуждения населением. Часть «здравомыслящих» крестьян и духовенство критически отнеслись к некоторым статьям закона, в частности, к «расстрельным». Однако под влиянием исполненных революционным энтузиазмом фронтовиков законы были поддержаны и официально приняты на волостном собрании. О своей инициативе волостной исполком доложил уездному съезду советов, в результате чего и другие волости использовали их опыт, разработав собственные «законы».

В одном из селений Онежского уезда Архангельской губернии в 1918 году «выбирались народные судьи», а поскольку «новых законов не было — сами принимали решения о взысканиях и прочих наказаниях». На общем собрании была утверждена самостоятельная «Временная инструкция до получения установленных законов», которой должны были следовать народные судьи. Например, вводились денежные штрафы за такие виды общественно порицаемых деяний, как «воровство, погрыва посевов, уклонение от исправления изгородей, за появление в пьяном виде, за драки» [7, д. 87, л. 27].

Постепенно революционный нигилизм стал подчиняться революционному закону, который оказался более жестким, чем государственные нормы стабильного времени. Однако на отдаленных территориях навести порядок оказалось не так просто. Например, даже в 1919 году, казалось бы, на пике жесткого военного управления, в Пинежском уезде Архангельской губернии комитеты бедноты «расстреливали... по 18 и даже по 20 человек». По словам секретаря уездной парторганизации, «неоднократно приезжали агитаторы из Центра и усматривали в этом преступление <наших> работников... но уездный исполком и <волостные, сельские> исполкомы считали <такое действие> правильным» [8]. Даже после окончания Гражданской войны были случаи подобных «узаконенных» на местном уровне самосудов; так, губернской власти в последний момент удалось добиться признания незаконным расстрельного приговора врачу, обвиненному в том, что допустил распространение гриппа; нередкими были случаи изгнания и коллективного избияния медиков по решению местных органов власти [6].

И все же, при всей «самодетельности» местного законотворчества, оно стремилось пресечь самосуды и силовые решения проблем, широко применяемые населением. Если в 1918 году «революционные» власти на местах

занимались законотворчеством в условиях отсутствия «новых» законов, то бунтующие крестьяне стремились создать свою, справедливую систему управления и судопроизводства, в противовес «неправильному» управлению большевистской власти. В каждом случае местное сообщество создавало собственную «республику», организовывало власть и занималось законотворчеством. Тщательное исследование документов крестьянских восстаний показывает, что за «стихийностью», которой их участники стремились объяснить следователям происходившее, в действительности присутствовала достаточно строгая организованность и управляемость. И даже дикие, казалось бы, избияния толпой местных милиционеров и советских работников имеют рациональное объяснение. Коллективное наказание носило анонимную форму, поскольку таким образом было принято высказывать общее презрение к однообщинникам, которые, оказавшись «во власти», действовали наперекор обычаю, против общинных интересов. К тому же анонимное, «со спины», избияние не давало наказанному повода испытывать неприязнь к конкретным лицам. Это дает основание предполагать, что основной целью таких реанимированных архаичных форм наказания виновных было не столько наказание, сколько демонстрация с целью сохранения социального мира и порядка.

Жестокие убийства продотрядовцев, то есть «чужих», не подчиняющихся местному «обычаю», также имели демонстрационный характер. Иррациональная, не поддающаяся логическому объяснению жестокость по отношению к продотрядовцам (например, в Никольском уезде Вологодской губернии их убивали, раздробляя головы молотом), осуществлялась по решению схода и официально оформлялась составленными властями «приговорами». Когда прибывали каратели, местного управления даже не покидали свои деревни, будучи уверенными в своей правоте. По-видимому, население считало, что расправами с «грабителями» оно выполняет возложенную на него государством обязанность: так же они когда-то ловили и выдавали властям разбойников, дезертиров, беглых преступников. Видя, что власть ослабела и не в состоянии защитить население от разбойников, крестьяне брали эту миссию на себя. Такое же объяснение можно дать развитию в период Гражданской войны партизанского движения, которое на последнем ее этапе рассматривалось как повстанческое и «белобандитское»: население в условиях опасности, исходящей как от «чужих», так и от соседей, стремившихся «пожизниться» за их счет, создавало отряды самообороны. На территориях, где происходили боевые действия, эти отряды нередко втягивались воюющими армиями в свою орбиту.

Концептуализируя заявленную проблему на уровне анализа массовых фактов, извлеченных из разнообразных источников, следует сказать, что экстремальные события революционной эпохи создавали предпосылки для реанимации забытых в условиях новых реалий социальных практик, актуализируя весь предшествующий социальный опыт. Это касается и реакции населения на ослабление карательных и контролирующих функций государства. Несмотря на традиционный для населения российской провинции «правовой нигилизм», утрата защиты со стороны государства в условиях агрессивного внешнего проникновения в изолированные общества и активизации внутренних асоциальных элементов воспринималась негативно. «Вакуум» центральной власти и государственного закона

заполнялся с помощью реанимации архаичных форм коллективного выживания, а также путем создания подобия замены утраченным законам и нормам для защиты «революционного порядка» в пределах отдельной волости или уезда. В условиях расширения гражданского конфликта воспитательная сторона социального контроля уступала место дисциплинирующим наказаниям, которые становились все более суровыми.

По мере усиления карательных функций, что в условиях воссоздания государственности приобретало особенно жесткие формы, самосохранительные практики отдельных обществ оказались направлены и против представителей власти. Результатом стала эскалация насилия с обеих сторон.

1. Юза Никольского уезда // Вольный голос Севера. (Вологда). 1918. 12 января.
2. Булдаков В.П. Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // Россия и современный мир. 2001. № 2. С. 31–47.
3. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2005.
4. Дикость // Вельская народная газета. 1918. 30 (17) марта.
5. Государственный архив Архангельской области. Личное дело Потылицина А. И. (1939 г.) Архивные копии из дел Первого департамента Министерства юстиции. Л. 27, 30-31.
6. Государственный архив Архангельской области. Ф.236. Оп. 1. Д. 997. Л. 151, 152.
7. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 8660. Оп. 3.
8. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л.84 (Стенограмма 1 Архангельской губернской партконференции. Июль 1919 г.)
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1005 (Верховный трибунал ВЦИК) Оп. 2 Д. 16 (Переписка с Северо-Двинский трибуналом по кассационным жалобам).
10. Зверский самосуд // Вольный голос Севера (Вологда). 1918. 6 июня.
11. Из Березниковской волости Вологодского уезда // Вольный голос Севера. (Вологда). 1918. 20 июня.
12. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994.
13. Корреспонденция // Вольный голос Севера (Вологда). 1918. 6 января.
14. Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX веке – начале XX века. М.: Современные тетради, 2003.
15. Марченя П. П. Массовое правосознание и победа большевизма в России: монография. М., 2005.
16. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII– начало XX вв.) Т. II. СПб, 1999.
17. О наказаниях, налагаемых волостными судами в Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 11.
18. Пайпс Р. Три «почему» русской революции. М.: СПб: Феникс, 1996.
19. «Шероховатость» Дмитриевской волости // Красный набат (Вельск Вологодской губернии). 1919. 9 февраля.
20. Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.
21. Право сильного // Север. Народная газета. 1918 г. 27 апреля.
22. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX вв.). М.: РОССПЭН, 2008.
23. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 70. Оп. 3. Д. 542.
24. Самосуд // Северное эхо. (Вологда). 1917 г. 10 ноября.
25. Самосуд // Северное эхо. (Вологда). 1917 г. 28 июня.
26. Случаи воровства и самосудов в Шангальской волости // Вельская народная газета. (Вельск Вологодской губернии). 1918. 20 февраля.
27. Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 116–121
28. Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX начала XX века: монография. Ростов н/Д, 2009.
29. Халтурин А. Н. Правовая культура Русского Севера (социально-философский анализ): автореферат канд. философ. наук. Архангельск, 2009.
30. Engel B. A. Not by Bread Alone: Subsistence Riots in Russia during World War I // Journal of Modern History – 69. (1970, December). P. 696–721.
31. Figes O. Peasant Russia, Civil War: the Volga countryside in revolution, 1917–1921. London, 2001.
32. Frank S. P. Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856–1914. Berkeley: University of California Press, 1999.

ОРГАНИЗАЦИЯ САНАТОРНО-КУРОРТНОГО ДЕЛА ОРГАНАМИ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ В ПЕРИОД НЭПА (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

УДК 94 (470)

Е.И. АНТИПОВА

Санаторно-курортное лечение является важнейшим элементом современной медицины в борьбе за снижение заболеваемости населения, предупреждение инвалидности и, как следствие этого, восстановление и сохранение трудовых ресурсов. Еще Н. А. Семашко, один из организаторов советского здравоохранения, первый народный комиссар здравоохранения РСФСР, писал, что «курорты — ремонтные мастерские для восстановления здоровья трудящихся» [5, л. 81].

Санаторно-курортное лечение имеет глубокие исторические корни. На протяжении всего времени установления курортной практики значение санаторно-курортного лечения только возрастало, при этом изменялся круг лиц, получающих право на данный вид лечения. В дореволюционной России оно было объектом частнопредпринимательской деятельности, им могли пользоваться капиталисты. С 20-х годов 20 века санаторно-курортное лечение было организовано и для широких масс трудящихся. Именно с переходом к нэпу, когда в стране наблюдались катастрофическое состояние экономики, хозяйственная разруха, санаторно-курортное лечение получило свой расцвет.

Так как трудовые отношения в первые годы нэпа были подчинены главной задаче — восстановлению народного хозяйства, государство стремилось повысить трудовую активность рабочих, вводя систему материальных стимулов. Но политика стимулирования была сведена лишь к совершенствованию структуры заработной платы в отдельных отраслях производства. Государство, осозная ситуацию, при которой рабочие находились на грани физического выживания, стало оказывать помощь трудящимся в натуре — в виде бесплатной медицинской помощи, в том числе санаторно-курортного лечения.

В феврале 1921 года Наркомздрав РСФСР приступил к организации по всей стране «нового типа лечебных учреждений — домов отдыха, призванных сыграть важную роль в охране здоровья рабочих, поддержании и восстановлении их физических сил» [9, л. 1071].

Юридически статус домов отдыха и их назначение были закреплены в декрете СНК РСФСР от 13 мая 1921 года «О домах отдыха». Их организация обосновывалась целью «предоставления рабочим и служащим возможности восстановить свои силы и энергию в течение получаемого ими ежегодного очередного отпуска в наиболее благоприятных и здоровых условиях» [2].

В Декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 23 июня 1921 года «Об управлении лечебными местностями (курортами) общегосударственного значения» было закреплено, что в интересах планомерного использования лечебных местностей (курортов) для нужд трудящегося населения РСФСР и других советских республик, ввиду общегосударственного значения их целебных свойств для лечения и восстановления здоровья трудящихся, курорты, расположенные на территории РСФСР, управляются Наркомздравом РСФСР через местные курортные управления. При этом в ведение последних передавались все лечебные учреждения (санатории, грязи, водо- и электролечебницы), минеральные источники, соляные и грязевые озера и др. [3].

Постановлением СНК РСФСР от 11 июля 1921 года «Об освобождении и передаче в ведение курортных управлений помещений и зданий, пригодных для устройства санаториев в курортных местностях» установлено, что в месячный срок, согласно производственному плану Наркомздрава РСФСР, в курортных местностях Крыма, Кавказских групп, Кубано-Черноморского и Одесских лиманов соответствующим губернским исполнительным комитетам предписывалось передать все пригодные для устройства санаториев помещения и здания, занимаемые советскими учреждениями, военными и гражданскими служащими и «вообще здоровыми людьми, не связанными с курортным лечением или в производственном отношении», в ведение курортных управлений [7].

Данные правовые акты положили начало развитию санаторно-курортного лечения трудящихся. В них провозглашена национализация курортов, определены основные принципы

развития курортов в нашей стране. Под лозунгом, сформулированным В.И. Лениным – «Курорты для трудящихся» – началось массовое строительство курортов в СССР.

Санаторно-курортное лечение, сочетающее в себе функции профилактического оздоровления, реабилитации, укрепления жизненного тонуса, осуществлялось в санаториях на курортах общесоюзного (в Крыму, на Кавказе) и местного значений, местных санаториях, домах отдыха и передвижных домах отдыха. Последние создавались, как правило, для рабочих-подростков и представляли собой горные экскурсии.

Большое значение играли дома отдыха, представлявшие собой учреждения для организованного культурного отдыха трудящихся в условиях полного обслуживания. В них принимались трудящиеся с целью укрепления их здоровья.

Несмотря на значимость домов отдыха, местные санатории имели ряд преимуществ над ними. Во-первых, большой при лечении в привычной для своего организма местности не подвергался резким климатическим изменениям; во-вторых, местные санатории, организованные недалеко от города, где была распложена страховая касса, обходились значительно дешевле. Так, несмотря на то, что стоимость содержания койки по стране в 1924 году в доме отдыха составляла 40–45 рублей в месяц, а в местном санатории – 100 рублей, общий расход на организацию и содержание домов отдыха в 1924 году составил около 4 млн рублей, а на местные санатории было потрачено 3 млн рублей.

Трудящиеся, страдавшие нервными, инфекционными и другими заболеваниями, направлялись в санатории, то есть лечебные учреждения курортов как стационарные лечебно-профилактические учреждения, где проводилось комплексное лечение. Функционировали грязевые, бальнеологические, туберкулезные, климатические курорты. Самыми распространенными болезнями были туберкулез и ревматизм (80 %), на втором месте – нервные и сердечные болезни (11 %), на третьем – желудочные (6 %), на долю остальных болезней приходило 3 %.

Среди организационных вопросов, которые обсуждались в начале 1920-х годов, в тяжелое экономическое время для страны, был вопрос организации медицинской помощи, в частности развития курортного хозяйства. Этот вопрос был рассмотрен на Всероссийском съезде профсоюзов в 1922 году, на котором было постановлено, что решение организационных и финансовых вопросов в области санаторно-курортного лечения находится в ведении страховых органов.

Органы социального страхования, взяв на себя функции организации санаторно-курортного дела, столкнулись с рядом трудностей: во-первых, плохое поступление страховых взносов – не хватало денежных средств на выплату застрахованным пособий и пенсий; во-вторых, отсутствие опыта в решении данного вопроса.

Санаторно-курортное лечение финансировалось из следующих источников: основную долю денежных средств в областные кассы перечисляло Центральное управление социального страхования, остальными источниками являлись средства, получаемые от заключенных соглашений на санаторно-курортное лечение, средства, отчисляемые хозяйственными органами по коллективным договорам на курорты и дома отдыха; дополнительные средства, поступающие от хозяйственных органов, в размере не меньшей суммы, израсходованной ими за очередной период на аренду койко-мест, средства местных бюджетов, поступающие за счет предоставления работниками местных бюджетных учреждений койко-мест и др.

В период 1923–1925 годов страховые органы нарабатывали санаторно-курортную практику.

В 1923 году органы страхования постепенно начали организовывать дома отдыха, арендовать курортные места в Крыму, на Кавказе, в местных санаториях.

Так, в Уральской области в 1923 году на страховые средства санаторно-курортное лечение получили: 1549 человек – на курортах местного значения с коечным фондом в количестве 660 коек, 624 человека – на курортах общегосударственного значения с коечным фондом в количестве 210 коек, 397 человек – в местных санаториях с коечным фондом в количестве 175 коек, 4707 человек – в домах отдыха с коечным фондом в количестве 1325 коек. К указанному количеству койко-мест необходимо прибавить еще 200 коек, арендовавшихся различными хозяйственными учреждениями, сведения о которых полностью не были представлены. В среднем еще около 700 человек получило лечение. Поэтому общее количество застрахованных, получивших санаторно-курортное лечение в 1923 году, составило около 8000 человек [6, л. 56].

Санаторно-курортная кампания 1924 года заключалась в организации различных видов здравниц. В некоторых губерниях дома отдыха были превращены в полусанатории, санатории, при отсутствии режима – в дома отдыха.

В целях анализа опыта санаторно-курортного строительства и совершенствования данной работы органы социального страхования проводили конференции и совещания. Так,

на втором Уральском областном совещании инспекторов труда и работников страховых касс, состоявшемся 7–13 января 1925 года, подводили итоги работы органов социального страхования за 1924 год. Было отмечено, что «курортная кампания прошла в истекшем году с большими шероховатостями: опоздали путевки, неправильно распределяли койки; санаторно-курортная кампания проведена неудовлетворительно в смысле постановки курортного дела. Это объясняется несвоевременным получением облздравотделом средств, в частности от Уралсоцстраха». [4, с. 59, 99].

В свою очередь, Б. Либерман, председатель Уральского управления социального страхования, подчеркнул, что «хорошо понимает значение курортно-санаторной помощи для страховой работы и как профилактического мероприятия, и как понижающего наши операционные расходы, но увлекаться этим не следует. Надо помнить, что основная работа есть работа по обеспечению застрахованных инвалидов и безработных, как денежными видами помощи, так и медицинской помощью, и что выдача пособий и пенсий не может и не должна страдать от организации курортно-санаторной помощи и домов отдыха» [4, с. 49]. Несмотря на расставленные приоритеты в области социальной политики, органы страхования осознавали, что хорошо организованная медицинская помощь содействовала сокращению расходов по страхованию. Чем лучше этот вопрос был урегулирован, тем меньше проходило страховых кассам выплачивать пособие по нетрудоспособности. Санаторно-курортное лечение играло большую роль в охране здоровья рабочих.

В 1925 году страховым органам, учтя рекомендации Уральского управления социального страхования, оптимизировав расходы, сократив штатные единицы обслуживающего персонала, удалось сэкономить денежные средства, тем самым значительно увеличив пропускную способность санаториев и домов отдыха.

С каждым годом санаторно-курортное дело приобретало все больший размах. Но, учитывая отсутствие соответствующей санаторно-курортной практики, плановые задания по оздоровлению трудящихся не всегда выполнялись в нужном объеме, что приводило к неполному исполнению лечебной базы, нерациональному использованию коечной сети, соответственно, потребности в санаторно-курортном лечении удовлетворялась не полностью. Также на сложившуюся ситуацию оказывали влияние бюрократизм в работе органов социального страхования, что выражалось в формальном подходе к разрешению дел, недостаточном внимании к оформлению

документов, задержке путевок, и, как следствие, массовых опозданиях трудящихся в санатории. Стоит отметить, что большое количество документов Уральского управления социального страхования (инструкции, циркуляры) касалось, главным образом, статистических, финансовых, медицинских вопросов, а вопросы организационного характера занимали меньший процент.

На заседаниях Президиума комитета Уральской областной страховой кассы обсуждались вопросы качества обслуживания отдыхающих, принятия мер к своевременному снабжению больных медикаментами и способы улучшения постановки санаторно-курортного дела.

Органы социального страхования в целях отслеживания качества постановки санаторно-курортной работы проводили анкетирование среди отдыхающих. Они анонимно заполняли анкеты, анализ которых позволял страховым органам представить картину жизни рабочих в здравницах.

Проблемным вопросом в организации санаторно-курортного лечения был продовольственный. В «Советскую правду», «Красный труд» и другие газеты трудящиеся нередко направляли статьи, в которых отмечали неудовлетворительное качество питания в здравницах [1].

Постепенно улучшив продовольственное положение отдыхающих, упорядочив ведение хозяйства, рабочие сами допускали нарушения санаторно-курортного режима, покидая место лечения в целях получения дополнительного заработка. Тем самым они видели цель нахождения в здравницах не в укреплении своего здоровья, а во временном проживании в комфортных условиях.

Отдых в здравницах преследует не только медицинские цели, но и предоставление досуговой программы рабочим, способной поднять их жизненный тонус. Однако организация культурно-просветительской работы в рассматриваемый период была одной из проблем санаторно-курортного дела. Это обстоятельство было связано с плохо организованной работой в библиотеках, отсутствием различных музыкальных инструментов, малым количеством проходивших концертов и др. Данную проблему разрешали, избирая культурно-просветительские комиссии, организовывавшие вечера, на которых слушались различные доклады, исполнялись музыкальные номера.

Кроме того, рабочие столкнулись с проблемой бесплатного проезда на транспорте к месту лечения и обратно. Наркомпути РСФСР отказывал в бесплатной перевозке рабочих, отправляемых на курорты. Тогда губпрофсоветом было

возбуждено перед губисполкомом ходатайство о вынесении распоряжения «О выплате действительной стоимости проезда по железной дороге рабочих и служащих, едущих на курорты и обратно». Ходатайство было удовлетворено [8, с. 4]. Позже вышел приказ Центрального управления железнодорожного транспорта НКПС СССР «О порядке безденежного проезда на курорты и обратно лиц, застрахованных в страхкассах социального страхования», которым был утвержден порядок безденежного проезда по железным дорогам застрахованных, направляемых на курорты и обратно органами социального страхования. Безденежная перевозка совершалась на основании выдаваемого удостоверения формы, установленной Центральным управлением социального страхования.

Выявляемые недостатки в постановке санаторно-курортного лечения служили предметом обсуждения и принимались во внимание при составлении планов будущих санаторно-курортных кампаний.

Для правильной организации санаторно-курортного лечения на курортах начали строить гостиницы, общежития, пансионаты, столовые, устанавливать твердый курортный режим и устранять существовавшие недостатки.

В 1925–1926 годах на организацию санаторно-курортного лечения по стране было израсходовано 31,8 млн руб., а в 1927–1928 гг. – 35,8 млн руб. На данные средства санаторно-курортное лечение получило следующее количество трудящихся: в 1925–1926 годах в санаториях, курортах и домах отдыха получили лечение 351,045 тысяч человек, в 1926–1927 годах – 513,219 тысяч человек, в 1927–1928 годах – 540,352 тысячи человек. Цифры свидетельствуют о получении широкого развития санаторно-курортного лечения.

Для изучения научных основ развития и организации курортов, природных лечебных факторов, их действия на организм и методов использования в лечебно-профилактических целях в 1925 году был создан Центральный научно-исследовательский институт курортологии и физиотерапии СССР. Позже были созданы научно-исследовательские институты курортологии и физиотерапии на Северном Кавказе, и в Грузии, в Крыму, на Украине, а позже в других союзных республиках и местах Советского Союза.

Таким образом, основными принципами санаторно-курортного строительства рассматриваемого исторического этапа явились: принцип централизма; принцип обеспечения санаторно-курортным лечением широких масс; принцип специализации санаторно-курортных учреждений; принцип осуществления санаторно-курортного лечения за счет средств социального страхования, полностью или частично; принцип научного обоснования использования курортных лечебных ресурсов.

Проблемы организации санаторно-курортного дела были связаны с отсутствием практики в решении рассмотренных вопросов, экономической ситуацией в стране, бюрократизмом в работе органов социального страхования. Переживая тяжелые времена, страховые органы главную социальную задачу санаторно-курортного дела – сокращение времени нетрудоспособности рабочих после болезней в результате лечения на курортах в несколько раз, рост производительности труда – выполняли.

Организованная работа в области санаторно-курортного лечения органами социального страхования в период нэпа позволила в дальнейшем пересмотреть рекреационные потребности рабочих, определяющие широту спектра услуг на курортах, что привело к более эффективному, строго на научной основе, осуществлению санаторно-курортного дела.

1. В домах отдыха // Советская правда. 1922. № 812. С. 3; Дом отдыха // Красный труд. 1922. № 39. С. 1–2; Непорядки в доме отдыха // Советская правда. 1921. № 430. С. 4.
2. Декрет СНК РСФСР от 13 мая 1921 г. «О домах отдыха» // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1921. № 47. Ст. 232.
3. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 23 июня 1921 г. «Об управлении лечебными местностями (курортами) общегосударственного значения» // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1921. № 52. Ст. 311.
4. Материалы второго Уральского областного совещания инспекторов труда и работников страхкасс 7–13 января 1925 г. Свердловск: Издание Уральского отдела труда, 1925.
5. Письмо Главного курортного управления от 30 января 1924 г. № 481 // ГАСО. – Ф. 270. Оп. 1. Д. 22.
6. План организации санаторно-курортного лечения и домов отдыха для застрахованных Уральской области на летний сезон 1924 г. // ГАСО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 22.
7. Постановление СНК РСФСР от 11 июля 1921 г. «Об освобождении и передаче в ведение курортных управлений помещений и зданий, пригодных для устройства санаториев в курортных местностях» // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1921. № 53. Ст. 316.
8. Рабочая жизнь // Советская правда. 1922. № 789. С. 4.
9. Циркуляр Наркомздрава РСФСР всем губернским и дорожным здравоохранителям об организации домов отдыха (без даты, февраль 1921 г.) // ГАРФ. Ф. 482. Оп. 1. Д. 207. Ч. II.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДОМОВ-ИНТЕРНАТОВ МАЛОЙ ВМЕСТИМОСТИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

УДК 94 (470)

Г.С. СМИРНОВ

Организация стационарного социального обслуживания пожилых людей и инвалидов является частным вопросом более широкой проблемы становления и развития системы социальной защиты населения в современной России.

Социальное обслуживание этой категории граждан в домах малой вместимости имеет достаточно длительную историю. Официально этот тип учреждений возник в 1970-х годах после одобрения 21 декабря 1971 года постановлением Российского республиканского совета социального обеспечения колхозников Примерного положения о межколхозном доме-интернате для престарелых и инвалидов. Главной целью их создания было устранение диспропорции в обеспеченности интернатными учреждениями городского и сельского населения. Кроме того, сельское население охотнее селилось именно в такие, территориально более близкие и привычные по бытовому укладу интернаты.

В дальнейшем эти учреждения получили наименование домов ветеранов сельскохозяйственных производственных комплексов, назывались сельскими домами ветеранов и домами ветеранов, сохраняя свой главный признак — малую вместимость.

В 1980-е годы была в основном сформирована нормативная база деятельности домов малой вместимости (постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 22 января 1987 г. № 95 «О мерах по дальнейшему улучшению обслуживания престарелых и инвалидов», Совета Министров РСФСР от 30 марта 1987 г. № 113 «О мерах по дальнейшему улучшению обслуживания престарелых и инвалидов», Совета Министров СССР и ВЦСПС от 12 мая 1988 г. № 621 «О дополнительных мерах по улучшению условий жизни ветеранов войны и труда», Совета Министров РСФСР от 21 июня 1988 г. № 240 «О дополнительных мерах по улучшению условий жизни ветеранов войны и труда») [2].

Указанными нормативными актами предусматривалось развитие новых, удобных для граждан престарелого возраста

и инвалидов форм обслуживания, создание надлежащих условий для отдыха и досуга, развитие сети межколхозных и колхозных домов-интернатов.

В Челябинской области, являвшейся (и поныне считающейся) одной из наименее обеспеченной интернатными учреждениями в РСФСР (РФ), эта практика в 70-х — первой половине 80-х годов большого распространения не получила. Однако в конце 1980-х в ряде сельскохозяйственных районов было начато строительство домов для одиноких престарелых (2 дома в совхозе «Кулуевский» Аргаяшского района, по одному в совхозе «Березинский» Чесменского района, совхозах «им. Ленина» и «Кочердыкский» Октябрьского района, в пос. Новогорный Увельского района и в совхозах «Береговой» и «Северный» Каслинского, «Красносельский» Увельского, «Остроленский» Нагайбакского районов. В результате уже в 1990 г. в небольшие сельские дома (преимущественно на 4–12 мест) были устроены 156 человек, в 1991 г. — 134 человека. В итоге очередь в сельские дома-интернаты временно исчезла. В 1991 г. Агропром согласился построить в районных центрах сеть специальных жилых домов для ветеранов общей вместимостью на 2000 мест. Однако из-за деструктивной позиции районных администраций строительство осуществлено не было [1, с. 37–39].

Вскоре после начала «рыночных» реформ и в связи с ликвидацией совхозно-колхозной организации сельскохозяйственного производства и тяжелейшим экономическим кризисом в этой сфере большинство из сельских домов-интернатов малой вместимости прекратили своё существование.

Дальнейший этап в развитии интернатов малой вместимости связан с реализацией федеральных законов «Об основах социального обслуживания в Российской Федерации» и «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов». Хотя в этих нормативно-правовых актах напрямую ничего не говорится о домах-интернатах малой вместимости, сама постановка задачи создания адекватной

сложившейся ситуации системы учреждений социального обслуживания и социальной защиты населения послужила толчком к началу воссоздания подобных учреждений наряду с повсеместным образованием полустационарных центров социального обслуживания. Однако создавались они теперь на базе приспособленных помещений (брошенных школьных зданий, разукрупненных детских садов, освободившихся общежитий, участковых больниц, сельских школ искусств и т. п.) и финансировались из региональных или муниципальных бюджетов. В настоящее время в субъектах РФ действует около 500 домов-интернатов малой вместимости, входящих в государственный и муниципальный секторы социального обслуживания, где проживает около 15 тыс. граждан пожилого возраста и инвалидов.

В их числе: 224 дома-интерната, 76 домов-интернатов малой вместимости, 63 дома ветеранов, 56 домов милосердия, 34 пансионата, 25 отделений стационарного проживания; 11 специальных жилых домов; 5 геронтологических отделений.

Около 55 % из них особо малой вместимости (рассчитаны не более чем на 25 человек) остальные – на 26–50 человек [2].

В Челябинской области в настоящее время существует 8 таких учреждений, всего на 239 мест. Все они формально принадлежат муниципальным органам власти. Создавались они заново в 1993–2003 годах, когда организация социального обслуживания относилась к вопросам местного значения, и все муниципальные учреждения финансировались преимущественно за счет местных бюджетов. Поэтому процесс открытия таких интернатов носил автономный и длительный характер. Ведущая роль и инициатива принадлежала органам местного управления, исходя из потребностей и возможностей населения той или иной территории. Исключением является лишь Тарутинский (Чесменский район) дом-интернат на 20 мест, построенный ещё в 1989 г., единственный уцелевший в годы разрушения сельской инфраструктуры.

В 1993–94 годах открылись дома в Миньяре, Озёрске, Бредах, Трёхгорном. В 1997 г. в Озёрске был открыт второй дом-интернат, теперь уже детский. Последними появились в 2003 г. интернаты в Новобурино (Кунашакский район) и Ясных Полянах (Брединский район) [3, л. 10].

Все учреждения находятся в отдельных благоустроенных, но приспособленных зданиях с централизованным водо-

электро- и теплоснабжением и водоотведением, а в Брединском и Тарутинском домах-интернатах имеются автономные газовые котельные. Однако изначальная непригодность зданий создаёт серьёзные проблемы размещения всех необходимых подразделений и кабинетов, жилых помещений, внутренних коммуникаций и сетей, организации водо- и электроснабжения. Но главной из них является несоблюдение норм жилой площади. Предусмотренные нормативы – 7 кв. м. спальных площадей для взрослых и 4 кв. м. для детей – выдерживаются только в домах-интернатах п. Новобурино и г. Трёхгорный. В остальных на одного взрослого человека приходится от 4,8 до 6 кв. м., а в Озерском детском доме – 2,7 кв. м. [3, л. 13].

В соответствии с указами Президента РФ от 29 января 2000 года № 115 «О мерах по улучшению условий проживания престарелых и инвалидов в государственных и муниципальных стационарных учреждениях социального обслуживания населения» и от 25 декабря 2000 года № 2063 «О дополнительных мерах по улучшению условий проживания престарелых и инвалидов в государственных и муниципальных стационарных и полустационарных учреждениях социального обслуживания населения» и основанной на них федеральной целевой программой «Старшее поколение», оснащение домов-интернатов малой вместимости техническими средствами, облегчающими уход за проживающими, медицинской техникой и изделиями медицинского назначения, технологическим оборудованием, оборудованием для отделений трудотерапии и лечебно-трудовых мастерских, оборудованием для культурно-досуговой работы и автотранспортом, начиная с 2003 г. стало осуществляться в первоочередном порядке. Финансирование осуществлялось Пенсионным фондом РФ, Министерством труда и социального развития РФ, органами социальной защиты населения субъектов РФ. Однако значительная часть этих средств была истрачена на капитальные ремонтные работы, которые ранее не финансировались. Так, в 2004–2005 годах в пяти учреждениях (Тарутино, Миньяр, Трёхгорный (оба интерната), Новобурино) за счёт средств социальных программ ПФ РФ проведены ремонтные работы в общей сложности на 4 млн 580 тыс. руб. Указанные мероприятия позволили существенно укрепить материальную базу учреждений.

Учреждения в целом относительно неплохо укомплектованы кадрами (от 83 %

до 100%). Однако отмечается текучесть и дефицит младшего медицинского и обслуживающего персонала в связи с низкой заработной платой. По этой причине уровень обслуживания далеко не всегда соответствует стандартам. Недостаточное качество ухода за проживающими было отмечено проверками в домах-интернатах Новобурино, Брединском, Тарутинском, Миньярском.

Предоставление полноценной медицинской помощи осложняется в них тем, что в ряде учреждений (Новобурино, Тарутино, Миньяр) нет собственных врачебных кадров, что связано с острой нехваткой врачей в данных районах. Это же обстоятельство затрудняет лицензирование в них врачебной помощи. Из проживающих в учреждениях 118 инвалидов индивидуальные программы реабилитации имеют лишь единицы. Исключение составляет Озерский детский дом-интернат, в котором всем проживающим детям-инвалидам разработаны индивидуальные программы реабилитации и предоставляются многопрофильные реабилитационные услуги (социально-средовая адаптация, развитие мелкой моторики, обеспечение техническими средствами реабилитации, лечебная физкультура, массаж, занятия с логопедом и другие). Проживающие мало вовлекаются в лечебно-трудовую деятельность из-за отсутствия для неё условий [3, л. 14–15].

С 1 января 2005 г. вопросы организации социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов, в том числе стационарного социального обслуживания, отнесены к полномочиям субъектов Российской Федерации. Органы местного самоуправления, в ведении которых находятся муниципальные стационарные учреждения, наделены государственными полномочиями по социальному обслуживанию граждан в данных учреждениях. С этого времени работа муниципальных учреждений контролируется Министерством социальных отношений, и не делается различий в отношениях между государственными и муниципальными учреждениями, а значительная часть финансирования осуществляется из областного бюджета. Поэтому в плане финансового обеспечения деятельности муниципальными в полном смысле слова можно назвать лишь некоторые из них.

Финансируются учреждения малой вместимости, как правило, за счёт средств бюджетов субъектов РФ либо местных бюджетов и средств, поступающих от проживающих в качестве платы за проживание и питание. В бюджетах муниципальных образований предусматриваются в основном расходы

на оплату труда работников, а также оплату коммунальных услуг и прочие нужды. Значительную долю финансовых средств составляют также внебюджетные источники.

Финансирование учреждений Челябинской области складывается из трёх основных источников:

- субвенций областного бюджета;
- средств муниципальных бюджетов;
- платы за стационарное обслуживание.

В большинстве сельских интернатов (Тарутинском, Новобурином, Брединском, а также в Миньярском городском) доля муниципального финансирования в среднем за три года (2005–2007 гг.) не превысила 5 % от финансирования из областного бюджета. Только в Яснополянском она составила 26 %. Зато в городских интернатах (Трёхгорный, Озёрск) доля муниципальных финансов в 1,4–1,6 раза превышает долю государственного финансирования. Существенную роль играет также плата призываемых стариков и инвалидов. Она составляет свыше 12 % всех средств, поступающих на содержание интернатов. Однако это значительно меньше той доли, которую плата составляет в интернатах большой вместимости. Например, в Верхнеуральском – свыше 24 %. Это является показателем того, что удельные расходы (в пересчёте на одного обслуживаемого) на содержание учреждений малой вместимости выше, чем на содержание крупных.

В целом доля муниципального финансирования снижается. В 2005 г. из областного бюджета профинансировано 8450,2 тыс. руб., а из местного – 20208,6 тыс., а всего из бюджетов области 28658,8 тыс. Таким образом, доля местного бюджета составляла 70,5 %. В 2006 г. было соответственно выделено 17719,0 тыс., 13710,8 тыс. и 31429,8 тыс. руб. Доля местного бюджета упала до 43,6 %. В 2007 г. соответственно 22785,6 тыс., 15624,8 тыс., всего 38410,4 (из местного – 40,7 %). Таким образом, относительный вклад местных бюджетов сокращается, они всё в меньшей степени способны к содержанию муниципальных домов-интернатов.

К этому следует добавить внебюджетное финансирование за счёт вычетов платы за содержание и обслуживание из пенсий проживающих в интернатах. В 2007 г. в виде платы за содержание на счета интернатов поступило 4827,7 тыс. руб. (12,6 % от всех поступлений). На самом деле выплаты составили большую сумму. В ряде муниципальных образований (например, в г. Озерске и в Кунашакском районе) плата сначала поступает в доход муниципального

образования, а уже оттуда перечисляется стационарному учреждению, иногда в заметно усеченном объеме, что противоречит нормативным документам [3, л. 11].

Конкурентоспособность и экономическая эффективность подобных социальных служб в современных экономических условиях является одним из важнейших факторов их существования. С точки зрения минимизации управленческих и эксплуатационных затрат на единицу производимой продукции крупная организация является более эффективной по критерию «затраты – результаты». Однако социальные услуги – особый вид продукции, оцениваются они субъективно, в зависимости от того, насколько удовлетворяются потребности и запросы потребителей услуг. В условиях Челябинской области строительство и укомплектование новых домов-интернатов маловероятно, а старые заполнены и переполнены. Следовательно, речь должна идти о сравнительных затратах на содержание и о социальном самочувствии обслуживаемых граждан.

В целом по России затраты по содержанию в стационарных учреждениях социального обслуживания малой вместимости незначительно отличаются от затрат по содержанию в более крупных стационарных учреждениях [2]. В Челябинской области таких сравнительных исследований не проводилось. Однако тарифы на коммунальные услуги, цены на продукты питания в сельской местности обычно ниже, чем в городах. В 2009 г. в крупных домах-интернатах общего

типа стоимость питания одного обслуживаемого составила 89,4 руб. в день, в детских домах-интернатах – 137,5 руб. В муниципальных интернатах в среднем – 90 руб. [4]. Таким образом, удельные затраты по этой важной статье практически одинаковы.

Зато в социальном плане малые интернаты заметно эффективнее. Об этом свидетельствует, в частности, нежелание очередников уезжать в крупные учреждения, имеющие свободные места. Во все малые интернаты (кроме Тарутинского) имеется очередность. Больше всего (32 человека) в Озёрском интернате для пожилых и инвалидов. В Брединском в очереди – 19, Новобуруинском – 17, Озёрском детском – 10. Всего в очереди стоят 83 человека (35 % от штатной вместимости) [3, л. 17]. Это говорит о высокой востребованности данных учреждений среди населения.

Таким образом, в своём развитии дома-интернаты прошли три этапа (создания, упадка и расформирования, нового возрождения). Эти этапы были напрямую связаны со стратегией государственной социальной политики и положением дел в социально-экономической сфере. Анализ показывает, что этот тип учреждений востребован, но без правовой и экономической поддержки государства существовать не способен. Следовательно, их дальнейшая судьба зависит прежде всего от государственной политики в области социального обслуживания экономически неактивного населения.

1. Гартман Н. А. Становление и развитие системы социальной защиты населения в Челябинской области [Текст] / Н. А. Гартман, С. С. Смирнов. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2000. 158 с.
2. Дома-интернаты малой вместимости как перспективная технология. [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=.:/20/12107/19430/27383/29612/31462/31470>.
3. Объединённый государственный архив Челябинской области. Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 256. Л.10-18.
4. Текущий архив Министерства социальных отношений Челябинской области. Протоколы коллегий за 2010 г. Протокол от 28.05.10 № 1. Об итогах работы органов и учреждений социальной защиты населения Челябинской области за 2009 год и задачах на 2010 год.

НАРАЩИВАНИЕ МОЩНОСТЕЙ ПРОИЗВОДСТВА ПЛУТОНИЯ И ТРИТИЯ НА ПО «МАЯК» В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1948–1950-е гг.)

УДК 621.039

В.Н. НОВОСЕЛОВ

Политика правительства СССР, направленная на безусловное сохранение результатов победы над фашизмом в ходе второй мировой войны, вызвала в США стремление отбросить Советский Союз к исходным позициям, которые он занимал в конце 1930-х гг. Одним из средств заставить советское правительство пойти на геополитические уступки явился атомный шантаж, сопровождавшийся быстрым ростом ядерного оружия у США.

Успешная реализация атомного проекта СССР позволила в июне 1948 г. начать на комбинате № 817, построенном на севере Челябинской области, промышленное производство плутония и тем самым покончить с монополией США на ядерное оружие.

Как только стал очевиден успех запуска первого промышленного реактора, руководители атомной промышленности Б.Л. Ванников, М.Г. Первухин и А.П. Завенягин обратились 17 июня 1948 г. к председателю Спецкомитета с докладной запиской о проектировании и развертывании подготовительных работ по строительству второго плутониевого завода в составе трех графитовых реакторов на площадке комбината № 817.

Реализация разработанной стратегии началась 13 июля 1948 года с выходом постановления Совета Министров СССР, в котором предписывалось приступить к проектированию в составе комбината № 817 второго реактора по проекту построенного реактора А с внесением в этот проект конструктивных улучшений, позволяющих упростить и удешевить сооружение агрегата и одновременно поднять его мощность. Поскольку проект второго агрегата разрабатывался заново и учитывая, что действующий агрегат развил большую мощность, чем предусматривалось проектом, второй агрегат проектировали на большую мощность, а именно на 200–250 г плутония в сутки.

До пуска радиохимического завода «Б» комбината № 817 и установления его фактической производственной мощности считалось возможным второй завод «Б»

на комбинате № 817 не строить. На первый период работы второго реактора радиохимическую переработку выгружаемого из него металлического урана можно было производить на резервном оборудовании завода «Б».

Постановлением от 25 сентября 1948 года Совет Министров СССР принял предложения ПГУ о строительстве на комбинате № 817 реактора «АВ». Строительство реактора «АВ» потребовало организации объекта 307, обеспечивающего его водоснабжение. Его начальником стал А.М. Милорадов, до этого работавший управляющим трестом водоснабжения Ленинграда.

В монтаже и пуско-наладочных работах активное участие принимали будущие работники эксплуатации, которые получили теоретическую подготовку, прошли стажировку на реакторе «А». Будущих инженеров управления агрегатом учили физике реактора, правилам его эксплуатации, устройству основных систем контроля температуры, влаги, расхода воды, разгрузки технологических каналов. После окончания монтажных работ, завершения кладки реактора, стягивания бандажной бригады монтажников приступила к сборке и клепке алюминиевого кожуха реактора, верхней кровли его и воздуховода сухого воздуха или сухого азота для системы влагосигнализации.

Рядом со зданием реактора «АВ» построили длинный барак для подготовки и проверки комплектующих деталей и сборки технологических каналов. Это же здание было использовано для подготовки продукции к загрузке реактора. Приказом директора комбината Б.Г. Музрукова для загрузки технологических каналов были созданы две бригады во главе с И.В. Курчатовым и Е.П. Славским.

После окончания загрузки оказались незагруженными 150 технологических каналов, так как в стране не хватало металлического урана на второй реактор. Пришлось подвергнуть ревизии забракованные блоки и отобрать из них для

загрузки наиболее надежные. Только после этого реактор был полностью загружен металлическим ураном.

Пуск реактора «АВ» производился 4 апреля 1950 г. под руководством И. В. Курчатова и А. П. Александрова. С сентября 1950 года наработанный плутоний стал поступать для переработки на радиохимический завод.

Первым начальником реактора «АВ», который впоследствии стал называться «АВ-1», стал Н. А. Петров, главным инженером — Н. А. Семенов. С ноября 1950 года начальником становится Н. А. Семенов, затем Н. Д. Степанов и за ним — Н. А. Николаев.

В разгар строительства реактора «АВ-1», 17 октября 1949 года поступило распоряжение А. Н. Комаровского о строительстве аналогичного ему реактора. Этот новый реактор получил название «АВ-2» и стал возводиться рядом с «АВ-1».

Опыт строителей, налаженное производство реакторного оборудования на предприятиях страны, высокая организованность и чувство ответственности позволили в рекордно короткий срок построить и сдать в эксплуатацию реактор «АВ-2». Его соорудил тот же коллектив, что и «АВ-1», во главе с В. К. Чистяковым и П. П. Богатовым. Хотя это был и более сложный по конструкции аппарат, чем предыдущие, его построили ровно за год — с апреля 1950 по апрель 1951 года. Государственная комиссия приняла реактор в эксплуатацию в июне 1951 года.

Первым начальником объекта «АВ-2» назначили А. Д. Рыжова, до этого работавшего начальником смены на реакторе «А», главным инженером — Н. Д. Степанова, до этого — заместителя главного инженера реактора «А». Проработав три месяца, А. Д. Рыжов признался, что эта должность не для него и подал заявление об уходе. В марте 1951 года начальником объекта «АВ-2» стал Н. И. Козлов, до этого работавший старшим инженером реактора «А».

Первоначально реакторы «АВ-1» и «АВ-2» входили в состав комбината как самостоятельные заводы, имевшие свои административно-управленческие штаты. С 1 января 1954 года по решению Министерства среднего машиностроения оба завода объединили в один под названием «Завод № 24». Его первым директором стал Н. Н. Архипов. Главным инженером завода № 24 был назначен Л. А. Юровский, его заместителем по производству — Н. И. Козлов.

Последним из промышленных уран-графитовых реакторов на комбинате

№ 817 в октябре 1952 года был запущен реактор «АВ-3». Основное технологическое оборудование для реактора изготовил Уралмаш, а электрооборудование — Подольский механический завод.

Пуском реактора, как всегда, руководил И. В. Курчатов. Начальником реактора был назначен В. П. Муравьев, главным инженером — Б. В. Брохович, до этого работавший начальником смены реактора «АВ-1». Первыми начальниками смен были назначены: Л. А. Алехин, А. Я. Антонов, Т. П. Николаев, А. И. Садовников.

Наряду с уран-графитовыми реакторами, предназначенными для наработки плутония и ряда изотопов, развивается реакторное производство по другим направлениям.

С целью производства трития на площадке рядом с первым реактором «А» с осени 1950 года началось строительство уран-графитового реактора «АИ». В это время наряду с разработкой первой плутониевой бомбы советские ученые проводили концептуальные исследования возможности создания термоядерного оружия, основанного на реакции синтеза легких элементов.

В 1949 году ученым стало ясно, что для термоядерной бомбы необходим тритий. Для его получения был построен реактор АИ, имевший решающее значение для укрепления обороноспособности СССР. К моменту принятия решения о сооружении реактора «АИ» советские ученые и специалисты имели опыт создания первого промышленного уран-графитового реактора «А». Однако целевое назначение реактора «АИ» — получение трития за счет облучения лития в потоке нейтронов — потребовало изменения подходов к его конструкции. Впервые в отечественной практике реакторостроения был разработан и реализован физический принцип построения активной зоны реактора с топливом, предназначенным для накопления трития.

Пусковые работы на реакторе «АИ» проводились непосредственно под руководством И. В. Курчатова и А. П. Александрова. 28 октября 1951 года был закончен монтаж «АИ» и начата загрузка в него обогащенного урана. 12 ноября при загрузке 614 кг металлического урана в реакторе началась цепная реакция. 17 января 1952 года был получен недостающий для выхода на мощность металлический уран. Утром 17 января уран загрузили в реактор, была подана в полном объеме вода, осмотрены все конструкции агрегата. После этого был установлен режим подачи азота. В 23 часа

20 минут после окончания всех контрольных операций мощность реактора была поднята до 2000 кВт, а 14 февраля 1952 года реактор вышел на проектную мощность. В технологический комплекс производства трития входили также цех снаряжения литиевых блоков, печное отделение для извлечения из облученных блоков сырого газа, отделения очистки и разделения газа по изотопам и получения готового трития.

В марте 1951 года создается дирекция реактора «АИ». Приказом от 14 марта начальником объекта назначается Ф.Е. Логиновский, бывший начальник смены реактора «А», главным инженером — П.В. Глазков, до этого назначения — главный энергетик реактора «А».

В истории отечественной атомной промышленности реактору «АИ» принадлежит почетное место. Это объясняется тем, что на нем были решены технические задачи, имевшие важное государственное значение для обороноспособности страны. Принципиальной особенностью реактора «АИ» являлась универсальность конструкции, обеспечивавшей возможность ее

многоцелевого использования. На реакторе было организовано производство трития и многих изотопов, проведено большое число испытаний экспериментальных урановых блоков для промышленных реакторов вплоть до их разрушения, испытания оборудования для первой и многих других атомных электростанций, построенных в СССР и за рубежом. Впервые в мировой практике на «АИ» была осуществлена в 1956 году разборка реактора и замена части графитовых кирпичей.

С 1 июля 1954 г. реакторы А», «АИ» и «АВ-3» объединены в завод № 156. Первым его директором стал Ф.Я. Очинников. Главным инженером завода в 1954–1963 годах работал Б.В. Брохович, с 1963 по 1971 годы — директор завода 156.

Таким образом, к середине 1950-х годов на Урале завершилась реализация атомного проекта в части реакторного производства. На комбинате № 817 набрали мощь реакторные заводы, на которых шла наработка плутония и трития, столь необходимых для наращивания оборонного потенциала СССР.

1. Атомный проект СССР: документы и материалы : в 3 т. / М-во Рос. Федерации по атомной / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. 2. Кн. 4. — М. — Саров : Наука : Физматлит, 2003. С. 129–130.
2. Там же. — С. 537–538.
3. Там же. — С. 148–150.
4. ГФ НТД ФГУП ПО Маяк Ф. 1. Оп. 1и. Д. 21. Л. 8.
5. Там же. Л. 9.
6. Киселев Г. Содружество И. В. Курчатова, А. П. Александрова и Н. А. Доллежала в создании опытного реактора АИ / Г. Киселев. — Бюллетень по атомной энергии. 2003. № 2. С. 17.

«БЕЗУМИЕ» ИЛИ НОВАЯ ЖИЗНЕННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ?

УДК 316.3/4

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Странный текст представили на наш суд коллеги М.В. Чекмарев и А.С. Чупров [1]. Авторы дают широкую панораму симптомов глубокой патологичности современного общества. В качестве симптомов этого нездоровья указываются насилие и цинизм на экранах и в жизни, засилье дебилизирующей рекламы, излишество ненужной информации, деградация экосистем. Следствием чего является разлад в семье, перманентный стресс, «нападение на себя» (в качестве чего авторы неоднократно упоминают пирсинг), а в конечном итоге — уход в безумие (векордизм) как защиту от агрессивного мира.

В качестве причин такого положения авторы полагают расколдовывание и десакрализацию традиционного мира («смерть Бога»), девальвацию традиционных ценностей, испытание свободой и избытком, гиперкритицизм и тотальное сомнение, затянутый период обучения подрастающего поколения, изменение роли женщины, а главное — смех, обсмеивание всего и вся, шутовство, чреватое «шагом в бездну».

В результате складывается устойчивое впечатление, что авторы щедро делятся с читателем потоком эмоционального пафоса, но не пониманием и объяснением природы и особенностей современного общества*. Симптоматика, следствия и даже причины сваливаются в нечто яркое, но достаточно бесформенное и лохматое. Что затрудняет выработку внятного отношения к тексту. Зато можно выдергивать любой его фрагмент, раскручивая и прослеживая который можно, наверное, размотать и весь клубок, по крайней мере, большую его часть.

И начать можно с самого почему-то болезненного для авторов сюжета — со смеха...

О смешном

Шут, трикстер, карнавал — принадлежность любой культуры, а отнюдь не исключительно феномены современной. Смех — радость понимания. Прежде всего, несостоятельности отклонения от разделяемой тобою нормы. Причем отклонения именно несостоятельного, неопасного. Если такое отклонение опасно, становится не до смеха. Поэтому, как отмечал Достоевский в «Подростке», смех — самая верная проба души. В смехе, зачастую помимо воли человека,

реализуется его идентичность — система ценностей и норм им разделяемых. Но чтобы рассмеяться, надо оказаться именно в положении «над» предметом осмеяния, его несостоятельностью. Смех поэтому предполагает выход в некий контекст, в некий out — по отношению к конкретной ситуации. Это именно эмоция понимания, осмысления — аналогично как смысл слова из фразы, смысл фразы — из текста, смысл текста — из контекста, а смысл жизни — в том контексте, в котором жизнь рассматривается, переживается.

В этой связи важно понимать, что смех, нонсенс, абсурд — не отсутствие смысла, а его приращение, умножение, а то и факторизация. Так, нонсенс — это не когда нет смысла, а когда возможны различные прочтения, интерпретации, понимания... Да и священные тексты, чтобы стать таковыми, должны быть достаточно абсурдными и противоречивыми с точки зрения обыденного сознания, чтобы допускать толкования на все случаи жизни. Инструкция по технике безопасности священным текстом быть не может — ее можно и следует понимать только однозначно.

Да и вряд ли можно отрицать, что систематическое остранение, делание привычного странным, иным — условие динамики осмысления, обновления понимания в искусстве, науке, морали, религии...

О природе ценностного релятивизма

Тогда становится ясной природа нынешнего (постмодерного) «всего и вся деконструктивизма». Мы имеем дело с тотальной контекстуальностью и даже гиперконтекстуальностью осмысления, когда при желании можно остранять практически все реалии окружающего мира и опыта. Речь идет об утрате некоего главного Контекста. Другими словами — о тотальном ценностном релятивизме. Что является отнюдь не следствием мультикультурализма. Наоборот — сам мультикультурализм суть следствие и проявление этого релятивизма ценностей и норм. Тогда что его порождает? ПОЧЕМУ Бог умер? Простой констатации факта недостаточно. А объяснение в духе — «он на нас обиделся и ушел в мир иной» переводит вопрос в плоскость Божественной мотивации (обиды), следствие чего в лучшем

¹ Авторы не ссылаются на источники, работы других авторов, делясь с очевидностью личным. Поэтому и я позволю себе прокомментировать их текст без ссылок на работы не только свои, но и других коллег. При желании этот компонент аргументации может быть легко выстроено.

случае — признание вины за собой... Но тогда вопрос возникает в ином обличи — «а почему люди утратили веру в Бога?». И тогда возникает целый веер идеи «возврата к вере»: от фундаментализма до поиска новых «столпов и утверждений истины».

Чем гадать о Божественных обидах, лично мне представляется более конструктивной точка зрения И. Канта, согласно которому вера наша в Господа должна быть настолько полной, что не должна его примешивать к нашим делам. Тот, кто претендует на знание мотивации Господа, слишком много берет на себя. Тут недолго и до магии, вроде торговли с Господом — мол, я Тебе..., а Ты мне за это...

Поэтому... А поэтому следует признать, что массовое общество и рыночная экономика породили общество, которое является буквальной реализацией великого проекта гуманизма Просвещения с его лозунгами «Все во имя человека, все на благо человека!», «Человек есть мера всех вещей!»... И мы знаем этого человека — это каждый из нас. Человеческая цивилизация достигла уровня возможности любых потребностей — были бы они артикулированы.

И дело не в коммерциализации, которая глубоко вторична. Главное — маркетизация, выступающая общим знаменателем, к которому приводятся все потребности и стоящие за ними ценности. В результате, если в традиционном обществе ценности выстроены иерархически, вертикально, то в обществе массового потребления эта вертикаль съедается снизу и оседает. Ценности превращаются в рубризаторы рынка массового потребления. И надо признать, что это цивилизационный тренд. Это общество, о котором человечество мечтало, а изрядная часть его — мечтает до сих пор. Ограничивать миграцию приходится в страны, достигшие этого уровня, а не наоборот.

Но, как и у всех достижений цивилизации, у этого общества имеются негативные последствия. Что, кстати, отнюдь, не означает, что с этим обществом надо бороться. У компьютера тоже масса негативных последствий — глаза подсаживаются, позвоночник кривится — но никто же не отказывается от компьютера. Так и тут противостоять можно и даже должно не самому этому обществу, а его негативным последствиям. Каким?

Прежде всего, упоминавшейся игре на понижение. Человек оказывается в ценностно плоском мире. И ему нужны некие ориентиры. В этом плане можно выделить три основных средства противостояния игре на понижение и ценностному релятивизму. Во-первых, это гражданское общество, позволяющее людям, объединившись с себе подобными, решать свои проблемы. Во-вторых, это полноценная элита, люди, открывающие новые горизонты и пути их

достижения. И, в-третьих, — внятная культурная политика: что подлежит обязательному сохранению, что само выживет, а что нежелательно.

И тогда становятся ясными главные беды нынешнего российского общества, оказывающегося бессильным перед игрой на понижение. У него нет иммунитета, позволяющего пользоваться благами цивилизации без патологических последствий. Однако обсуждение причин отсутствия в стране гражданского общества, полноценной элиты и вменяемой культурной политики выходит далеко за рамки данного рассмотрения, тем более что на эту тему много написано и сказано, в том числе и мною лично.

Перспективы новой антропологии

Цивилизационный тренд выражается еще в одном обстоятельстве...

Речь идет об определении и позиционировании личности. В силу целого ряда исторических факторов можно выделить несколько стадий идентификации личности как вменяемого субъекта.

Исторически первой сформировалась «этническая» идентификация, при которой границы личности как вменяемого субъекта задаются принадлежностью роду, племени, клану. Гарантиями идентификации являются представители данного и других этносов («наш» — «чужой»). Подтверждением идентичности являются внешний облик, одежда, язык, поведение. По мере развития общества, возникновения государства возникла идентификация «статусная», когда личность выступает уже как выделенный из рода индивид, идентифицируемый по его месту в социальной иерархии, определяемому по его заслугам перед неким сувереном. В этом случае подтверждением идентификации, помимо облика, телесных признаков, становятся некие документальные свидетельства. Урбанистический образ жизни, индустриализация, формирование и развитие массового общества породили «ролевую» идентификацию, когда на первый план выходят успешно выполняемые социальные роли, независимо от статуса и рода-племени личности. Гарантом чего является личная и профессиональная востребованность, подкрепляемая некими сертификатами, но главное — компетентностью и профессионализмом личности.

В настоящее время мы, похоже, вступили в стадию «проектной» идентификации, при которой границы вменяемого субъекта очерчиваются жизненными стратегиями, планами, а идентификация задается вменяемой ответственностью, что подтверждается известностью и узнаваемостью личности при активном участии средств коммуникации, общественного мнения. Можно предположить даже некоторые

очертания грядущей «постчеловеческой» идентификации, когда на первый план выходит «человек без свойств», неявленная и самостоятельно определяемая точка сборки («немонотонная функция») свободы и ответственности. Проблемы подтверждения такой идентичности весьма неоднозначны и только еще начинают ощущаться в связи с развитием Интернета, виртуальной реальности, геной инженерии, медицинских практик, трансплантаций, смены пола, киборгизации и т.п. По крайней мере у нас на глазах тело утрачивает жестко идентифицирующий личность характер, становится костюмом, который можно не только украшать (пресловутый пирсинг), но и менять.

При этом другие формы идентификации не отрицаются, а становятся средствами, ресурсом реализации конкретных проектов, давая личности вполне определенные особенности как конкурентные преимущества, — как в случае «проекта Обама». Или наоборот — старательно преодолеваются — как в «проекте Майкл Джексон».

Каждая идентификация порождает свою форму социализации личности. Так, отказ от родового статуса расширяет поле для карьерного продвижения чиновников; освобождение от всевластия бюрократии — возможностям свободной игры экономических, политических и других творческих сил; расширение возможностей самоидентификации новыми коммуникативными средствами — новые возможности самореализации личности.

Во все времена личность могла быть довольна своим местом в мире, стремилась к его изменению, смене своей социальной позиции. В традиционном обществе средства для решения этой задачи были довольно ограничены: это могла быть узурпация чужой позиции, ее маркировка именем с целью изменить к себе отношение окружающих; затем изменение социального статуса, а затем — роли. В наши дни подобное стремление предполагает изменение себя, своей собственной самоидентификации, построение себя-другого. Потрясающие возможности в этом плане дает Интернет.

И это именно достижение цивилизации. Потому что как только цивилизационные возможности утрачиваются, все формы идентификации быстро облетают, как листья с кочана капусты, оставляя кочерыжку этничности.

Ergo

Хорошо все это? Или плохо? Думаю, что спрашивать так — все равно, что оценивать времена года. Мы имеем дело с цивилизационным

развитием. Следствием чего является не только новый уровень качества жизни, но и новая антропология, а, возможно, и какие-то сдвиги морали — одни проблемы биоэтики чего стоят. Даже вроде бы решенные в середине прошлого столетия вопросы отношения к аборту в наше время приобретают не то что бытовой, а даже политический характер. Где и когда личность? Где и когда человек? Да и зрелая личность все больше предстает странником, навигатором возможностей.

Если обобщить сказанное, то можно даже, утверждать (вслед за М.Н. Эпштейном), что мир вступил в новую модальность бытия — модальность возможности. Это видно даже по динамике общественной мысли, в первую очередь — философии. Если большую часть ее истории мыслителей интересовало сущее и проблема его постижения (истина), то индустриализация, успехи науки вывели на первый план модальность должного — приведения реальности в соответствие с познанными законами. Этот рационалистический активизм исчерпал себя к середине прошлого столетия — как в крахе позитивизма и сайентизма, так и в крахе «социалистической» утопии. И на первый план все более явно выходит модальность возможности, что проявляется не только в информационных технологиях, Интернете, виртуализации. Социально-экономические практики кредита и страхования — не менее убедительные примеры возможности реальности. И всеми этими возможностями надо уметь пользоваться.

В ответ на вызовы современности требуется новая компетентность — как жизненная (от каждой личности), так и профессиональная — в том числе от гуманитария. Когда меняется роль гуманитария — не столько объяснять мир и не столько писать программы его преобразования, сколько потенцировать реальность, открывая новые и новые возможности.

Нередко ответом на эти вызовы становится синдром стресса от интенсивной динамики меняющегося мира. Не объяснение этой динамики, а страхи, фобии... И это ярко представлено в статье наших авторов.

И что — бежать в традицию в духе «Проекта Россия»? Или открыться изменениям? Ситуация выбора очевидна. Она даже ярко проявилась на последних российских выборах — думских и президентских, расшлывших российское общество на сторонников изменений, сторонников «стабильности» и растерянных перед самой ситуацией ответственного выбора.

1. Чекмарёв М. В., Чупров А. С. Векордизм, или мироощущение как способ защиты // Социум и власть. — 2011. — № 4 (32). С.5–12.

МУДРОСТЬ И ЮРОДСТВО ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СТАТЬЁЙ М. В. ЧЕКМАРЁВА И А. С. ЧУПРОВА «ВЕКОРДИЗМ, ИЛИ МИРООЩУЩЕНИЕ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ»)

УДК 141.7

А. Р. ЕРМОЛЮК, А. В. ЕРМОЛЮК

Статья М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова «Векордизм, или Мироощущение как способ защиты» представляет собой прекрасный повод для дискуссии о кризисных явлениях в духовной жизни современного общества. Обозначим сразу наше отношение к данной работе. Достоинство статьи, на наш взгляд, состоит в том, что его авторы пытаются уйти от бытовых рассуждений про «низкую нравственность» и продвинуться на уровень достаточно серьёзных научных обобщений. Однако заключительная часть статьи (напомним, там обосновывается сдержанно-оптимистическая оценка современного общества и его перспектив) кажется нам небесспорной.

Тема безумия занимает в статье значительное место. Само её название содержит слово «векордизм», которое авторы определяют как «способ защиты от агрессивного мира путем использования ресурса безумия». Обращение М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова к осмыслению безумия как социального феномена в рамках разговора о современном обществе и текущем культурном моменте является весьма симптоматичным и даёт возможность высказать ряд соображений. Опорой для наших размышлений послужат прежде всего труды самобытного русского философа В. В. Розанова (1856–1919). Этот замечательный социальный мыслитель и чуткий аналитик не только много и верно писал о духовном кризисе западноевропейской и русской цивилизаций, но и специфическим образом использовал «ресурс безумия» в своём творчестве и даже в жизни, из-за чего многие современники считали его не вполне адекватным.

Как очевидно, «безумие», о котором завели разговор М. В. Чекмарев и А. С. Чупров, не связано с нарушениями психики, это социальное и культурное явление. Причём не новое, а известное уже не одно столетие.

С точки зрения самого «безумца» дело обстоит так. В окружающем обществе существуют нормы, необходимость следовать которым большинство считает самоочевидной.

Если сознательно нарушить эти нормы, причём нарушить без выгоды для себя, то можно приобрести в глазах окружающих «статус» умалишённого.

Кому и зачем это «превращение в сумасшедшего» (напомним, речь не идёт о психическом расстройстве) могло понадобиться?

Во-первых, нельзя исключать, что тем самым человек стремится «невидимой стеной» огородить себя от окружающего социального порядка, от господствующей культуры. Такой образ действий может избрать для себя тот, кто живёт в иноязычном или иноверном окружении, да и вообще всякий, кому по причинам личного или идеологического характера настолько надоела реальность, в которой он живёт, что способ ухода от неё принципиальной роли уже не играет. «Я остаюсь внизу и снизу плюю на всю вашу общественную лестницу», — говорит герой «Москвы-Петушков» [2, с. 36]. Примерно в том же духе мог рассуждать и человек, притворившийся умалишённым. «В Советской России сумасшедший дом — это единственное место, где может жить нормальный человек» [3, с. 238], — говорил один из персонажей «Золотого телёнка», пытавшийся симулировать сумасшествие. Окружающие освобождают «ненормального» от необходимости следовать многим социальным условностям. Потому что с «дурачка» — какой спрос?

Во-вторых, притворное безумие могло быть специфической попыткой «вылечить» общество, которое отошло от здоровых принципов, погрязло во лжи и лицемерии. «Безумием мнимым безумие мира обличивши» [4, с. 14], — поётся в тропаре блаженной Ксении Петербургской, и эти слова раскрывают суть второго типа притворного безумия. В православной традиции он называется юродством. Главное отличие юродивого от первого типа притворного безумия — демонстративность. Юродство направлено не на уход от общества, а на его преобразование, юродивый всегда бросает миру определённый вызов.

Между тем второй путь избирали не только православные юродивые Средневековья.

Был он известен и людям более поздних эпох.

В. В. Розанов наблюдал появление ростков того общества, становление которого во всей силе мы наблюдаем сейчас, и о котором пишут М. В. Чекмарёв и А. С. Чупров. Странник самодержавия, В. В. Розанов находился вне того интеллектуального мейнстрима, который желал конституции и реформ или же грезил об очистительной революционной буре. Но и в «официозе» не был В. В. Розанов своим: критиковал действовавшее семейное законодательство, считал, что в смысле «человечности», в понимании святости семьи и деторождения Ветхий Завет превосходит Новый.

Чтобы в этих условиях всё же быть услышанным, В. В. Розанов вносит в своё творчество элементы юродства: с одной стороны, экспрессивность, эпатажность, крикливость, внешнюю безосновательность и даже непоследовательность, с другой — созерцательность, наличие внимающей аудитории. Проявлялись эти особенности и в поведении мыслителя — мемуаристы отмечали эпатажность поведения, резкость выражений, любопытство, склонность к вынесению на публичное обсуждение закрытых, табуированных тем. То, что современники порой оценивали как невоспитанность, невежливость В. В. Розанова, на деле вписывается в образ юродивого (мыслителя уже в начале XX века называл юродивым Р. В. Иванов-Разумник).

Достиг ли философ своей цели? Оправдала ли себя стратегия векордизма? Ответить однозначно сложно. Розанов добился широкой известности, но многие из читающей публики не любили его либо понимали превратно. Розанов не спас Российскую Империю, но где и когда юродивые спасали империи? Розанов, безусловно, был и является для многих властителем дум, но направленность и последствия розановского влияния на умы не поддаются учёту.

Рассмотрим теперь, как открытый нарушитель общепринятых норм (но не еретик и не преступник) выглядел с точки зрения общества.

Доминирует определённая система норм и ценностей, при этом она рассматривается как «естественная» и общечеловеческая. Осознанно нарушить эти нормы, кажется, способен лишь «ненормальный»: носителям доминирующей культуры сложно поверить, что кто-то может нарушить нормы, необходимость следования которым самоочевидна и не нуждается в доказательствах.

Ещё в эпоху традиционных обществ каждое общество, отталкиваясь от своей

нормативной системы, по-своему определяло, кого считать «нормальным», а кого — безумным. Так, апостол Павел чётко сознавал: для язычников верующие в Распятого Бога христиане — безумцы. Он прямо пишет об этом в Первом послании Коринфянам: «Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых — сила Божия» (1 Кор., I, 18). Поэтому, когда христианство возобладало над язычеством, многим казалось, что рушится мир, что происходящее абсурдно. Кому-то эта ситуация может напомнить нынешнюю, но сравнение было бы чересчур поверхностным. В древности и Средневековье одна религиозная система норм и ценностей приходила на смену другой. Современная ситуация — принципиально иная. По верному замечанию М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова, «прежние ценностные ориентиры ушли в прошлое, а новые пока не наделяют личностное существование человека приемлемым смысловым содержанием», «нет готовых схем для того, чтобы прожить жизнь, необходимо искать способ сделать это как-то по-своему» [6, с. 6, 10].

Интересно, что почти век назад аналогичным образом описывал ситуацию В. В. Розанов. Правда, в работе «Апокалипсис нашего времени» он более определённо высказывался о причинах её возникновения: «Нет сомнения, что глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском (всем, в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от былого христианства; и в эти пустоты проваливается всё: троны, классы, сословия, труд, богатства» [5, с. 597].

Иными словами, если в несовременных обществах человека оценивали по универсальной ценностной религиозной шкале, то в нынешнем обществе, в результате девальвации религиозных ценностей, такая шкала принципиально отсутствует. С одной стороны, прослыть безумцем в таком обществе сложнее, чем в обществе со строгой системой ценностей и норм. Отсюда — терпимое отношение к патологическим выходкам известных людей, которые списываются на эпатаж, чудачковатость и эксцентричность. Классическим примером может служить Сальвадор Дали. Живи он в XIX веке, не говоря уже о более ранних временах, он едва ли продолжал бы оставаться столь же уважаемым членом общества.

С другой стороны, общество нового типа не в состоянии предложить человеку простой и ясный набор жизненных норм. Понятно, что наименее комфортно в таком обществе себя чувствуют люди верующие, сохранившие

от предыдущей эпохи нерелятивную ценностную систему и желающие жить по ней дальше. Ведь сегодня любой, кто настаивает на том, что человека следует измерять Истиной, а не наоборот, рискует прослыть фанатиком и едва ли не экстремистом. Однако некомфортно в таких условиях порой и атеистам, по инерции продолжающим верить в существование общезначимых ценностей. Вот психологическая зарисовка, созданная неверующим С. Довлатовым в знаменитом «Компромиссе»: «Я вдруг утратил чувство реальности. В открывшемся мире не было перспектив. Будущее толпилось за плечами. Пережитое заслоняло горизонт. Мне стало казаться, что гармонию выдумали поэты, желая тронуть людские сердца». [1, с. 260] Именно отсутствием признанных духовных и нравственных ориентиров, на наш взгляд, объясняется упоминаемое М. В. Чекмарёвым и А. С. Чупровым распространение мотивов безумия в современном кинематографе и других видах искусства.

Ощущение абсурдности существования должно, по мнению М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова, оставить человечество, когда кончится переходный период, когда вырастет поколение, в котором никто никогда не воспитывал коллективизм. Однако мы полагаем, что этого не произойдёт. Ощущение хаотичности мира не кончится оттого, что все к ней привыкнут. Ведь стремление к определённости — сущностно в человеке. Пока люди живут на земле, им будет необходима простая и ясная картина мира, причём такая, которая базировалась бы

на абсолютных началах, охватывала все стороны реальности и примиряла с конечностью существования. Значит, эмпирический элемент в ней не должен быть единственным и главным. Мировоззрение, которое отвечает указанным требованиям, — это мировоззрение религиозное.

«Все потрясены. Все гибнут, все гибнет. Но все это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания» [5, с. 597], — писал В. В. Розанов, имея в виду, конечно, религиозное содержание. Надежда на то, что эту пустоту можно заполнить некими «обновлёнными формами духовности», беспочвенна. Религия, как уже говорилось, ценна тем, что даёт человеку ощутить «высшее» над собой. Рукотворные «обновления» не только прерывают цепочку живой духовной традиции, но и ставят человека выше Абсолюта, выхолащивают метафизическое содержание, которое как раз и ценно в религии.

Вслед за В. В. Розановым мы рассматриваем религию как единственный мировоззренческий ресурс, способный дать человеку предельную определённую существования. Поэтому преодоление тех кризисных явлений в духовной жизни, которым посвятили статью М. В. Чекмарёв и А. С. Чупров, могло бы лежать через искреннее возвращение широких масс населения к традиционному религиозному мировоззрению и образу жизни. По всей видимости, в обозримом будущем этого не произойдёт, а значит, нам придётся продолжать переживать то, что пронизательный В. В. Розанов назвал «апокалипсисом нашего времени».

1. Довлатов С. Компромисс / С. Довлатов // Довлатов С. Зона. Компромисс. Заповедник. — М.: Независимое изд-во «ПИК», 1991. С. 131–266.
2. Ерофеев В. В. Москва — Петушки: поэма / В. В. Ерофеев. — М.: Изд-во «Прометей», 1989. 128 с.
3. Ильф И. А. Золотой теленок / И. А. Ильф, Е. П. Петров. — Челябинск: НВП «Пластик-информ», 1992. 414 с.
4. Православный церковный календарь. 1997. — М.: Изд-во Московской Патриархии, 1996. 112 с.
5. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени / В. В. Розанов // Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. — М.: Эксмо, 2008. С. 595–682.
6. Чекмарев М. В. Векордизм, или Мироощущение как способ защиты / М. В. Чекмарев, А. С. Чупров // Социум и власть. 2011. № 4. С. 5–12.

СОЦИУМ

SOCIUM

Зборовский Г.Е. Образовательное знание социума. Даются понятия социума и образовательного знания. Рассматриваются проблемы связи образования и знания. Показывается значение образовательного знания для развития социума.

Ключевые понятия: социум, знание, образование, образовательное знание.

Бондаренко Т.А. Министерство внутренних дел Российской Федерации в иерархии престижа силовых ведомств. Приводятся результаты социологических исследований, проведенных в 2004, 2010 годах в Дальневосточном федеральном округе. Проведен сравнительный анализ престижа силовых ведомств: МВД, ФСБ, МЧС, прокуратуры, ФСИН, МО, ФТС РФ.

Ключевые понятия: критерии престижа, уровни уставки, реформирование.

ВЛАСТЬ

POWER

Безвиконная Е.В. Муниципальная политическая культура и формы политической активности местного сообщества. Местное сообщество представляет собой ключевой субъект процесса самоорганизации, объединяя население, проживающее на исторически сложившейся и экономически обособленной территории одного или нескольких поселений, на основе общих условий жизни, ценностей, традиций, обычаев и необходимости решения общих вопросов местного значения. Способность местного сообщества самостоятельно определять и реализовывать муниципальные интересы и потребности, координировать отношения со всеми субъектами политического процесса на местном уровне власти, проявлять активную гражданскую позицию в решении вопросов местного значения и выражать общественное мнение по ключевым вопросам жизнедеятельности общества, составляет основу не только публично-властных отношений на местах, но и содержание муниципальной политической культуры.

Ключевые понятия: местное сообщество, муниципальная политическая культура, самоорганизация, синергично-коммуникативная модель самоуправления, публичная власть, гражданская партисипаторная культура, политическая активность, политическое участие, политические коммуникации.

Бердникова Н.С., Подвинцев О.Б. Трансформация моделей управления в крупных российских городах на рубеже 2000–2010-х гг.: Пермь, Екатеринбург, Омск. В ходе исследования был проведен анализ взаимодействия городских legislatures с главами местного самоуправления в крупных городах России: Перми, Омске, Екатеринбурге. На основе интервью с представителями местного самоуправления и экспертами проанализированы политические сценарии, особенности моделей взаимодействия в политической практике крупных городов.

G.E. Zborowski. Educational knowledge of society. The notions of “society” and “educational knowledge” are disclosed. The issue of correlation between education and knowledge are discussed. The importance a educational knowledge in the development of society is shown.

Key concepts: society, knowledge, education, educational knowledge.

T.A. Bondarenko. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the prestige hierarchy of law enforcement agencies. The work contains the results of social surveys conducted in 2004, 2010 in the Far-East Federal District. A comparative analysis of the following Russian power-wielding structures is conducted: Ministry of Internal Affairs, Federal Security Service, Emergencies Ministry, Prosecutor General’s Office, Federal Service for Execution of Punishment, Ministry of Defence, Federal Customs Service.

Key concepts: prestige criteria, directive levels, reformation.

E.V. Bezikonnaya. Municipal political culture and forms of political activities of local community. A local community represents a key subject in the process of self-organization, uniting the people living on the historically formed economically independent territory of one or several settlements, on the basis of common environment, values, traditions, customs and the need to solve share problems of local importance. The ability of a local community to independently detect and realize municipal interests and needs, coordinate the relations between all the subjects of local political process, to be active citizens in solving problems of local importance and express public opinion on key issues of social life not only make the basis of public-power relations at the local level, but also form municipal political culture.

Key concepts: local community, municipal political culture, self-organization, synergy-communicative model of self-government, public authority, civic participatory culture, political activity, political participation and political communication.

N.S. Berdnikova, O.B. Podvintsev. Management models transformation in large Russian cities in the late 2000–2010s.: Perm, Yekaterinburg, Omsk. As part of the study interaction of municipal legislatures with the heads of local government in large cities of Russia: Perm, Omsk, Yekaterinburg was analyzed. On the basis of interviews with representatives of local authorities and experts political scenarios, especially patterns of interaction in the political practices of large cities were analyzed.

Ключевые понятия: муниципальный уровень управления, модель взаимодействия, оппозиция, технологии формирования лояльного представительного органа, группы депутатов.

Стрельников С.С. Законодательное оформление государственно-конфессиональных отношений: анализ проектов концепций государственной политики. В данной статье автор делает попытку определения взаимосвязи понятий «концепция», «модель» и «теория» применительно к политологии и дает краткий анализ наиболее распространенных в российском научном сообществе проектов концепции политики государства в сфере отношений с религиозными организациями.

Ключевые понятия: государственно-конфессиональные отношения, концепция, политика и религия, свобода совести

Осипов О.В. О разграничении секулярного и религиозного в политической жизни России. Статья посвящена проблеме взаимоотношения церкви и общества, РПЦ и государства, разграничению религиозных и светских подходов к антиобщественным публичным акциям.

Ключевые понятия: Русская Православная Церковь и государство, церковь и общество, свобода вероисповедания, свобода совести, панк-группа Pussy Riot.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Черепанова О.С. Принцип взаимной ответственности государства и личности: понятие, сущность, структура. Статья посвящена актуальной проблеме взаимодействия государства и личности, основу которого составляет принцип их взаимной ответственности. Исследуя теоретико-правовую модель данного принципа, выделяя и раскрывая его структурные элементы, автор приходит к выводу о его особом значении для обеспечения баланса интересов общества и государства, достижения гармонии между свободой и правопорядком.

Ключевые понятия: государство, личность, принципы, права и свободы, обязанности, взаимная ответственность.

Тараборин Р.С. К вопросу о юридической силе Сводов законов Российской империи 1832–1857 гг. В статье рассматривается основной источник права российского государства первой половины XIX в. – Свод законов Российской империи. Основное внимание уделяется анализу юридической силы свода законов 1832 г. и последующих редакций 1842 и 1857 гг. Исследование основывается на имеющихся историко-юридических исследованиях, правовых актах и архивных данных.

Ключевые понятия: Российская империя, император Николай I, Свод законов, юридическая сила свода законов, полное собрание законов, государственный совет.

Голощапов Е.В. Особенности предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в местах лишения свободы. Статья

Key concepts: municipal authorities, interaction model, opposition, technology of loyal representative body formation, deputy groups.

S.S. Strelnikov. Legislative support of state-confessional relations: an analysis of the projects of public policy concepts. In the given article the author makes an attempt to define the notions of "concept", "model" and "theory" in relation to political science and provides a brief analysis of most wide-spread in the Russian scientific community projects of public policy concepts in the sphere of relations with religious bodies.

Key concepts: state-confessional relations, concept, politics and religion, freedom of conscience.

O.V. Osipov. On the delimitation of the secular and the religious in the political life of Russia. The article is devoted to the issue of relations between the church and society, Russian Orthodox Church and the state, differentiation between religious and secular approaches to anti-social public actions.

Key concepts: Russian Orthodox Church and the state, church and society, freedom of faith, freedom of conscience, punk band Pussy Riot.

STATE AND LAW

O.S. Cherepanova. The principle of mutual responsibility of state and individual: concept, nature, structure. The article dwells on the acute issue of interaction between the state and a person, which is based on their mutual responsibility. While studying the theoretical legal model of this principle, distinguishing between and unfolding its structural elements, the author comes to the conclusion that it is of special importance for balancing the interests of society and state, achieving harmony between freedom and legal order.

Key concepts: state, person, principles, rights and freedoms, duties, mutual responsibility.

R.S. Taraborin. On the question of the validity of legal codes in the Russian Empire of 1832–1857. The article deals with the main source of law in the State of Russia in the first half of the XIX century – Code of Laws of the Russian Empire. It focuses on analyzing validity of the Code of Laws of 1832 and subsequent editions of 1842 and 1857. The study is based on the available historical and legal research, legal documents and archival data.

Key concepts: The Russian Empire, the Emperor Nicholas I, Code of Laws, legal force of the Code of Laws, a complete collection of laws, State Council.

E.V. Goloshchapov. Peculiarities of the prevention of crimes associated with illegal drug and psychotropic substances dispensing in institutions of confinement. The article is devoted to one of the acute state issues, related

---

посвящена одной из насущных государственных проблем, связанных с ослаблением наркоситуации в пенитенциарных учреждениях. Употребление наркотических средств и психотропных веществ в местах лишения свободы как отдельном мини-социуме способствует в определённой степени их криминогенности и негативном влиянии на всех граждан страны, что обуславливает важность и необходимость проведения предупредительных мероприятий с учётом специфики исправительного учреждения.

Ключевые понятия: наркотические средства, психотропные вещества, места лишения свободы, предупреждение преступлений.

Семенов В.А., Гладышева О.В. Полномочия руководителя следственного органа в досудебном производстве. Признается обоснованным решение законодателя о наименовании должностного лица, возглавляющего следственное подразделение, руководителем следственного органа. Подчеркивается преимущество руководителя следственного органа по сравнению с прокурором – непосредственная близость к объекту контроля (действиям и решениям следователя). Сосредоточение следственного аппарата в Следственном комитете рассматривается как наилучшее решение вопроса об организационных формах раскрытия и расследования преступлений, обеспечения процессуальной самостоятельности следователя. Обосновывается целесообразность наделения руководителя следственного органа дополнительными полномочиями: 1) изымать материалы проверки сообщения о преступлении у следователя и передавать их другому следователю; 2) давать следователю указания о проведении проверки сообщения о преступлении.

Ключевые понятия: руководитель следственного органа, полномочия, следователь, эффективность предварительного следствия.

Никулочкин Е.О., Сергеев А.Б. Главные и доказательственные факты в системе доказательственного права: соотношение и взаимообусловленность. В статье анализируется содержание перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, и его достаточность для отправления правосудия.

Ключевые понятия: уголовное судопроизводство, предмет доказывания, главный факт, доказательственный факт.

to aggravation of drug-abuse situation in penal institutions. Drug and psychotropic substances consumption in institutions of confinement as a separate mini-society contributes to a certain extent to their criminality and negative impact on all citizens of the country, hence the importance and the need for preventive measures specific to the correctional institution.

Key concepts: drug substances, psychotropic substances, institutions of confinement, crime prevention.

V.A. Sementsov, O. V. Gladysheva. The powers of the investigation agency head in pre-trial. Decision of the legislator to appoint the official, who heads the investigative unit, head of the investigative body is recognized as valid. The advantage of the head of the investigative body in comparison to the prosecutor - the proximity to the object of control (the actions and decisions of the investigator) is emphasized. The concentration of the investigative staff in the Investigation Committee is regarded as the best solution to the question of organizational forms of disclosure and investigation of crimes, to ensure the procedural autonomy of the investigator. The expediency of vesting the head of an investigative body with additional powers is justified: 1) to withdraw the materials of offence reports inspection from the investigator and transfer them to another investigator, 2) to provide the investigator with directions to conduct offence reports inspection.

Key concepts: head of the investigative body, authority, investigator, effectiveness of the preliminary investigation.

E.O. Nikulochkin, A.B. Sergeev. The principal and evidentiary facts in the law of evidence: correlation and interdependence. The article analyzes the list of circumstances subject to be proven in criminal proceedings, and its sufficiency for the administration of justice.

Key concepts: criminal trial, circumstance in proof, principle fact, evidential matter.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Лавров И.В. Экономические аспекты развития теории благосостояния в условиях социального государства. Статья посвящена актуальным проблемам современной экономической теории благосостояния и роли нормативной парадигмы в науке. Все области и направления экономики допускают в равной степени и позитивное, и нормативное исследование, но до сих пор дискуссионными остаются концептуальные особенности, специфика нормативной парадигмы, ее логико-онтологические особенности. Последнее важно для обоснования включения новых объектов в рассмотрение экономической теории благосостояния, а также развитие новых аспектов уже известных объектов и проблем экономики.

ECONOMICS AND MANAGEMENT

I.V. Lavrov. Economic aspects of theory of welfare development in a social welfare state. The article is devoted to acute issues of modern economic theory of welfare and the role of regulatory paradigm in science. All areas and trends of economics equally admit positive and normative research, but conceptual features, the specificity of regulatory paradigm, its logical and ontological features still remain controversial. The latter is important to justify the inclusion of new objects in the consideration of the economic theory of welfare and development of new aspects of known objects and issues of economics.

Ключевые понятия: нормативная экономическая теория, благосостояние, дихотомические понятия нормативной парадигмы, позитивизм в экономике, экономика счастья.

Неживенко Е.А. Конкурентоспособность региона: методологические проблемы исследования. В статье излагаются концептуальные подходы к формированию понятия конкурентоспособности региона. Проводится критический анализ имеющихся трактовок этого понятия. Раскрывается содержание понятия «конкурентоспособность региона», являющееся методологической основой региональных исследований конкурентоспособности.

Ключевые понятия: конкуренция, конкурентоспособность, конкурентные преимущества, регион.

Мишанина О.А. Понятие и обоснование необходимости антикризисного управления на уровне муниципального образования.

В статье раскрывается сущность, специфика и особенности антикризисного управления на муниципальном уровне, рассматриваются основные направления и формы антикризисных процедур на уровне муниципального образования. Автор предлагает методический подход к процессу антикризисного муниципального управления с выделением основных этапов.

Ключевые понятия: антикризисное процесс, муниципальное образование, управление, бюджетный процесс.

Коротина Н.Ю. Проблемы обеспечения финансовой самостоятельности муниципальных образований. В статье рассматриваются проблемы финансовой обеспеченности муниципальных образований в Российской Федерации, причины низких поступлений доходов в местные бюджеты. Определены возможные пути повышения самостоятельности местных бюджетов.

Ключевые понятия: самостоятельность муниципальных образований, собственные доходы местных бюджетов.

Симонов С.Г., Кирина И.Л., Кайдаров М.К. Перспективы развития рынка труда юга Тюменской области. В статье, на основе собранного материала и результатов проведенного социально-экономического исследования рынка труда юга Тюменской области, выявлена потребность в рабочей силе на 2012–2013 гг. по основным видам экономической деятельности, отраслям и профессиям. Изучено экономическое поведение работодателей региона с позиции предъявляемого ими спроса на рабочую силу. Определены перспективы привлечения иностранной рабочей силы на предприятия юга Тюменской области по сегментам рынка труда.

Ключевые понятия: региональный рынок труда, спрос на рабочую силу, предложение рабочей силы, потребность в работниках, поведение работодателя.

КУЛЬТУРА

Павлов А.В. Морализм европейского Модерна. Анализируется роль морали в общественной жизни, рассматриваются ее экономические, политические

Key concepts: normative economics, welfare, dichotomous notions of normative paradigm, positivism in economics, economics of happiness.

E.A. Nezhivenko. The competitiveness of the region: methodological problems of research. The article presents conceptual approaches to the formation of the concept of regional competitiveness. A critical analysis of existing interpretations of this concept is conducted. The concept of «regional competitiveness», which is the methodological basis for the regional studies of competitiveness, is disclosed.

Key concepts: competition, competitive ability, competitive advantages, region.

O.A. Mishanina. The concept and rationale for crisis management at the municipal level. The article reveals the essence, the specificity and characteristics of crisis management at the municipal level, considers the main directions and forms of crisis management procedures at the municipal level. The author proposes a methodical approach to municipal crisis management with the specification of key stages.

Key concepts: crisis management process, municipal unit, government, budget process.

N.Y. Korotina. Ensuring financial independence of municipalities in the Russian Federation. The article considers the problem of financial security of municipalities in the Russian Federation, the reasons for the low revenues to local budgets. The possible ways of increasing the autonomy of local budgets are determined.

Key concepts: autonomy of municipalities, own revenues of local budgets.

S.G. Simonov, I.L. Kirina, M.K. Kaydarov. Prospects for the development of labor market in the south of the Tyumen Region. On the basis of the collected material and the findings of socio-economic study of the labor market of the south Tyumen region, this paper identifies the need for manpower in the main economic activities, industries and professions for 2012-2013. The economic behavior of employers in the region is studied from the perspective of the presented demand for labor. The prospects of attracting foreign labor to the enterprises of the south Tyumen region according to segments of the labor market are defined.

Key concepts: regional labor market, labor demand, labor supply, demand for employee, employer's behavior.

CULTURE

A.V. Pavlov. Moralism of European Modernist style. The work analyzes the role of morality in social life, examines its economic, political and legal aspects, and notes the shift

---

и правовые аспекты, отмечается смена типов морали в зависимости от стадии культурно-исторической эпохи. Выдвигается тезис о чередовании демократии и тоталитаризма, капитализма и социализма.

Ключевые понятия: Модерн, постмодерн, межцивилизационная эпоха, поколение, демократия, тоталитаризм, моральная обязательность.

Яркова Е.Н. Нравственные основания российской модернизации. В статье рассматриваются нравственные основания российской модернизации. По мнению автора, баланс интересов – государственного, общественного частного – является решающим фактором модернизации России.

Ключевые понятия: модернизация, нравственность, интерес, утилитаризм.

Некрасов С.Н. Евразийско-культурологический научный дискурс модернизации: личность и права человека как центральная проблематика российских перестроек. Синтез классового западного научного подхода и синтетического евразийского позволяет получить перспективную интеграционную научную модель для общественного сознания русского народа. История показывает, что еще ненаучные идеи молодого Маркса определили вектор перестройки, вдохновили массы на прикрытие бюрократической революции аппарата. Доказывается, что следующая перестройка как модернизация России и стран Евразии неизбежно будет строиться на проблематике личности и прав абстрактного человека.

Ключевые понятия: перестройка, евразийская идеология, мифологема постиндустриализма, неоиндустриальный вектор развития, синтез классового западного научного подхода и синтетического евразийского, личность как незрелая идеологема, две формы марксизма, западные – историцистская и структуралистская – версии марксизма, идеи молодого Маркса как вектор перестройки.

Жилина В.А. Соотношение восходящих и нисходящих форм развития субъекта идеологии. Субъектность бытия – это рассмотрение человека как носителя культуры. Субъект аккумулирует все, чем способен быть человек и, соответственно, что он может сделать. Идеологический субъект можно разделить на субъекта речи, субъекта рассказа, субъекта ответственности и субъекта действия. Восходящие и нисходящие формы развития субъекта идеологии возможно раскрыть посредством диалектического анализа.

Ключевые понятия: субъект, восходящее развитие, нисходящее развитие, диалектика, идеология.

Баркова В.В., Липский В.И., Никанорова Т.В. Стили философского мыслетворчества и поиск субъектом своей философской стези «поверх их размежевания». В статье рассмотрены узловые моменты историко-философского процесса становления философского мыслетворчества, субъекта философствования и стилей презентирования философского знания.

Ключевые понятия: философствующий разум, философское мыслетворчество, определяющее себя мышление субъекта, стили презентирования философского знания.

in types of morality depending on the stage of culture-historical epoch. An idea of alternation of democracy and totalitarianism, capitalism and socialism is set forth.

Key concepts: modernism, postmodernism, interculturalization epoch, generation, democracy, totalitarianism, moral responsibility.

E.N. Yarkova. The moral foundation of Russia's modernization. The article touches upon the moral foundations of Russian modernization. In the author's opinion the balance between the interests of the national, the social and the private determines Russian modernization.

Key concepts: modernization, morality, interest, utilitarianism.

S.N. Nekrasov. Eurasian cultural scientific discourse of modernization: personality and human rights as a central issue in Russian restructuring. Synthesis of Western scientific class approach and Eurasian synthetic one provides a promising integration scientific model for Russian people's social consciousness. History shows that even non-scientific ideas of the young Marx defined the vector of restructuring, inspired the masses to shield the bureaucratic apparatus revolution. It is proved that the following restructuring like modernization of Russia and Eurasian countries will inevitably be based on issues of human identity and rights of an abstract person.

Key concepts: restructuring, Eurasian ideology, myth of post-industrialism, neo-industrial vector of development, Synthesis of Western scientific class approach and Eurasian synthetic one, personality as an immature ideologeme, two forms of Marxism, Western - historicist and structuralist versions of Marxism, the ideas of the young Marx as a vector of restructuring.

V.A. Zhilina. Correlation of upward and top-down forms of development of the ideology subject. The subjectness of life is considering a person as a bearer of culture. The subject accumulates everything what a person can be and, therefore, what they can do. Ideological subject may be divided into the subject of speech, the subject of story, the subject of liability and the subject of action. Ascending and descending forms of the ideology of the subject might reveal through dialectical analysis. Ascending and descending forms of development of the ideology subject can be disclosed by means of dialectic analysis.

Key concepts: subject, upward development, top-down development, dialectics, ideology.

V.V. Barkova, V.I. Lipsky, T.V. Nikanorova. Styles of philosophical brainwork and a person's search of their philosophical path «over their disengagement». The article deals with the focal points of historical and philosophical process of philosophical brainwork, subject and style of philosophic knowledge presentation establishment.

Key concepts: philosophizing mind, philosophical brainwork, self-determining subject's thinking, styles of philosophical knowledge presentation.

Ольховиков К.М. Философия конфликта как матрица религиозной толерантности. Философия конфликта в значительной степени восходит к диалектическим построениям марксизма. Однако ее прагматический смысл во многом передается посредством социальных теорий классиков социологии и представителей Франкфуртской школы. При этом в существующих публикациях отсутствует последовательное сопоставление этих разных методологий. Что и предложено в данной статье.

Ключевые понятия: конфликт, философия конфликта, толерантность, религиозная толерантность.

ИСТОРИЯ

Потёмкина М.Н. Образ СССР в канадской прессе 1945–1946 гг. В статье анализируются составные черты образа СССР в канадской периодической печати на рубеже окончания Второй мировой войны и начала «холодной войны». Констатируется, что образ носил противоречивый, мозаичный и искажённый характер.

Ключевые понятия: история сталинизма, Вторая мировая война, образ страны, периодическая печать, канадско-российские отношения.

Трошина Т.И. Специфика народного правотворчества на Европейском Севере России в условиях «вакуума власти» 1917–1921 годов. Попытки воссоздания территориальными сообществами правовой защиты в условиях вакуума центральной власти рассматриваются как симбиоз традиционных практик на основе «обычного права» и способов организации социального контроля, которые внедрялись в народную среду государственными институтами. Отмечается, что на различных этапах революционной эпохи 1917–1921 годов осуществление социального контроля и поддержание солидарности приобретало различные формы и варьировалось в зависимости от той опасности, которая угрожала социуму – от стихийного бунтарства или от жесткой государственной власти. В основу статьи положено исследование социальной истории Европейского Севера России первой четверти XX века.

Ключевые понятия: «обычное» право, локальное законотворчество, социальный контроль, Европейский Север, самосуды, самоуправство, взаимоотношение населения и государства в условиях социальной нестабильности.

Антипова Е.И. Организация санаторно-курортного дела органами социального страхования в период нэпа (на материалах Уральской губернии). В статье поднимаются основные проблемы организации санаторно-курортного дела органами социального страхования в период нэпа, раскрывается историко-правовой аспект осуществления санаторно-курортного лечения, которое рассматривалось как одно из направлений медицинского обслуживания застрахованных рабочих.

Ключевые понятия: социальное страхование, санаторно-курортное лечение, нэп (новая экономическая политика).

Смирнов Г.С. Становление и развитие домов-интернатов малой вместимости на Южном Урале (на примере Челябинской области). В статье на

K.M. Olkhovikov. The philosophy of conflict as a matrix of religious tolerance. The philosophy conflict to a large extent goes back to the dialectical constructions of Marxism. However, its pragmatic meaning is largely transmitted through the social theories of the classics of sociology and representatives of the Frankfurt School. In the existing literature there is no consistent comparison of different methodologies. It is proposed in this paper.

Key concepts: conflict, philosophy of conflict, tolerance, religious tolerance.

HISTORY

M.N. Potemkina. The image of the Soviet Union in the Canadian press in 1945–1946. The article analyzes the features of the composite image of the Soviet Union in the Canadian periodical press at the turn of the Second World War and the beginning of the «cold war». It is noted that the image was controversial, mosaic and distorted.

Key concepts: history of Stalinism, World War II, image of the country, periodical press, Canadian-Russian relations.

T.I. Troshina. The specificity of the national law-making in the European North of Russia in a «power vacuum» of 1917–1921. Attempts to recreate the legal protection of territorial communities in a vacuum of central authority are regarded as a symbiosis of the traditional practices on the basis of «customary law» and ways of organizing social control, which were introduced by the popular medium of public institutions. It is noted that at various stages of the revolutionary era of 1917–1921 years implementation of social control and maintenance of solidarity assumed different forms and varied depending on the danger which threatened society - from a spontaneous rebellion, or from a rigid state power. The article is based on the study of social history of North of European Russia in the first quarter of the twentieth century.

Key concepts: «customary law», local lawmaking, social control, North Europe, lynch laws, self-will, relationship of population and the state in conditions of social instability.

E.I. Antipova. Organization of sanatorium-resort business by social insurance agencies during the period of the New Economic Policy (on materials of the Ural Province). The main problems of sanatorium-resort business organization are raised in the article, historical legal aspect of sanatorium-and-spa treatment, which was viewed as one of the directions of insured workers medical support, is dwelt on.

Key concepts: social insurance, sanatorium-and-spa treatment, NEP (New Economic Policy).

G.S. Smirnov. Formation and development of low capacity foster homes in the South Urals (on the example of the Chelyabinsk region). The article studies

---

материалах Челябинской области исследованы исторические этапы развития домов-интернатов малой вместимости системы социальной защиты населения. Проведён анализ практической деятельности и перспектив их дальнейшего существования в качестве муниципальных социальных учреждений. Сделан вывод о необходимости нормативной и финансовой поддержки со стороны государственных органов.

Ключевые понятия: дома-интернаты малой вместимости, Челябинская область, этапы и перспективы развития, финансирование деятельности, содержание и обслуживание проживающих, государственная социальная политика

Новоселов В.Н. Нарращивание мощностей производства плутония и трития на ПО «Маяк» в условиях холодной войны (1948–1950-е гг.). В статье рассмотрен процесс наращивания мощностей комбината № 817 (ПО «Маяк») по производству плутония и трития для ядерного и термоядерного оружия. Показаны причины концентрации на ограниченной территории единственного в 1948–1950-х гг. предприятия данного профиля производства всех видов ядерных и термоядерных зарядов. Дана характеристика особенностей первых ядерных реакторов военного типа.

Ключевые понятия: холодная война, гонка ядерного оружия, атомный проект СССР, ядерный реактор, плутоний, тритий.

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Тульчинский Г.Л. «Безумие» или новая жизненная компетентность?.. В статье в полемической форме рассматриваются проблемы, отмеченные в статье М.В. Чекмарев и А.С. Чупрова, опубликованной в журнале «Социум и власть». По мнению автора, массовое общество и рыночная экономика породили общество, которое является буквальной реализацией великого проекта гуманизма Просвещения. В итоге в условиях маркетизации произошла трансформация базовых ценностей традиционной культуры. Мир вступил в новую модальность бытия – модальность возможности.

Ключевые понятия: массовое общество, маркетизация, идентичность, ценностный релятивизм.

Ермолюк А.Р., Ермолюк А.В. Мудрость и юродство Василия Розанова. Статья представляет собой отклик на статью М.В. Чекмарёва и А.С. Чупрова. Авторы приходят к выводу, что изучение жизни и творчества В.В. Розанова способно помочь в решении вопросов, поднятых в рецензируемой статье.

Ключевые понятия: Василий Розанов, русская религиозная философия, духовный кризис.

historical stages of development of low capacity foster homes of Social Security system on the materials of the Chelyabinsk region. It analyses practices and prospects for their existence as municipal social institutions. The conclusion about the necessity of regulatory and financial support from the government is made.

Key concepts: low capacity foster homes, the Chelyabinsk region, stages and prospects for development, funding, maintenance and service of residents, government social policy.

V.N. Novoselov. Expanding capacity of plutonium and tritium production in the PA «Mayak» during Cold War (1948–1950). The article dwells on the process of integrated plant #817 (PA “Mayak”) expansion in production of plutonium and tritium for nuclear and thermonuclear weapon. It shows the reasons for concentration of all types of nuclear and thermonuclear charges production on the confined territory of the only in the 1948-1950s plant of the given industry

Key concepts: cold war, nuclear arms race, the USSR nuclear project, nuclear reactor, plutonium, tritium.

DISCUSSIONS AND DEBATES

G.L. Tulchinsky. «Madness» or a new life competence?.. The article in form of a dispute discusses the issues dealt with in the article by M.V. Chekmarev and A.S. Chuprov, published in the magazine “Society and Authority”. In the author’s opinion mass society and market economy gave birth to society, which is a matter-of-fact realization of the great Enlightenment humanism project. As a result in context of marketization a transformation of core values of traditional culture took place. The world has entered a new modality of existence - the modality of possibility.

Key concepts: mass society, marketization, identity, value relativism.

A.R. Ermolyuk, A.V. Ermolyuk. Wisdom and foolishness of Vasily Rozanov. The work presents a reflection on the article by M.V. Chekmarev and A. S. Chuprov «Vekordizm or attitude as a way of protection». The authors come to the conclusion that the study of V.V. Rozanov’s life and creative works can help to solve the problems put forward in the reviewed article.

Key Concepts: Vasily Rozanov, Russian religious philosophy, spiritual crisis.

АВТОРЫ НОМЕРА

Антипова Евгения Игоревна, главный специалист Государственно-правового управления Правительства Челябинской области, преподаватель кафедры информационной безопасности Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: antipova_evgeniy@mail.ru

Баркова Валентина Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: pashkovaia@cspu.ru

Безвиконная Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения, государственного и муниципального управления Омского государственного педагогического университета. E-mail: bezvikonnaja@rambler.ru

Бердникова Наталья Сергеевна, аспирант Пермского филиала Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: Skripka_n@bk.ru

Бондаренко Татьяна Алексеевна, кандидат психологических наук, докторант кафедры теории и социологии управления Академии управления Министерства внутренних дел России, г. Москва. E-mail: tabo21@mail.ru

Гладышева Ольга Владимировна, заведующий кафедрой уголовного процесса Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Краснодар. E-mail: volkolup@yandex.ru

Голощапов Евгений Владимирович, заместитель начальника оперативного управления ГУФСИН России по Челябинской области, майор внутренней службы, г. Челябинск. E-mail: golssmir@mail.ru

Ермолюк Айгуль Ринатовна, соискатель кафедры истории философии и философии образования Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Челябинск. E-mail: hadiewa@mail.ru

Ермолюк Алексей Викторович, кандидат исторических наук, руководитель пресс-службы Челябинской и Златоустовской епархии, г. Челябинск. E-mail: alexey_ermoluk@mail.ru

Жилина Вера Анатольевна, заведующая кафедрой философии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, доктор философских наук, доцент. E-mail: vera-zhilina@yandex.ru

Зборовский Гарольд Ефимович, заведующий кафедрой социологии гуманитарного университета города Екатеринбурга, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: garoldzborovskiy@gmail.com

Кайдаров Мурат Кажекенович, аспирант кафедры экономики товарных рынков Тюменского государственного нефтегазового университета. E-mail: kaidarova_14@mail.ru

Кирина Ирина Львовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики товарных рынков Тюменского государственного нефтегазового университета. E-mail: kirina-il@mail.ru

Коротина Наталья Юрьевна, заведующая кафедрой экономики и финансов Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент. E-mail: armada2005@mail.ru

Лавров Игорь Валентинович, кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и финансов Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент. E-mail: lavrovnauka@mail.ru

Липский Вячеслав Иванович, заведующий кафедрой философии Челябинского государственного педагогического университета, кандидат философских наук, доцент. E-mail: pashkovaia@cspu.ru

Мишанина Ольга Анатольевна, аспирант Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург. E-mail: helgamia@mail.ru

Неживенко Елена Алексеевна, заведующая кафедрой финансов и бухгалтерского учета Южно-Уральского профессионального института, доктор экономических наук, доцент, г. Челябинск. E-mail: mrcpk@list.ru

Некрасов Станислав Николаевич, заведующий кафедрой философии Уральской государственной сельскохозяйственной академии, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, доктор философских наук, профессор, г. Екатеринбург. E-mail: nekrasov-ural@yandex.ru

Никанорова Татьяна Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института в г. Челябинске. E-mail: nikatatyana@yandex.ru

Никулочкин Евгений Олегович, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: gff-88@mail.ru

Новоселов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой истории и философии Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор. E-mail: svkr1977@mail.ru

Ольховиков Константин Михайлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург. E-mail: ok.mymail@yandex.ru

Осипов Олег Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: osipov@rane74.ru

Павлов Александр Валентинович, доктор философских наук, профессор Тюменского государственного университета. E-mail: av-pavlov@mail.ru

Подвицнев Олег Борисович, директор Пермского филиала Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, доктор политических наук, профессор. E-mail: ip1_perm@mail.ru

Потёмкина Марина Николаевна, заведующая кафедрой Новой и Новейшей истории Магнитогорского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, г. Магнитогорск. E-mail: mpotemkina@mail.ru

Семенов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, профессор, г. Краснодар. E-mail: crimgro@yandex.ru

Сергеев Андрей Борисович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и уголовно-правовых дисциплин Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор. E-mail: sergeev_ab@bk.ru

Симонов Сергей Геннадьевич, доктор социологических наук, профессор кафедры экономики товарных рынков Тюменского государственного нефтегазового университета. E-mail: v.simonova.67@mail.ru

Смирнов Геннадий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры информационной безопасности Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: sss45@inbox.ru

Стрельников Сергей Сергеевич, аспирант кафедры политологии Тюменского государственного университета. E-mail: sss15@yandex.ru

Тараборин Роман Сергеевич, кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой государственного права Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент, г. Екатеринбург. E-mail: trs-2008@yandex.ru

Трошина Татьяна Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск. E-mail: tatr-arh@mail.ru

Тулчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал), Заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: gtul@mail.ru

Черепанова Ольга Сергеевна, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: olga41778@mail.ru

Яркова Елена Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета. E-mail: fellowsoldier86@mail.ru

---

AUTHORS OF THIS ISSUE

Eugenia I. Antipova, Senior specialist at the State Legal Department, Chelyabinsk region Government, lecturer in Information Security subdepartment, South Ural State University, Chelyabinsk. E-mail: antipova_evgeniy@mail.ru

Valentina V. Barkova, Ph.D., assistant professor of philosophy, Chelyabinsk State Pedagogical University. E-mail: pashkovaia@cspu.ru

Elena V. Bezvikkonnaya, Ph.D., Associate Professor of Law, Public Administration, Omsk State Pedagogical University. E-mail: bezvikkonnaja@rambler.ru

Natalia S. Berdnikova, graduate of the Perm branch of the Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences. E-mail: Skripka_n@bk.ru

Tatyana A. Bondarenko, Ph.D. in Psychology, Ph.D. candidate at the Department of Management Sociology, Ministry of the Interior Administration Academy, Moscow. E-mail: tabo21@mail.ru

Olga V. Gladysheva, head of the Criminal Process Chair, Kuban State University, PhD in Legal Sciences, associate professor, Krasnodar. E-mail: volkolup@yandex.ru

Eugene V. Goloshchapov, Deputy Chief of Operative Management of Russia's Federal Correctional Service central administration in Chelyabinsk region, major of domestic service, Chelyabinsk. E-mail: golssmir@mail.ru

Aigul R. Ermolyuk, degree-seeker at the History of Philosophy and Philosophy of Education Chair, the Ural Federal University named after the first Russian President Boris Yeltsin, Chelyabinsk. E-mail: hadiewa@mail.ru

Alexey V. Ermolyuk, candidate of historical sciences, spokesperson of the Chelyabinsk and Zlatoust Diocese, Chelyabinsk. E-mail: alexey_ermoluk@mail.ru

Vera A. Zhilina, head of Chair of Philosophy, Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, Ph.D., Associate Professor. E-mail: vera-zhilina@yandex.ru

Harold E. Zborowski, Head of Sociology Department at Yekaterinburg Humanities University, Ph.D., Professor, Honored Scientist of Russian Federation. E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Murat K. Kaydarov, a graduate student at Economics of Commodity Markets Department, the Tyumen State Oil and Gas University. E-mail: kaidarova_14@mail.ru

Irina L. Kirina, Ph.D. in Sociology, associate professor at Economics of Commodity Markets Department, the Tyumen State Oil and Gas University. E-mail: kirina-il@mail.ru

Natalia Y. Korotina, Head of the Economics and Finance Department, Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, candidate of economic sciences, professor. E-mail: armada2005@mail.ru

Igor V. Lavrov, Ph.D., Associate Professor at the Department of Economics and Finance, Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor. E-mail: lavrovnauka@mail.ru

Vyacheslav I. Lipsky, head of Philosophy Department, Chelyabinsk State Pedagogical University, Ph.D., Associate Professor. E-mail: pashkovaia@cspu.ru

Olga A. Mishanina, a graduate student at the Ural Institute - a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg. E-mail: helgamia@mail.ru

Elena A. Nezhivenko, Head of Finance and Accounting Department, Southern Urals professional institute, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk. E-mail: mrcpk@list.ru

Stanislav N. Nekrasov, Head of Department of Philosophy, Ural State Agricultural Academy, a professor of the Ural Federal University, named after the first Russian President Boris Yeltsin, Ph.D., professor, Yekaterinburg. E-mail: nekrasov-ural@yandex.ru

Tatyana V. Nikanorova, Ph.D., Associate Professor at Philosophy and Sociology Department, Chelyabinsk branch of All-Russian Correspondence Financial and Economic Institute. E-mail: nikatatyana@yandex.ru

Eugene O. Nikulochkin, Professor of Criminal Law, South-Ural State University, Chelyabinsk. E-mail: gff-88@mail.ru

Vladimir N. Novoselov, Head of History and Philosophy Department, Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, doctor of historical sciences, professor. E-mail: svkr1977@mail.ru

Konstantin M. Olkhovikov, Ph.D., Professor, a professor at Sociology and Social Management Technologies Department, the Ural Federal University, named after the first Russian President Boris Yeltsin Yekaterinburg. E-mail: ok.mymail@yandex.ru

Oleg V. Osipov, Ph.D. in historical sciences, assistant professor at Political science and Political administration Department, Chelyabinsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: osipov@rane74.ru

Alexander V. Pavlov, Ph.D, a professor at Tyumen State University. E-mail: av-pavlov@mail.ru

Oleg B. Podvintsev, director of the Perm branch of the Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences, professor. E-mail: ipl_perm@mail.ru

Marina N. Potemkina, Head of Modern and Contemporary History Department, Magnitogorsk State University, doctor of historical sciences, professor, Magnitogorsk. E-mail: mpotemkina@mail.ru

Vladimir A. Sementsov, Doctor of Law, Professor, Professor of Criminal Procedure, Kuban State University, Krasnodar. E-mail: crimpro@yandex.ru

Andrey B. Sergeev, LL.D., professor at Legal theory and Criminal Law Department, Chelyabinsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor. E-mail: sergeev_ab@bk.ru

Sergey G. Simonov, Doctor of Social Sciences, Professor of Commodity Markets Economics, Tyumen State Oil and Gas University. E-mail: v.simonova.67@mail.ru

Gennady S. Smirnov, candidate of historical sciences, senior lecturer at Information Security Department, South-Ural State University, Chelyabinsk. E-mail: sss45@inbox.ru

Sergey S. Strelnikov, a graduate student of political science at Tyumen State University. E-mail: sss15@yandex.ru

Roman S. Taraborin, PhD in historical sciences, Deputy Head of State Law Department, the Ural State Law Institute - a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Associate Professor, Yekaterinburg. E-mail: trs-2008@yandex.ru

Tatiana I. Troshina, Ph.D. in historical sciences, assistant professor at Social Work Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk. E-mail: tatr-arh@mail.ru

Gregory L. Tulchinsky, Ph.D., professor of the National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg Branch), Honored Scientist of Russian Federation. E-mail: gtul@mail.ru

Olga S. Cherepanova, lecturer at Civil Law Disciplines department, Barnaul Law Institute of the Russian Interior Ministry. E-mail: olga41778@mail.ru

Elena N. Yarkova, Ph.D., professor of philosophy, Tyumen State University. E-mail: fellowsoldier86@mail.ru

---

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 19.100 знаков без пробелов, включая список литературы*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзачным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

---

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5–2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules.»

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author – Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the "Antiplagiat" system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIUM AND POWER» journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.

Tel. 7 (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

---

* A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.